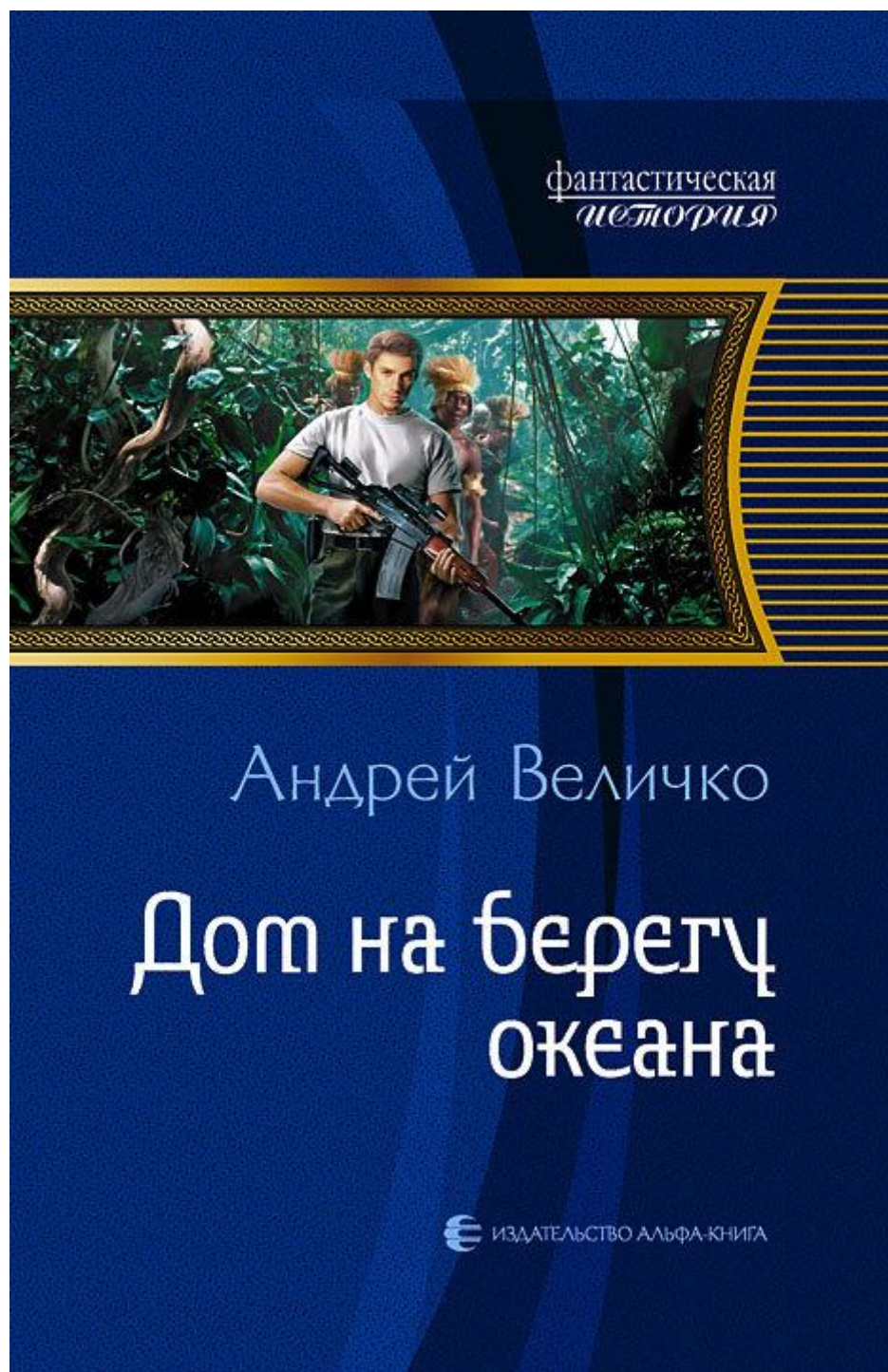

Андрей Феликсович Величко
Дом на берегу океана

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946545
«Дом на берегу океана»: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1257-0

Аннотация

Зачем инженеру одного из оборонных НИИ вдруг срочно потребовался револьвер, причем заряженный? А кроме него – топор, палатка, большая летающая модель с телекамерой и много чего еще, включая два бигмака и пакет конфет «Белочка». Очень

просто: Николай сумел открыть проход в другой мир и считает, что все это ему там пригодится. Конечно, может понадобится и еще что-нибудь, но молодой человек пока не знает, что именно. И хорошо, что не знает, иначе у него сразу бы опустились руки.

Но поговорку «глаза боятся, а руки делают» придумали не зря. Тем более что руки у Николая есть, работать ими он умеет и любит. В общем, сделать он может довольно много... да так, что мало никому не покажется.

Андрей Величко Дом на берегу океана

Пролог

Ну вот, значит, и настал тот самый час «икс», в приход которого я в глубине души не верил, но все же принял некоторые меры по подготовке к нему. Правда, до конца довел не все, ибо это было чревато. Но сейчас – пора.

Достав из ящика стола устройство, в далеком сорок четвертом году выпущенное как наган, а потом переделанное в стартовый револьвер МР-313 и в таком виде допущенное к свободной продаже, я повернул держатель шомпола, вытащил ось барабана, затем сам барабан. В проем просунул отфрезерованную на работе двухсантиметровую железяку с дыркой посередине, вместе с револьвером зажал ее в больших тисках, после чего взял небольшой углекислотный огнетушитель. Он был доработан для выполнения вполне определенной задачи, то есть вместо раструба на выходе торчал штуцер с пятимиллиметровым отверстием. Потому как я не собирался тушить бывший наган: его требовалось охладить примерно до минус семидесяти градусов.

Огнетушитель зашипел, на оружии появилась изморозь. Через пару минут я закрыл кран, сунул в ствол восьмимиллиметровый штырь из ванадиевой стали и несколько раз ударил по нему молотком, с каждым ударом все сильнее.

В стволе бывшего нагана торчала приваренная с правой стороны заглушка-рассекатель, и я хотел для начала попробовать ее просто выбить. Не получится – у меня есть и хорошее восьмимиллиметровое сверло подходящей длины, но высверливанием можно попортить ствол.

Заглушка вылетела после четвертого удара. Посмотрев на место, где она была якобы прихвачена сваркой, я в восхищении хмыкнул. Это же надо было так экономить ток и время, чтобы она держалась на какой-то еле заметной сопельке! Или неведомые специалисты с Ижмеха специально нашли такие инженерные решения и так подобрали технологию их воплощения, чтобы возвращение бывшего нагана в близкое к первоначальному состояние не представляло особой сложности? В таком случае, как говорится, респект им и уважуха. Потому как в продаже есть и другой изуродованный наган, он называется «Блеф», но его восстановить до боевого куда труднее.

Чуть пройдя цилиндрической алмазной шарошкой по месту бывшей сварки, я прогнал ствол разверткой на «восемь и две». Посмотрел на свет – нормально, для начала сойдет. Значит, можно приступать к зарядке барабана.

Как почти у всех, дома у меня имелась немалого объема коробка с медикаментами, и вскоре оттуда был извлечен пузырек с этикеткой «Виталин-Б». Хрен его знает, панацеей от каких болезней оно когда-то являлось и что означала буква «Б», но сейчас там находился порох, заранее наковырянный из строительных патронов.

Я вставил в камеры тонкостенные цилиндрики из хорошей стали, так что теперь их калибр составлял «восемь и три». Зарядил семь капсулей, меркой засыпал в камеры порох и вогнал в цилиндры самодельные пули по образцу Бреннеке. Вполне возможно, что они все-таки начнут кувыркаться, но ведь не сразу же! Метров десять они точно пролетят прямо, а может, и все двадцать. Дальше – барабан в рамку, ось на место, шомпол в нижнее положение

и пропихнуть внутрь, рычаг-фиксатор вверх. Все, у меня в руках полноценный срок.

Суем его в подмышечную кобуру. Топорик – на ремень справа, лопатку – слева, рюкзак с набором выживальщика – за спину. Кажется, готов? Вот ведь debil, ругнул я себя, опять чуть не забыл открыть окно. Вот теперь, кажется, действительно все. И, значит, включаем питание прибора. Пока он будет выходить на режим, у меня есть полминуты, чтобы в последний раз усомниться: а так ли оно мне надо столь упорно и изобретательно идти навстречу приключениям на свою пятую точку?

Но на данную тему я думал уже не раз, так что вопрос был чисто риторическим.

Глава 1

Эта история началась пять лет назад, когда я хоть и довольно поздно, в тридцать лет, но все-таки женился. Перед каковым событием познакомился с родственниками своей будущей жены, в том числе и с ее дедом. Он оказался видным археологом – естественно, в прошлом: сейчас дед давно пребывал на пенсии. И воодушевился, узнав, что я инженер-электронщик, причем не по компьютерному железу, а по силовым устройствам. Еще до свадьбы он пригласил меня в гости, где показал свою домашнюю радиомастерскую и поделился трудностями, возникшими у него в процессе изучения каких-то допотопных камней. Меня несколько удивило, что он изучал их на дому, причем не методом внимательного рассматривания под микроскопом, капая какими-нибудь кислотами или как там еще принято в их среде, а прикладывая к ним электрические импульсы немалой мощности и довольно заковыристой формы. Однако я согласился помочь чем смогу.

По просмотре схем его творений деду было сказано, что они явно представляют собой немалую палеонтологическую ценность, ибо где сейчас можно откопать, например, транзистор КТ805? Да еще в круглом корпусе. Но вот хорошо работать эта древность не будет. Опять же импульсы потребной формы на его пятьдесят пятом осциллографе при всем желании не увидишь.

Старикан пожелал узнать, какой из современных я ему посоветую, причем не впал в панику, узнав цену «Тектроникса» трехтысячной серии. Более того, он предложил мне подзаработать на его хобби, придумав и изготовив несколько схем.

Собственно говоря, чем-то подобным я и так регулярно занимался. Мне не так уж и мало платили на работе тогда – около тридцати пяти тысяч – и не мешали в свободное время брать заказы со стороны, на чем я имел еще примерно столько же. А теперь в ряды моих клиентов влился и дед жены, с которого я, несмотря на его протесты, брал по-родственному, то есть раза в два меньше, чем со всех прочих. Если бы я тогда представлял, во что все это выльется, то сделал бы все бесплатно да раз в пять быстрее, чем оно получилось без спешки! Но, как говорится, знал бы прикуп...

В общем, получилась еще одна побочная работа, оказавшаяся кстати, потому как после женитьбы расходы мои заметно возросли.

Но, слава богу, семейное счастье оказалось непродолжительным, я даже не успел толком залезть в долги. Жена, похоже, убедилась, что при сравнительно высоких заработках ни малейшего желания делать карьеру у меня нет. То есть ей никогда не стать супругой бизнесмена, директора или депутата, не жить на собственной вилле и не блистать на светских приемах. И три года назад мы мирно расстались, не поругавшись и не предъявив друг другу имущественных претензий. Даже машина осталась мне – жена вообще не считала мою «девятку» автомобилем. Оставшись один, я навалился на работу и халтуру, так что уже через полгода после развода был ничего никому не должен, однако как-то втянулся работать по четырнадцать часов в сутки и продолжал зашибать деньгу. А что еще делать – смотреть телевизор или пить водку? Так сразу и не скажешь, что вреднее, но, наверное, все-таки телевизор. В результате чего вскоре я с удивлением увидел, что деньги прибывают быстрее, чем у меня получается их тратить.

На некоторое время равновесие было восстановлено покупкой дачного участка. Давно,

еще на заре перестройки, институту выделили кусок земли под это дело, а он распределил по восемь соток между своими сотрудниками. Старожилы рассказывали, какие интриги плелись вокруг этих несчастных клочков почвы в лесу, но помаленьку все устаканилось. А потом перестройка кончилась, и началось сами знаете что. В общем, к нынешним временам из восьмидесяти участков хоть как-то освоены были десятка два. Ни воды, ни газа, ни электричества в поселке не было, причем его обитатели и не очень стремились их провести. Генераторы были почти у всех, имелся один общий колодец и несколько индивидуальных, зато так дачный поселок представлял собой тихое место в лесу, а проводи туда коммуникации – и начнется ажиотаж.

Так вот, один наш сотрудник в связи с нуждой в деньгах по случаю свадьбы дочери как-то вдруг спохватился, что у него есть земельная собственность, и предложил ее купить, если кого это интересует. И вскоре всего за пятьдесят тысяч вместе с оформлением я стал хоть и не очень крупным, но все же землевладельцем. Потом заказал на свою будущую фазенду доставку сортира и большой бытовки-распашонки о двух комнатах. Все это обошлось мне в восемьдесят пять тысяч. Еще штук в пятьдесят влетел инструмент, среди которого был сварочный генератор, то есть он давал не только двести двадцать вольт, но и с отдельного выхода обеспечивал сварочный ток до ста девяноста ампер. Далее я собирался своими руками построить дом, выкорчевать березки с осинами, коими за двадцать пять лет зарос мой участок, развести на грядках всякие овощи и в летнее время вести там здоровую жизнь на лоне природы.

Меня хватило на одно неполное лето. За это время я изничтожил три деревца, разбил на их месте небольшую грядку и засадил ее хреном, ибо мне сказали, что он может расти в тени. И убедился, что дом мне абсолютно ни к чему, двухкомнатной бытовки более чем достаточно, а к ковырянию в земле у меня почему-то образовалась стойкая неприязнь. В результате чего следующим летом я появился на даче всего три раза, а в только что закончившееся обошелся вовсе одним. То есть деньги опять начали прибывать быстрее, чем уходить.

Однако полгода назад мне позвонил дед бывшей жены и попросил приехать. Выглядел он очень плохо, но все вопросы о своем здоровье отмел сразу, заявив, что хочет показать мне один любопытный эксперимент.

Дальше он провел меня к столу, где стояла закрытая пластмассовой крышкой литровая стеклянная банка. Рядом с ней на конструкции из тонких планок в одну линию лежали две небольших трубки – в такие дед засовывал свои камни, когда подводил к ним импульсы от генераторов – сначала своих, а потом моих, работающих куда лучше. От трубок шли провода к стоящим на краю моим блокам. Он вновь включил мои схемы, минуты за две вывел на режим, после чего напрягся и устоялся на контейнеры с камнями. И вдруг в банке непонятно откуда возникла тонкая струйка, похожая на водяную, бьющая от одной стенки до другой, причем по той же воображаемой линии, на которой находились трубки-контейнеры. Продолжалось это секунды две, после чего крышка с громким хлопком слетела с банки, покувыркалась в воздухе и шлепнулась на пол. Старик вытер пот со лба и выключил аппаратуру.

– Вот так, – сказал он, – как вы, Коля, можете объяснить только что увиденное?

– А что там за жидкость?

– Морская вода.

– Тогда скорее всего телепортация. Потому что явно не синтез – из воздуха внутри банки столько воды не получится, да и давление в этом случае упало бы, а здесь оно повысилось.

– Вы так спокойно об этом говорите?

– Ну, Виктор Семенович, вы же знаете, я вообще довольно спокойный человек. Если бы вы мне это просто рассказали, можно было бы удивиться, с чего это вам взбрело в голову делиться такими фантазиями, но я видел струйку своими глазами. И сейчас вижу несколько

кубиков воды на дне банки.

– Нет, Коля, это не телепортация, – вздохнул дед, – а всего лишь маленькая дырочка в один из параллельных миров, коих существует если и не бесконечно много, то уж, во всяком случае, не один и не два. Садитесь поудобнее, я расскажу вам все, но предупреждаю: подтвердить большинство своих тезисов мне нечем.

А дальше я услышал следующее. Есть теория множественности миров во вселенной. По одной из гипотез, приверженцем которой являлся Виктор Семенович, время в них течет по-разному, независимо и с переменной скоростью по отношению друг к другу. Именно поэтому взаимопроникновение миров является крайне редким событием, ибо для него необходимо почти точное равенство временных скоростей. Однако такое все-таки бывает, а расширить границы допустимой неравномерности помогает прибор, который по заказу деда сделал я. Подающий те самые импульсы на два камня. Что это такое и где он их взял, дед говорить отказался. Скорее всего откопал где-нибудь.

– У меня три кристалла, – закончил свою речь старый археолог. – Любые два из них под действием импульсов с ваших блоков могут обеспечить совмещение двух миров с близкими скоростями течения времени по какому-то участку плоскости. Его максимально возможная площадь тем больше, чем меньше временная разница. Кроме того, в случае, если оба они находятся в одном мире, ее надо поделить еще примерно на двести пятьдесят. Максимальная площадь совмещения, которой мне удалось достичь, чуть больше половины квадратного миллиметра.

Я начал думать, что можно пропихнуть через такую дырку. Почти ничего, разве что...

– Виктор Семенович, а в том мире нет областей с расплавленным золотом, например?

– Если они есть на нашей Земле, то могут быть и там. Хотите залезть в тигель какого-нибудь ювелира? Столь точная наводка при имеющейся аппаратуре невозможна, но тут многое зависит от вас, причем не только как электронщика. Как у вас со способностью сосредоточиться на чем-нибудь одном?

– Пес его знает, – честно ответил я.

– Дело в том, что некоторые люди обладают способностью создавать зоны перехода, и их не так уж мало. Кристаллы – всего лишь усилители. Но для этого нужно не только совпадение скоростей течения времени, но и ясное представление оператора о том, что находится по ту сторону перехода. Я вышел из положения просто – представил себе бескрайнее море, оно должно быть одинаковым на всех планетах, похожих на Землю. Теперь попробуйте вы – вдруг и у вас есть способности?

Поначалу мне показалось, что их нет – ну совсем. Я честно представлял себе море – то спокойное, то бушующее, потом с яхтой и почти голыми блондинками на ней, но в банке, вновь накрытой крышкой, ничто не менялось. Скоро мне надоело туда пялиться, и я стал смотреть на осциллограф. Когда открывался проход, импульсы чуть изменили форму и сдвинулись по фазе, это я помнил точно. Как же там было?

И вдруг картинка по первому каналу поползла, по второму сжалась, сбоку раздался свист, затем плюх, шлеп и дзынь.

Я повернулся к банке. На столе ее уже не было. Она пребывала на полу, но теперь в виде осколков. Там же расплывалась лужа, как будто разлилось по крайней мере полведра воды. В луже билась полосатая рыбка длиной сантиметра три-четыре. Мелькнула мысль «затопим соседей!», но сразу пропала, потому как дед жены жил на первом этаже.

– Великолепно! – пришел в себя Виктор Семенович. – Я как чувствовал, что у вас огромный потенциал! По крайней мере, по сравнению с моим. Площадь совмещения была чуть ли не три квадратных сантиметра, я даже разглядел землю чуть впереди! А потом зону накрыло волной. В общем, теперь с этой аппаратурой придется работать вам. – Голос деда окреп и приобрел какую-то торжественность: – Берите! Мое время уже вышло, да и не готов я брать на себя такую ответственность.

«Интересно, какую?» – подумал я, но спросил другое:

– А чего это вы вдруг решили, что ваше время вышло?

– Молодой человек, когда вы к семидесяти девяти годам будете иметь за спиной два инфаркта, и при этом у вас обнаружат язву желудка, вам тоже нетрудно будет сделать подобный вывод. Тем более что, похоже, врачи просто не хотели меня волновать, а на самом деле имеет место не язва, а рак. Так что теперь аппаратура ваша, не отпирайтесь. Вы, может быть, и не лучший из людей, которых я знаю, но у вас есть одно достоинство, перевешивающее все недостатки. Ни при каких условиях вам не придет в голову делиться моим открытием с властями. Я прав?

Разумеется, дед был прав. Делиться чем-нибудь с этими? Да тут надо совсем рехнуться! Они и так без всякого дележа подгребли под себя всю страну.

Я покинул Виктора Семеновича поздним вечером, увозя в багажнике своей «девятки» коробку с аппаратурой и кристаллами, в папке – схемы, описания и инструкции, а в кармане – четыреста тридцать тысяч рублей. Дед всучил мне все, что у него было, объяснив, что на том свете деньги ему точно не понадобятся. А вам, Коля, будут явно не лишними, уточнил свою позицию старый археолог. Он даже хотел завещать мне квартиру, но я напомнил, что у него есть родственники, которые окажутся весьма разочарованы подобной новостью. Начнется свара, и резко возрастет риск вмешательства властей. Оно вам надо? Мне – точно нет, подвел я итог.

Виктор Семенович умер через месяц. Ну, а я после полугода возни с его кристаллами и своими генераторами вплотную подошел к возможности посетить соседний с нашим мир.

Согласно вступлению, оформленному Виктором Семеновичем как отдельный документ, соотношение между скоростями течения времени в близких мирах имело интересный характер. Например, в начале моих экспериментов оно составляло триста тридцать с небольшим. То есть я несколько раз забрасывал в тот мир таймеры на поплавках, снабженные мини-передатчиками, и при каждом последующем открытии можно было узнать, сколько времени там прошло с момента предыдущего. Так вот, первые измерения показывали, что в триста тридцать четыре раза меньше. Последний же замер продемонстрировал всего триста пятнадцать.

Виктор Семенович утверждал, что это соотношение знакопеременно. То есть время течет быстрее в том мире, где больше его кристаллов. Сейчас все три находятся здесь. Если я пропихну туда один, ничего не изменится. А вот если два, то время замедлится здесь! А в том, наоборот, побежит в те самые сколько-то раз быстрее. Причем все это происходило при закрытом переходе, ибо при открытом скорости выравнивались.

Путем тренировок, улучшения аппаратуры, ну и вследствие только что описанного уменьшения соотношения мне удалось довести диаметр зоны перехода до пяти сантиметров. Ох, и свистело же оттуда! Давление в том мире было существенно выше, чем в моей квартире, примерно семьсот шестьдесят пять миллиметров ртутного столба против семисот сорока трех.

Быстро выяснилось, что зону совмещения можно перемещать. Для этого требовалось одновременно представлять себе три вещи – изменение формы импульсов по первому каналу, их сдвиг по второму и то место, где хочешь открыть переход. Причем, что интересно, попытки менять электрические параметры аппаратно ни к чему не привели, то есть проход в этом случае не открывался вовсе. А вот если подобное выходило в результате умственного напряжения, получалась новая привязка в том мире.

Поначалу я за полтора десятка итераций поднялся метров на семьдесят вверх. Во-первых, так разница давлений стала несколько меньше, а во-вторых, появилась возможность рассмотреть, как выглядит место, куда открываются проходы.

Впереди был вполне приличный пляж, за ним – откос высотой метров пять, заросший кустами с большими листьями. Сбоку виднелась совсем небольшая пальмовая роща. Развернув зону перехода назад, я пронаблюдал барьер из рифов метрах в ста – ста пятидесяти от берега. Солнце висело совсем низко над морем, но, закат это или восход, я

точно сказать не мог. Вроде похоже на закат – больно уж небо красное, но, с другой стороны, откуда я знаю, как все это выглядит в тропиках, да еще и в другом мире?

Просунутая в дырку антенна чувствительного селективного вольтметра не уловила ничего, то есть эфир в том мире был девственно чист.

Виктор Семенович предполагал, что за переходом – та же Земля, только в прошлом. Что ж, в таком случае отсутствие всяких признаков радиопередач понятно. Но вот насколько это далекое прошлое, пока неясно.

За следующую неделю я открывал межмировую дырку раз двадцать. Выяснил, что на берегу океана сейчас вечер, ибо солнце немного опустилось. Кроме того, в Москве начало потихоньку подниматься давление, так что под конец разница стала совсем небольшой. Ну, и удалось вывести зону перехода на берег. Вчера я пропихнул туда метровый дюралевый шест с одним из кристаллов, электроникой и литиевыми аккумуляторами в качестве источников питания. Аппаратура включалась каждую минуту на тридцать секунд, и питания должно было хватить на десяток таких циклов. Здесь же от одного до другого проходило чуть больше пяти часов.

Во время первого синхронного включения я убедился, что теперь могу открыть проход диаметром метра два. Следующие два пропустил – надо было подготовиться к экспедиции в новый мир. И, наконец, подошло время четвертого.

Глава 2

Преодолевая встречный ветер, я сделал четыре шага вперед. Нагнулся и выключил питание на шесте с кристаллом: нечего ему зря сажать аккумуляторы, хоть у меня и есть свежий комплект в рюкзаке. Напор воздуха сразу стих, и я осмотрелся.

Итак, передо мной пляж с почти белым песком. Сзади – мелководье, за ним из воды кое-где торчат камни, отделяющие этот самый пляж от океана или моря. Впереди, метрах в двадцати, песок кончается, там откос высотой метров пятнадцать. Но не отвесный, да к тому же поросший кустами, так что забраться можно будет без труда.

Сказано – сделано, и вскоре я смог более основательно разглядеть, куда же мне открылся проход.

Судя по всему, это был или остров, или полуостров, потому как в одном направлении горизонт проходил по суше, а во всех остальных – по морю. Кстати, с какой именно стороны света суша и вообще работает ли здесь компас? Гляди-ка, показывает, и, выходит, суша простирается на юг по крайней мере до горизонта.

Открывшийся мне пейзаж не поражал разнообразием. Местность была плоской, во всяком случае, неровности больше двух метров не просматривались. Этакое низкое плато, выпирающее из океана. Причем пальмы встречаются только на берегу или рядом с ним, а чуть подальше от воды растут только кусты примерно в рост человека.

Но все-таки кое-какие возвышения, порядка тех самых двух метров, тут были, и у ближайшего из них росла небольшая одинокая пальма. К ней я и двинулся, решив, что раз уж она там растет, то, наверное, хорошо закрепилась корнями, коли ее не сдуло во время штормов, которые здесь просто обязаны иногда случаться. И, значит, палатку надо ставить рядом с ней, используя ствол как основной узел прочности.

Впрочем, почва тут была очень твердая, колья входили в нее с натягом и сами по себе держали весьма неплохо.

Вокруг палатки я протянул охранный периметр из тонкой проволоки, поставил пять датчиков и включил сигнализацию. Теперь вряд ли кому удастся приблизиться меньше чем на пятнадцать метров незамеченным, а сирена у меня мощная, аж уши закладывает.

До захода солнца мне удалось нарубить дров из близлежащих кустов – кстати, довольно сухих внутри. Тут что, плохо с пресной водой? Похоже на то: откуда ей взяться на столь низкой местности? Но костра я пока разводить не стал – еще успею.

Стемнело очень быстро. Вот только-только солнце нырнуло в океан, как через пять

минут на небе зажглись первые звезды, а еще через пятнадцать меня окружала самая настоящая ночь. Небо было почти безоблачным, и ничто не мешало рассматривать созвездия.

Они оказались совершенно незнакомыми, но это еще ни о чем не говорило. Ведь меня могло занести и в южное полушарие! На этот случай в рюкзаке имелась карта его звездного неба, которую я и достал. И где-то минут через пять убедился, что вижу на небе примерно то, что и на этой карте, – во всяком случае, на юге. Вот Центавр, чуть ниже него Циркуль, рядом – настоящий Южный Крест, а левее – ложный, он малость побольше, но лежит немного на боку, и его звезды менее яркие.

Для определения координат у меня имелся электронный уровень с закрепленным на нем четырехкратным оптическим прицелом. Выставив ноль по горизонту, я три раза подряд направлял прицел в точку воображаемого пересечения длинной диагонали Южного Креста, который гораздо больше напоминает не крест, а ромб, и перпендикуляра к линии, соединяющей две ярких звезды слева от него. Замерял угол. Получилось сначала двадцать семь градусов, а потом двадцать четыре и двадцать два. Собственно, это было все, что я хотел узнать. Дальше оставалось на всякий случай сменить аккумуляторы в шесте-контейнере, теперь лежащем в палатке, выставить режим «тридцать секунд работы – пятнадцать минут паузы» и отправляться в свой мир.

Странно, скажу я вам, выглядел появившийся в южной ночи проход в ярко освещенную солнцем комнату! Подгоняемый попутным ветром, я шагнул домой и первым делом отрубил питание на аппаратуре по эту сторону перехода.

И тут меня начало трясти. Находясь по ту сторону перехода, я действовал почти на автомате – ведь все было продумано заранее. И был спокоен если и не как удав, то где-то близко к этому. Вернувшись же домой, смог налить себе стакан воды только с третьей попытки! Как-то раньше мне вроде не приходилось ловить себя на повышенной впечатлительности...

Хотя, конечно, я здорово рисковал, но ведь вроде был заранее готов к тому, что по каким-либо причинам переход оттуда сюда не откроется и мне придется остаток жизни так и куковать хрен знает где. Однако обошлось же, обошлось, чего теперь мандражить?

Впрочем, еще задолго до меня люди заметили, что ничто не вечно под солнцем. И минут через десять, окончательно успокоившись, я включил комп и залез в интернет. Мне всего-то и надо было, что радиоуправляемый вертолет грузоподъемностью в килограмм-другой и с максимальной продолжительностью полета не меньше получаса. Думаете, я нашел там хоть что-нибудь похожее? Фигушки, продавались только комнатные игрушки с электромоторами. Правда, на одном сайте предлагали мультикоптеры, которые вроде приближались к заявленным требованиям. Но тоже электрические, что означало – либо грузоподъемность, либо время в полете, а вместе того и другого не получится. Кроме того, цена вызывала оторопь, а сроки доставки – раздражение. Для очистки совести я посмотрел предложения по моделям самолетов – картина хоть и получше, но не намного. Ничего страшного – значит, мне придется вспомнить молодость, когда мы с отцом сделали несколько радиоуправляемых моделей. Так, а что у нас с движками? Ну, слава богу, хоть тут все нормально, есть на любой вкус и кошелек. А с топливом, если я выберу калильный? Тоже полный ажур, оно есть в интернет-магазине, его могут привезти на дом. О, тут и бальса тоже наличествует, и рейки разных пород дерева и всех размеров...

Значит, пора рисовать проект. Килограмм – вес телекамеры с пятаваттным передатчиком и аккумуляторами на сорок минут работы: в пределах прямой видимости это обеспечит прием на расстояние до восьми, а то и десяти километров. Триста граммов – приемник аппаратуры радиоуправления с питанием и сервоприводами. Сорок минут полета – это как минимум пол-литра топлива, возьмем с небольшим запасом. Итого полезная нагрузка моей модели должна составлять два кило. Учитывая, что у меня нет времени создавать шедевр аэродинамики, примем весовую отдачу за тридцать процентов. Значит, взлетный вес будет килограммов шесть-семь. Чтобы модель нормально взлетела после короткого разбега, ибо долго разгоняться там просто негде, тяга винта должна составлять не меньше трети веса,

а лучше так и вовсе половину. Три кило тяги – это, грубо говоря, одна лошадиная сила мощности. И, значит, надо выбрать самый легкий мотор из развивающих ее – раз и доступных к немедленному приобретению – два.

Мотор нашелся практически сразу. «СуперТигр 40», мощность чуть больше одной кобылы, вес полкило с глушителем, цена...

Вот она меня несколько смутила. Ну не может хорошая вещь стоить всего две тысячи рублей! Или все-таки может? Ведь почему я начал именно с этой марки – отец очень хорошо отзывался об этих моторах, но двадцать лет назад мы просто не смогли их достать. Ладно, может, я зря волнуюсь? В общем, можно составлять заказ. А потом в темпе строить самолетик, потому что мне очень хотелось узнать – остров или полуостров открылся за переходом? И что там есть, кроме песка и кустов, которые я видел вокруг места своего десантирования.

Так как на работе в это время было затишье, то изготовление самолетика заняло три дня. Еще день ушел на испытания и обновление навыков управления этой игрушкой, после чего потребовался ремонт шасси. Как раз когда я его закончил, подоспело время первого включения аппаратуры по ту сторону перехода, и вскоре я вновь оказался на берегу океана, с самолетом в руках и вторым рюкзаком за спиной – первый оставался в палатке. Кроме того, со мной был еще один кристалл в небольшом тубусе из нержавеющей стали.

Дело в том, что на месте прибытия меня ждала ночь. И если бы я там дождался утра, то за это время в двадцать первом веке прошло бы почти полгода! Вот мне и пришлось тащить в новый мир второй кристалл, чтобы разница в протекании времени поменяла знак.

До утра я просидел перед палаткой: заваливаться спать в неизвестном мире как-то не хотелось. Ожидание рассвета было скрашено разглядыванием карты мира, специально на этот случай загруженной в ноутбук. Мои недавние измерения, учитывая их весьма относительную точность, позволяли сделать вывод, что место попадания находится где-то между двадцатым и тридцатым градусами южной широты, вот я и решил глянуть, что тут может находиться. Оказалось, довольно много чего.

Не считая Африки, Южной Америки и Австралии, в указанном коридоре оказался Мадагаскар с несколькими мелкими островками, часть Французской Полинезии, остров Пасхи, еще какая-то мелочь ближе к американскому континенту. Правда, в Атлантике указанный сектор пустовал, так что меня скорее всего занесло либо в Индийский, либо в Тихий океан.

Но наконец наступил рассвет. Я присоединил к самолету крылья, потому как в собранном виде он не пролез бы через переход, взял его, пульт управления и рулон полиэтиленовой пленки, после чего спустился на пляж. Там раскатал пленку, придавив ее углы камнями, – получился неплохой аэродром: ведь просто с песка самолет не взлетел бы. Завел движок, дал ему прогреться, затем отпустил хвост модели и до предела двинул рычажок газа на пульт.

Самолетик взлетел. Развернув его носом к югу и поставив в режим набора высоты, я полез наверх, к палатке и ноутбуку.

Камера уже давала изображение, все расширявшееся по мере набора высоты, и минут через пять стало ясно, что меня выкинуло на остров. Палатка находилась в его северо-западной части, здесь от края до края было километра три с половиной. Северо-восточная оконечность представляла собой узкий мыс, за которым берег круто поворачивал на юг. В самом широком месте остров имел километров шесть, а с севера на юг простирался примерно на десять.

И был он на редкость однообразным. Везде ровно, никаких холмов или скал, везде сплошные кусты, и только у самого берега кое-где попадаются маленькие рощи низкорослых пальм. Никаких ручьев – да и откуда им взяться на такой плещи. Более того, песчаные пляжи имелись только на севере острова, и два небольших участка – на северо-востоке. В остальных же местах берег обрывался отвесным уступом высотой от пятнадцати до двадцати

метров.

Посадив модель на пляже, я опять уткнулся в карту. Теперь зона поиска была сильно сужена – требовалось найти остров довольно характерных очертаний. Поиск, пожалуй, лучше начать от западного побережья Южной Америки. Так, клочок земли имени Робинзона Крузо не подходит, двигаемся на запад. Тут – остров Пасхи, он больше и не такой формы. Дальше – архипелаг Питкэрн. А вот и мой остров, прямо один в один! На карте он называется Хендерсон. М-да, названьице так себе, но, с другой стороны, окажись остров каким-нибудь Хердельсоном, было бы еще хуже. В общем, в ближайшее же время переименую, решил я. Может, даже прямо сейчас.

Но прямо сейчас не получилось. Глянув в сторону северо-восточного мыса, я увидел какие-то движущиеся по пляжу точки, а взяв бинокль, разглядел, что это люди. Человек десять, загорелые и полуголые.

Поначалу я хотел подождать их у палатки, но потом решил вернуться в свою квартиру, оставив на острове только один кристалл. Тогда у меня будет почти месяц, пока они доберутся до лагеря, а за это время можно попробовать узнать, что за аборигены и в какие времена жили на этом острове.

Поиск в интернете был недолгим, и два вечера подряд я читал книгу Джареда Даймонда «Коллапс» – единственную, где описывалось, кто и когда жил на острове Хендерсон. Как говорится, нет повести печальнее на свете...

Итак, примерно в шестистах километрах западнее Хендерсона находится остров Мангарева. Собственно говоря, это целый архипелаг, находящийся внутри коралловой лагуны. Где-то веке в десятом там появились полинезийцы. Так как острова были вулканическими, там имелся материал для изготовления каменных орудий. Правда, не первосортный, но все-таки. Острова имели горы, а значит, и пресную воду. И были покрыты лесами, где попадались достаточно большие деревья, чтобы из их стволов строить каноэ.

В лагуне водилась рыба, которую было не очень трудно поймать. Там же обитали моллюски в ракушках, из коих европейцы потом добывали черный жемчуг, а полинезийцы их просто ели, а из раковин делали рыболовные крючки – до полутора десятков из одной. В общем, жизнь потихоньку налаживалась, но вскоре переселенцы начали ощущать недостаток двух вещей. Первая – приличный камень: острова Мангаревы состояли из рыхлых базальтов. Кроме того, там потихоньку появилась своя элита, аппетиты которой росли по мере роста благосостояния. В общем, как у нас. И точно так же эту элиту все чаще посещали мысли: да с какого же хрена мы будем давиться теми же моллюсками и той же убогой рыбкой, что быдло? И украшать наши сияющие персоны перьями все того же серого голубя, ибо других птиц на Мангареве нет, да и голубей становится все меньше и меньше. Что же это за народ, который не может обеспечить достойный уровень жизни своих лучших представителей?

И вот начали строиться большие каноэ, а затем в океан отправились экспедиции. Выяснилось, что не так далеко, примерно в пяти днях пути, есть два острова. Один – Питкэрн, вулканический, заросшая лесом гора посреди океана. На нем нашлось всего одно место, куда можно пристать, да и то с трудом и в хорошую погоду, но в ущельях залегают кремни и, что самое главное, обсидиан. Зато места для земледелия почти нет, а ловить рыбу очень трудно – берега отвесно обрываются в океан, и сразу начинаются большие глубины.

Вторым островом был Хендерсон. Он оказался коралловым, то есть состоящим из известняковых пород, абсолютно непригодных для изготовления орудий. Но зато на нем водилось много птиц с разноцветными перьями, на пляж приплывали откладывать яйца гигантские черепахи, а по берегам, кроме мелких пальм, росли красные деревца. Хотя и совсем небольшие, но с необычайно прочной и красивой древесиной, отлично подходящей для изготовления шаманских жезлов и прочих атрибутов власти.

В общем, довольно быстро новооткрытые острова были колонизированы. На Питкэрне добывали кремни и обсидиан, получая взамен продукты питания и рыболовные крючки. То же самое плюс пресную воду везли на Хендерсон, а оттуда – мясо черепах к столам

властителей Мангаревы и разноцветные перья, чтобы их было нельзя спутать с простыми полинезийцами.

Такая благодать длилась около двух столетий. Население Мангаревы потихоньку росло, но тут как-то незаметно подкрался экологический кризис.

Из-за интенсивного земледелия началась эрозия почв. Моллюсков и рыбы в лагуне становилось все меньше и меньше, а вскоре кончились огромные деревья, из стволов которых делались каноэ. Некоторое время в рейсы на Хендерсон и Питкэрн плавали сделанные ранее, но их число неуклонно уменьшалось, так что вскоре всякие сношения между островами прекратились.

На Мангареве население сохранилось, хоть и сильно деградировало. Пошла череда гражданских войн – сначала властители собачились друг с другом за остатки хоть чуть-чуть плодородных земель, перьев и обсидиана, а потом народ, судя по всему, потерял терпение. Да что же это за элита, спросил он, раз она не может воровать так, чтобы нам тоже оставались хоть крохи? И началась уже война всех со всеми, которая быстро уменьшила население Мангаревы в десятки раз и отбросила его в полную дикость.

На Питкэрне и Хендерсоне не воевали – слишком малочисленны были для этого тамошние общины. Тут сработали две простые закономерности.

Для поддержания достигнутого уровня развития необходима какая-то минимальная численность населения – это закономерность номер один. Если народу станет меньше, племя начнет деградировать, что в суровых условиях Хендерсона и Питкэрна означает смерть. Так вот, для того уровня развития, на котором пребывали полинезийцы, минимальная численность племени составляла порядка семидесяти человек трудоспособного возраста.

А вторая закономерность была еще проще. Питкэрн мог прокормить человек сорок, Хендерсон – не больше шестидесяти. И значит, шансов у отрезанных от Мангаревы колонистов практически не было.

Связи между островами прервались примерно в середине пятнадцатого века. Сколько лет островитяне в напрасной надежде смотрели в океан, ожидая чуда – появления каноэ с Мангаревы? Никто не знает. Но испанский корабль, проходящий мимо Хендерсона в начале семнадцатого века, населения на острове не обнаружил. Почти двести лет спустя аналогичная картина предстала перед высадившимися на Питкэрне англичанами.

Глава 3

Чтение было закончено вечером в пятницу. Перед сном я успел в общих чертах прикинуть, что мне делать на открывшемся по ту сторону перехода острове.

Итак, более или менее прояснилось, какие там сейчас времена – где-то от четырнадцатого до семнадцатого века нашей эры. До появления европейцев еще прорва времени, что утешает. Правда, остается неясным – каноэ с Мангаревы еще приходят или уже нет? Впрочем, это вряд ли повлияет на мои действия, особенно поначалу.

Независимо от того, что я собираюсь в дальнейшем делать в том мире, нужна база. Подходит ли для нее Хендерсон? Вроде да. Вряд ли в таких условиях население будет враждебно относиться к чужакам – скорее, наоборот. То есть вреда от него скорее всего не будет, а вот польза может быть, и немалая.

Во-первых, стройка. База подразумевает какие-то помещения, но один я их буду строить долго, и еще неизвестно, когда и чем это строительство кончится. Аборигены же, вероятно, помогут, если им предложить что-нибудь ценное. Если уж за обсидианом им не лень было отправлять морские экспедиции, то какой безумной ценностью покажется кухонный нож? А ведь я смогу предложить им и охотничий, не разорюсь. Опять же крючки, которые делаются из ракушек, – небось тот еще геморрой, и вряд ли они выходят такими уж хорошими. А мне не жалко сходить в «Рыболов-спортсмен», он в трехстах метрах от моего дома. Опять же леска, поплавки, всякие там грузила...

Тут моя фантазия дала сбой, потому как в последний раз я удил рыбу лет в десять, да и

то не сказать, что впал в восторг от этого процесса. Но сейчас в природе есть интернет, что там можно узнать полезного?

Посмотрев цены на рыболовные сети и бредни, я пришел к выводу: островитяне обойдутся. Их что, из золота делают или как? Лучше купить рулон строительной сетки, он раз в двадцать больше по площади и во столько же дешевле. С крючками тоже было не очень понятно. Набор из двух десятков предлагался за тридцать рублей. А единичный крючок, причем, судя по фото, из того же набора, стоил пятьдесят!

Аллах с ними, разберусь в магазине, подумалось мне. Что еще надо захватить на первую встречу? Судя по книге, на Хендерсоне плохо с пресной водой. Значит, надо купить пару больших бутылей родниковой, не помешает.

Ладно, аборигенам пока хватит. Ну, а что нужно на первое время мне?

Вроде бы там обитает немало всяких птичек, припомнил я. Птицы – это не рыбы, ядовитых среди них нет, есть просто невкусные. Значит, нужна мощная пневматическая винтовка, причем желательно многозарядная. То есть надо не идти в «Рыболов-спортсмен», а ехать в «Охотник» в Новых Черемушках – там, кажется, имеется и рыбный отдел.

Когда я прибыл в охотничий магазин и увидел, сколько стоит удовлетворяющая всем моим требованиям пневматическая винтовка, меня взяла оторопь, а жаба завопила что-то вроде «прочь, прочь отсюда!». Самая дешевая – турецкий «Хатсан эй-ти 44–10» тянула без малого на семнадцать тысяч! Да к ней еще нужен был насос за семь штук, без которого она была простой железякой.

Продавец, увидев, что в общем-то я настроен довольно серьезно, пояснил, что это очень мощная модель. Правда, в том виде, как продается, она может развивать только семь с половиной джоулей, так у нас положено по закону, но в комплекте идет шток-толкатель, с установкой которого мощность выстрела возрастет до двадцати восьми джоулей, а скорость вылета полуграммовой пули – до трехсот тридцати метров в секунду.

Но я как-то все-таки не был готов выкидывать двадцать с лишним тысяч на вещь, которая, еще неизвестно, понадобится ли. Так что пришлось со вздохом снять требование о многозарядности, после чего мне был представлен следующий образец. Им оказался американец китайского происхождения «Кросман Квест 1000» – однозарядная переломка наподобие тех, из которых я в детстве несколько раз стрелял в тире на Лужнецкой ярмарке. Она тоже была ограничена под наши законы, но к ней придавалась усиленная пружина, с которой мощность выстрела возрастала в четыре раза. Эта уже стоила шесть с половиной тысяч, и после недолгой борьбы с жабой я полез в карман.

На фоне покупки ружья приобретение рыболовных принадлежностей как-то не запомнилось, ибо истрачено на них было меньше тысячи. По дороге домой я остановился у Беляева, где купил в хозяйственном пару кухонных ножей и моток капроновой веревки.

В силу приближающихся новогодних праздников в магазине торговали и фейерверками, так что я приобрел шестидесятизарядную батарею за четыре с половиной тысячи. Земноводное поначалу вопило – мол, тут есть и за полторы, но я напомнил, что не следует экономить на представительских расходах. В конце концов, это одноразовые траты, и чем сильнее впечатлятся аборигены, тем проще мне будет с ними общаться.

После чего вернулся домой, включил комп и набрал в Яндексe сочетание «мангаревский язык». Быстро выяснилось, что вообще-то этот язык чаще называют мангареванским, он относится к восточно-полинезийским, и слово «небо» на нем звучит как «рани», а дом – «хари». И все. Короче говоря, приемлемого мангареванско-русского разговорника в интернете не нашлось. Но зато нашелся краткий русско-гавайский для туристов, который я и распечатал, потому как Гавайи, в конце концов, тоже относятся к Полинезии. Разговорник действительно оказался очень кратким, он занял всего три страницы. Постаравшись запомнить несколько фраз, я свернул бумаги, сунул в карман и отправился в гараж, потому как следующий поход на остров предполагал устроить оттуда. Во-первых, он расположен на двадцать метров ниже, что хоть и немного, но все же

уменьшит разницу давлений, да и ветер там ничему особенно повредить не сможет. Кроме того, сейчас я собирался тащить с собой приличное количество барахла, а в гараже давно стояла купленная для дачи, но так и не доставленная туда тачка. Причем не простая, а с двумя довольно большими колесами.

Итак, тачка нагружена, аппаратура включена... вот открылась маленькая дырочка на остров Хендерсон, откуда сразу засвистел теплый ветер. Минута... вторая... включился оставленный мной маяк на острове, и края перехода поползли в стороны. Пригнувшись, я рывком вкатил тачку в доисторическую Полинезию.

Аборигены за время моего отсутствия прошли совсем немного, всего метров пятьдесят. Я привел в боевую готовность свою батарею, которая называлась «ни пуха ни пера», выложил из тачки раскладной стульчик, две бутылки воды, пакет попкорна, кулек шоколадных конфет и два биг-мака, разложил все это на трех салфетках и сел ждать подхода делегации.

Надо сказать, что она не очень спешила. Три километра аборигены преодолели минут за сорок пять, дав мне возможность хорошо себя рассмотреть и сосчитать.

Двенадцать человек. Трое мужчин, один из которых явно пожилой. Шесть подростков – две девочки и четыре мальчика лет по двенадцать – четырнадцать. И три... женщины? Нет, все-таки скорее ведьмы, возраста которых я даже не пытался определить.

Делегация подошла метров на сорок и встала, то есть села. Именно села, а не упала на колени! У них тут что, пришельцы вроде меня не вызывают повышенного почтения? Да и хрен с ним, подумал я и встал – пора было поджигать шнур у батареи, которая стояла в десяти метрах за мной.

Примерно полминуты она свистела и хлопала, расцвечивая небо разноцветными искристыми шарами. Впрочем, зрителей было немного. После первой же вспышки, сопровождаемой грохотом, почти все уткнулись носами в колени, и только два подростка, мальчик и девочка, с восторгом пялились на невиданное зрелище.

Но оно быстро кончилось. Выдержав минутную паузу, я взял портативный мегафон, расправил на коленях свои распечатки и произнес краткую речь:

– Алоха кака ху... тьфу, хияки! Ау пу рани. Пехеа оз?

То есть пожелал аборигенам доброго утра, сообщил, что я с неба, и поинтересовался, как у них дела. Что удивительно – меня, кажется, поняли. Во всяком случае, парень, не испугавшийся салюта, завопил что-то, в чем я разобрал слова «майка июле», то есть «плохо». При этом он жестикулировал, и жесты были понятнее слов. Сначала оратор показал на своих спутников, потом втянул живот так, что он прилип к позвоночнику, а сам парень стал похож на наглядное пособие по дистрофии, и вот тут-то и прозвучало то самое «плохо». Потом он довольно внятно показал, что им нечего есть и пить, и, выбрав самую мелкую девочку, пригнул ее на песок, свел руки к ногам и жалобно запричитал. Я так понял, что от недоедания у них умирали дети. Но, глянув в свой словарь, не нашел там ни одного подходящего к случаю выражения. Откуда, скажите мне, в полинезийском языке взялись слова «банк», «отель», «паспорт», «аэропорт» и так далее? Их же в моей шпаргалке набралась почти страница. А вот из фразы «я пришел помочь вам» нашлось только последнее слово. Так что, плюнув на попытки объясниться словами, я просто протянул пареньку конфету. Он неуверенно подошел, взял ее, но что с ней делать дальше, не понимал. Пришлось достать другую и съесть у него на глазах.

Физиономия паренька выразила понимание, он развернул свой подарок, понюхал, лизнул...

На его лице проступило столь явно голодное выражение, что я побоялся: не подавился бы он этой «Белочкой». Но молодой человек вдруг сделал над собой героическое усилие и протянул конфету соседке.

Вот это да, подумал я, запуская руку в кулек и доставая оттуда сразу горсть «Белока». Она ему сестра или кто? Хотя так, хотя этак подобные алгоритмы поведения внушают

оптимизм.

В общем, скоро вся делегация лопала продукцию кондитерской фабрики имени Бабаева. Пока они занимались этим сверхважным делом, я рассмотрел их повнимательнее.

Вопреки утверждениям википедии, встретившиеся мне полинезийцы почти не имели татуировок. Только самый старый из мужчин мог похвастаться тремя полосками на подбородке и двумя – над бровями, да у того, что чуть помоложе, на лбу имелась спираль и какая-то закорючка на правом плече. Все остальные же явно пренебрегли искусством тату.

Одежда аборигенов представляла собой юбочки из материала, похожего на циновки. У мужчин они были чуть покороче, у женщин – длиннее, но с разрезом сзади. Естественно, ничего похожего на бюстгалтеры не наблюдалось. Но ни малейшего интереса этот факт во мне не вызвал, ибо все лица женского пола были или слишком молоды, или еще хуже: слишком страшны.

После конфет настала очередь попкорна и биг-маков. Но так как их было всего два, одаренными оказались только молодые люди, не испугавшиеся салюта. Это явно не понравилось мужику со спиралью, и он что-то квакнул. Девочка, вздохнув, протянула свой бигмак ему.

А вот подобное надо пресекать в зародыше, подумал я. Если полученные от меня блага кто-то начнет перераспределять по своему усмотрению, добром это не кончится. И, положив руку на рукоять нагана, рявкнул:

– Ты что творишь, с-сука?! Урою! А ну быстро отдал ребенку подарок, козел!

В голове же билась какая-то заполошная мысль – неужели придется стрелять?

Но нет, не пришлось. Услышав мой рык, дикари попадали на четвереньки, а узурпатор при этом тут же вернул девочке ее подарок.

– То-то же, – хмыкнул я и протянул им бутыл с водой. Опять краткое недоумение – как ее оттуда вылить? Но когда я свинтил крышку, начался прямо-таки концерт.

Надо сказать, что одариваемые неплохо справились с выражением запредельного восторга. Особенно отличился только что обруганный носитель спирали. Он подпрыгивал, воздевал руки к небу, падал, вскакивал, громко хлопал себя по животу и вновь падал. Остальные тоже явно были довольны, но выражали свой восторг более сдержанно.

Посмотрев на представление минут пять, я решил, что его пора закруглять. Во исполнение чего не очень громко, но по возможности внушительно объявил:

– Господа, торжественная часть окончена.

Кажется, меня поняли, потому как аудитория довольно быстро утихла. Пора, пожалуй, переходить к знакомству. Но вот ведь, блин, в паршивом словаре была даже «библиотека», но не имелось фраз «мое имя...» и «как тебя зовут?». Так что я просто потыкал себя в грудь и несколько раз по слогам произнес «Николай». Потом упер палец в паренька и с вопросительным выражением на лице поинтересовался:

– Мм?

– Тими, – тут же отреагировал юноша. – Тими-ау! – И тоже потыкал себя в грудь.

Вскоре выяснилось, что девочку, которой он отдал первую конфету, зовут Хани. Спираленосец оказался Камиром или Камир-ау. Представившись, он еще полминуты что-то объяснял, и я решил, что это здешний шаман. В общем, потом выяснилось, что так оно и было.

Самый пожилой представился именем из трех слов, но я запомнил только первое – Тапу.

На этом церемония представления была свернута. Используя жесты и отрывочные слова из шпаргалки, я попытался объяснить, что хочу построить здесь дом. Все, кто поможет мне в этом деле, поимеют богатые подарки. Сбор добровольцев – часов через пять.

Здесь я сначала показал на солнце, а потом на то место, где оно окажется в обозначенное время. Похоже, меня поняли, а значит, пора прощаться.

– О куи-хау аку! – утешил я аборигенов и залез в палатку, где включил питание маяка. А потом выбрался оттуда, подождал минуту и прошел в свой гараж, сопровождаемый

потрясенным аханьем обитателей острова Хендерсон.

Глава 4

Пожалуй, настала пора внести ясность в вопрос о моих планах относительно возможности посещать другой мир.

Разумеется, я не собирался делать наследие Виктора Семеновича достоянием благодарного человечества. Нет, против него в целом я в общем-то ничего не имею, но ведь оно будет принимать подарок руками своих лучших представителей, которых еще называют правящей элитой. Причем, что характерно, есть люди, которые свято уверены – в данном контексте слово «элита» пишется без кавычек! Даже не знаю, как можно назвать такое суеверие.

Правда, некоторые считают, что власть лишена всяких моральных тормозов только у нас, но я по натуре оптимист и поэтому убежден – нет, не только. Она везде такая, а во многих местах даже хуже. Для примера попытайтесь припомнить, сколько раз за последние пятнадцать лет Россия бомбила страны, которые по определению не могут ответить ей тем же. И как часто этим полезнейшим (в собственных, разумеется, шкурных интересах) делом занимались страны, общепринятые в качестве эталонов демократии?

В общем, человечеству придется как-то обойтись без подарка от меня. Впрочем, я сильно подозревал, что во вред это ему точно не пойдет.

А вот мне новый мир пригодится. Во-первых, там нетрудно построить дачу на берегу океана, причем даже не придется нанимать таджиков – чем, спрашивается, полинезийцы хуже? Во-вторых, разница скоростей времени открывает неплохие перспективы. Можно, например, взять сложную и дорогую халтуру, удалиться на Хендерсон, возиться с ней хоть год, в то время как тут пройдет чуть больше суток. Правда, при таком образе действий я раньше состарюсь, но меня это совершенно не пугало. Потому как подобное будет только с точки зрения постороннего наблюдателя, а – с моей – пройдет долгая и полноценная жизнь. Кроме того, тут при желании можно увидеть и еще один бонус.

Предположим, что мне осталось лет сорок – пятьдесят. Что будет через полвека в России и в мире? Боюсь, что ничего хорошего. А вот за десять лет полный пушной зверек может и не успеть прийти.

Если же одному станет скучно, можно будет пригласить на остров несколько человек из проверенных друзей и подруг. Но пока мне явно не до скуки, хоть я провел в новом мире уже почти три месяца. Ну вот, опять...

– Тим! – заорал я, вставая. – А ну положи молоток! Это шурупы, а не гвозди! Шу-ру-пы, понятно? Их закручивают отверткой. Ханя, ну хоть ты ему объясни, если он не понимает!

Моя будущая резиденция строилась уже третью неделю. Сначала аборигенам был вручен садовый бур, коим они в заранее размеченных местах провертели четырнадцать скважин метровой глубины. Потом туда ставились отрезки бруса со стороной сто пятьдесят и высотой три с половиной метра, им придавалось строго вертикальное положение, после чего скважины заливались раствором. Далее понизу и поверху я пустил тот же брус, причем крепил его на шурупах, фанерных косынках и эпоксидке. И наконец, внутрь этой прямоугольной конструкции я лично вклеил пространственные фермы из бруса потоньше.

Разумеется, так дома не строят. Но зато именно так строят деревянные самолеты и яхты, вот я и применял знакомые мне технические решения. Следовало еще учитывать, что в океане случаются ураганы, поэтому дом делался по самолетной технологии, хоть это и более трудоемкая задача.

Кроме того что дом должен быть не только прочным, но и жестким, я имел в виду потренироваться перед постройкой какого-нибудь судна. Ибо жить у океана и не иметь как минимум одной яхты – это моветон, не верите – спросите у Абрамовича. По уму так надо

две, а если брать с запасом, то три.

Сосновый брус для каркаса я купил, естественно, в нашем мире. А вот материалом для обшивки послужили местные пальмы. Их древесина была довольно непрочной, но зато они легко пилились и быстро сохли.

Естественно, потребовались циркулярная пила и пилорама. Первую я просто купил – не такие уж большие деньги пятнадцать тысяч. А вот пилораму пришлось ваять самому.

Я остановился на самой примитивной конструкции, то есть сварил из уголка шестиметровый рельсовый путь и нечто вроде табуретки на колесиках, где горизонтально закрепил бензопилу. Ножки «табуретки» имели регулируемую высоту. Правда, процесс был довольно геморройным – ослабить гайки на четырех болтах, выставить высоту всех ног и не промахнуться при этом, потом затянуть гайки. Однако, учитывая, что пилить приходилось в основном много одинаковых брусьев, это не очень сказывалось.

То есть пальмы сначала распускались на брус двести на двести, а потом из этого бруса на циркулярке делались доски двухсантиметровой толщины. Ими сейчас и обшивался мой дом.

Доски клеились на эпоксидке, а фиксировались поначалу гвоздями. Но где-то примерно на высоте метра я заметил, что удары молотка уже могут вызвать деформацию силового каркаса, в силу чего решил перейти на шурупы. И теперь, значит, смотрел, как мои указания будут поняты исполнителями.

Работы на моей стройплощадке шли с немалым энтузиазмом, что объяснялось высочайшей ценностью того, что я дал племени за делегирование им своих представителей на стройку. Ибо без всякого преувеличения достаток пресной воды означал для аборигенов жизнь и надежду, а недостаток – наоборот.

Воды на острове было очень мало. Имелось нечто вроде небольшого источника в одной из пещер на северо-востоке острова, и не так чтобы часто, но выпадали дожди. Если год был сравнительно влажным, то этого хоть впритык, но хватало. Однако несколько засушливых лет подряд привели к тому, что родник почти высох, теперь вода потихоньку набиралась на дне полутораметровой расщелины, а ведь когда-то она была полной почти до краев. И стала та вода ощутимо солоноватой.

Взрослые и подростки часто болели, а дети просто умирали. В племени сейчас не было ни одного ребенка моложе десяти лет, и похоже, что Ханя с Тимом принадлежали к одному из последних поколений островитян. Потому как я уже интересовался – оказывается, каноэ с Мангаревы не приплывали на Хендерсон очень давно. Во всяком случае, шаман Камир в детстве слышал от своего деда, что уже во времена его молодости Хендерсон был в изоляции, причем на протяжении не менее чем пяти поколений. Это означало, что скоро может настать тысяча шестьсот шестой год, и на остров приплывут испанцы. От племени же, которое когда-то насчитывало более сотни человек, к моменту моего появления оставалось всего сорок восемь. А теперь и вовсе сорок шесть, потому что два старика умерли уже при мне, и никто не родился. То есть лет через тридцать население могло исчезнуть, так сказать, естественным путем.

Но имелась и другая вероятность. Незадолго до моего первого визита кому-то пришло в голову, что лучше построить плот и отчалить в неизвестность – авось куда-нибудь вынесет, – чем тихо угасать на острове. И у этой идеи имелось немало сторонников.

Значит, можно предположить, рассудил я, что максимум через год хендерсонцы построили бы свой плот и отплыли бы на нем за новой жизнью или сравнительно быстрой смертью. И если испанцы пристанут к острову через полгода после этого события, то ведь они никого не обнаружат! Вывод: в ближайшее время возможно появление незваных гостей. Которые вряд ли удовольствуются моим заявлением, что остров уже занят.

Отсюда следовало простое резюме: в ближайшее же время надо вооружить несколько самых сметливых и хорошо относящихся ко мне островитян чем-нибудь огнестрельным, причем с дальностью поражения не менее двухсот метров. Ибо в ближнем бою даже против

пяти испанцев все племя во главе со мной не имеет никаких шансов.

Но мало перестрелять высадившихся, необходимо еще и уничтожить корабль, причем так, чтобы с него никто не спасся. Ну или почти никто. И нельзя допустить, чтобы хоть какая-то часть команды добралась до берега. На кораблях этих времен экипаж может превышать пятьсот человек, а даже против сотни нам не выстоять – порвут голыми руками.

Мысли, как все это проверить технически, у меня уже были. Но ведь в любом деле организация значит ничуть не меньше техники, и я для начала хотел прикинуть, на кого из аборигенов можно рассчитывать в случае чего.

Первыми кандидатами стали Хани и Тими-ау, уже привыкшие, что их зовут Ханя и Тим. Они лучше всех говорили по-русски и больше других работали на стройке, потихоньку обучаясь обращению с инструментами. Естественно, подобный энтузиазм привел к резкому улучшению их материального положения. Не будем говорить про мелочь типа рыболовных крючков, кухонных ножей и небольших отрезков ситца. Но они теперь жили не в пещерах вместе с остальным племенем, а в натуральных хоромах! Это если по местным меркам, естественно. В двадцать первом веке их жилища носили название палаток. Первая, синего цвета, именовалась «Тунгуской», в ней я жил первую неделю своего пребывания на Хендерсоне. А потом купил здоровенную кемпинговую «Килкенни-5» и переселился туда, а старую подарил Хане за большие успехи в изучении русского языка. Но вскоре выяснилось, что в этой палатке она собирается жить с Тимом.

При своей весьма небольшой численности аборигены вынуждены были строго следить за недопущением близкородственных браков, и Тим с Ханей давно знали, что никакой другой пары для каждого из них просто нет. Но мужем и женой они станут года через два. На мой взгляд, им было лет по четырнадцать, а точно они и сами не знали.

Я был согласен, что вместе молодым людям жить еще рано, и сообщил им об этом. Тогда Тим сказал, что он поселится рядом, сделав что-то вроде шалаша из веток. В общем, я плюнул и купил ему самое дешевое, что нашлось в рыболовном магазине недалеко от дома, – «Тайгу». Объяснив, что это аванс, который надо отработать успехами в русской речи и трудовыми подвигами на стройке. Вот парень и лез из шкуры, а я по возможности старался не допустить серьезного вреда от его рвения.

Кроме Тима с Ханей, на стройке постоянно работали семь человек, а ее окончания с нетерпением ждало все племя. Ибо я обещал, что сразу по сдаче дома явлю такое чудо, которого они в жизни не видели, да и их далекие предки на Мангареве тоже.

Имелось в виду устроить на Хендерсоне пруд. Океан, конечно, это хорошо, но и у небольшого прудика тоже есть свои преимущества. В нем, например, могут водиться головастики, караси, да мало ли кто еще. И утки, если я сподоблюсь их туда запустить. А со временем, глядишь, образуется и фонтан с лебедями.

Тем временем Ханя сбегала к Тиму, выдала руководящие указания и вернулась к своей работе – она кашеварила для строителей. Девочка неплохо освоила обращение с ведром, котелками, паяльной лампой и примусом «спортстер». Вскоре она сообщила, что обед готов: сегодня в меню была гречневая каша с тушенкой. Я дал ей мегафон, и она с великим старанием трижды прокричала «Шабаш, обедаем!», естественно, по-русски.

После еды мы с молодежью пошли пострелять. Винтовка «кросман», которой я уже заменил пружину, оказалась весьма неплоха в охоте на местных птичек, похожих по виду на больших голубей с кривым клювом, а по вкусу – на перепелок. Аборигены говорили, что раньше таких птиц было много, и они довольно близко подпускали к себе людей, но сейчас их стало существенно меньше, а осторожность оставшихся сильно повысилась. Однако метрах на пятидесяти птицы еще не пугались, а с такого расстояния я снимал их в двух случаях из трех.

Более того, Ханя с Тимом тоже научились заряжать винтовку и хоть как-то стрелять. Правда, это они могли только вместе.

Винтовка, как я уже говорил, по конструкции была простой переломкой. Кстати, на

форуме, куда я зашел поинтересоваться по поводу замены пружины, ее называли «крысман» или просто «крыс». Так вот, «крыс» даже со штатной пружинкой требовал немалого усилия для взведения, а с установкой более мощной оно еще увеличилось. Даже мне стало тяжело переламывать ствол, хотя я и не имею повода жаловаться на хилость, а у Тима, не говоря уж про Ханю, сил не хватало вовсе. Но они быстро нашли выход и научились взводить «крыса» вдвоем, совместными усилиями в четыре руки.

В этот день охота была удачной – Ханя подстрелила местного голубя. Вообще-то мы подняли троих, но по одному Тим промазал из «крыса», а по второму – я из нагана.

Надо сказать, что у меня получилось вполне приличное оружие, единственным недостатком которого было долгое и геморройное зарядание. Бил же револьвер мощно: с десяти метров пуля навывлет прошибала три дюймовых сосновых доски. В ростовую мишень я мог попасть с двадцати метров, а с пятнадцати практически не мазал. Все это с предварительным взводом курка, ибо я просто не понимал, как из этого оружия люди ухитрялись куда-то попадать при стрельбе самовзводом. Ведь усилие на спусковом крючке в таком варианте килограммов десять, а его ход – миллиметров двадцать! Во всяком случае, у меня никакого прицеливания не получалось.

По окончании охоты я отстрелял оставшиеся шесть зарядов в тонкую, примерно с мою руку, пальму. С восьми метров попал четыре раза! Прогресс, однако.

Он был еще и в том, что дети совершенно перестали бояться грохота выстрелов. А ведь когда я при них бабахнул первый раз, Ханя чуть не упала в обморок, а Тим без всяких «чуть» обмочился. Теперь же они так и поедали глазами револьвер, и я, еще раз убедившись, что барабан пуст, протянул оружие Хане.

Как из него стрелять, она уже знала, но это знание так и осталось чистой теорией. То есть она не смогла продавить спусковой крючок даже двумя руками. У Тима, правда, двумя все-таки получилось, но только с третьего раза.

– Растите, набирайтесь сил, – посоветовал я молодежи. – Как сможете три раза подряд щелкнуть курком с одной руки, дам пострелять. А пока все, возвращаемся на стройку.

В разговорах с туземцами я уже где-то месяц не давал себе труда говорить исключительно знакомые им слова. Например, сейчас я был уверен, что Ханя с Тимом не только все поняли, но и запомнили глагол «щелкать», с которым до этого времени были незнакомы. Аборигены постарше, в том числе и вождь Тапу, такими способностями к языку не отличались, но они переспрашивали, что им было непонятно. Иногда у меня, но чаще у моих молодых выдвиженцев. А вот шаман, как мне кажется, усматривал в этом какую-то дискриминацию, так что с ним я старался беседовать поменьше, а если уж приходилось, то попроще. Всякие же попытки общаться со мной на мангареванском языке игнорировались.

Вечер я посвятил изучению справочника по горно-подрывному делу. Меня интересовало – сколько взрывчатки и на какой глубине потребуется взорвать, чтобы получить котлован под будущий пруд. Потому как на следующий день я собирался посетить двадцать первый век и проехаться по магазинам, и надо было заранее решить, сколько аммиачной селитры покупать – мешок, два или десять.

Глава 5

Через полтора месяца после начала работ строительство моей резиденции полностью завершилось, включая меблировку отстроенного дома.

Он был не совсем обычных пропорций – четыре на одиннадцать метров. Во-первых, так лучше получилась требуемая планировка, а во-вторых, я сориентировал строение длинной стороной с юго-востока на северо-запад, вдоль преобладающего направления ветров.

В общем, мое новое жилище напоминало бытовку, третий год пустующую на дачном участке, только раза в два побольше, с двускатной крышей и чердаком.

Вход с небольшим крыльцом находился на длинной стороне, чуть слева от середины.

За дверью была небольшая прихожая, она же аппаратная, где уже стояли генератор, аккумуляторы, аппаратура стабилизации и три канистры бензина. Свернув направо, я попадал в двенадцатиметровую слесарную мастерскую, а пройдя ее насквозь, оказывался в восьмиметровой радиомастерской. Слева от аппаратной располагалась кухня, тоже площадью в восемь метров, а крайним левым помещением была десятиметровая спальня.

Я перетащил туда пожитки из «Килкенни», около которой потихоньку собирался народ, – с утра было объявлено, что стройка закончена, скоро будет обещанное чудо, но для его подготовки надо немного поработать, причем не бесплатно.

Добровольцам был вручен уже знакомый им бур, три удлинителя, моток веревки и лом, после чего я провел их к выбранному месту метрах в четырехстах от дома. Там они получили задание – пробурить скважину глубиной три метра.

Остров Хендерсон был коралловым, то есть состоял из известковых пород, так что бурение являлось не самой простой задачей. Иногда бур упирался, и тогда приходилось пускать в ход лом. Но аборигены уже имели кое-какой опыт и приступили к работе. Я же отправился обратно к дому. Ханя с Тимом попытались было увязаться за мной, но им было заявлено, что подходить к дому сейчас нельзя никому, кроме меня.

Перед моим новым жилищем уже стояли две заранее купленные деревянные бочки. Потому как при использовании пластиковых емкостей возможна искра от статического электричества, а железных – от трения. Разумеется, я знал, что от каких-то паршивых искр составы на основе нитрата аммония не взрываются, им и детонаторы-то подходят не всякие, но мало ли! Всегда не взрываются, а тут вдруг рванут. Моя верная спутница, жаба, так прониклась этими соображениями, что позавчера на рынке даже поинтересовалась, не слишком ли дешевые бочки я покупаю.

Высыпав в деревянную емкость мешок аммиачной селитры, я добавил туда такой же объем сухих пальмовых опилок, взял двуручную дрель с зажатым в ней могучим миксером из арматуры-десятки и приступил к изготовлению коктейля.

К вечеру содержимое обеих бочек было перемешано, аборигены тем временем пробурили шурф, и мы в два приема отвезли бочки с взрывчаткой к нему. После чего я высыпал туда содержимое первой емкости, затем опустил небольшую спираль из полумиллиметровой вольфрамовой проволоки, обмазанную расплавленной аммиачной селитрой с добавлением алюминиевой пудры и закрепленную на двух толстых проводах, а поверх нее пошла смесь из второй бочки.

Велев аборигенам хватать пустую тару и бежать с ней в свои пещеры, я установил небольшой аккумулятор, преобразователь и приемник аппаратуры радиоуправления. И отправился к свежестроенному дому, около которого уже был отрыт маленький окопчик на всякий случай. Он не пропадет – потом я устрою тут сортир, а то гадить по кустам как-то несообразно с высоким статусом пришельца с небес.

Когда я в первый раз задумался – как мне подорвать заряд, то сначала остановился было на смеси Кибальчича, то есть бертолетовой соли с сахаром. Вообще-то получить хлорат калия нетрудно, для этого надо всего лишь пропускать хлор через нагретый раствор поташа или даже золы. Я запустил этот процесс, но, увидев его реальную производительность, несколько подкорректировал планы. В конце концов, я электронщик или кто?

Почти всякий имевший дело с силовой аппаратурой наверняка видел, как взрываются силовые транзисторы. Вполне соизмеримо с бабахом от жевело, только звук более резкий, что говорит о высокой скорости детонации. А ведь там всего-то разряжается три – четыре сотни микрофард, заряженных до трехсот с небольшим вольт!

На краю шурфа стояла батарея общей емкостью в тысячу микрофард, преобразователь же мог зарядить ее до полутора киловольт. Вот уж от такой энергии спиралька взорвется почище любого детонатора, подумал я, перекидывая первый тумблер на пульте. По этому сигналу преобразователь начинал заряд батареи.

Выждав пару минут, я скорчился в своем будущем сортире и щелкнул вторым тумблером.

Ох, как оно грохнуло! Аборигены потом долго рассказывали друг другу, как до глубокой ночи по небу вместо облаков летали камни. Кстати, не так уж они и преувеличивали – приличная каменюка шлепнулась метрах в ста от моего дома и докатилась почти до него, ломая по дороге кусты.

И только после бабаха меня посетила простая мысль: а почему я не засадил кого-нибудь из островитян перемешивать адскую смесь?

Потом минут пять ушло на размышления – это в кого же я такая сволочь? Но ведь не засадил же, напомнил я себе, а перемешивал сам. И кстати, пора сходить посмотреть, что из всего этого получилось.

На месте бывшего шурфа обнаружилась дымящаяся воронка почти идеальной формы, глубиной метров пять и диаметром порядка сорока. Просто замечательный будет прудик, подумал я, любуясь на дело своих рук.

Однако наливать туда воду было еще рано, и я сказал зрителям, что подготовка к чуду не закончена, завтра с утра работы продолжатся.

Как уже упоминалось, остров состоял из известняков. Но разных. Грубо говоря, имелось две разновидности – грязно-серая и светло-коричневая. Породы первой группы были совсем рыхлыми, и вода сквозь них проходила почти как через песок. А коричневый камень оказался сравнительно плотным, из него аборигены даже делали какое-то подобие посуды.

Так вот, сначала мы подтащили к берегу будущего водоема генератор и портативную бетономешалку, а потом я остался у нее готовить раствор. Хендерсонцы же занялись герметизацией дна. Что это такое и зачем оно нужно, люди поняли сразу и теперь, получив мастерки, бодро замазывали все сколько-нибудь заметные трещины. Этот процесс продолжался часов до шести вечера, а потом я с рулонами полиэтиленовой пленки спустился на дно. Там, где шли рыхлые серые полосы, поверх них клалась пленка и прибивалась к грунту гвоздями с большими шайбами на шляпках. Разумеется, хоть сколько-нибудь полной герметичности так не достигнешь, но все-таки утечка воды заметно уменьшится.

Наконец где-то за час до захода солнца работы завершились, и толпа островитян потащила генератор, мешалку и остатки цемента к моей резиденции. Там они услышали, что чудо произойдет завтра в десять утра по местному времени. После чего Ханя начала им объяснять, где в это время будет солнце, а я отправился спать.

Подъем был в восемь утра. Потом я прошелся до котлована и на стальной треноге установил контейнер с кристаллом. Включил питание и перешел в гараж двадцать первого века, захватив с собой третий кристалл. Теперь время на Хендерсоне текло примерно в триста раз медленнее, чем в Москве, где мне предстояла небольшая экспедиция за водой. Ибо понятно, что ее надо брать из реки, но ведь подходит не всякая. Например, Пахра ниже Подольска – это такая грязь, что холеры с дизентерией там нет только потому, что бедные бактерии мгновеннодохнут от всякой плавающей вместо воды химии.

Вполне возможно, что чистую речку можно было найти и поближе к Москве, но именно что найти, то есть ее пришлось бы искать. Но про одну, расположенную километрах в двухстах, я знал точно.

Сейчас в Москве был вечер субботы, пятое февраля. Ранним же утром в воскресенье моя «девятка» выехала из столицы и двинулась на север, в сторону Сергиева Посада. Его я проехал, когда уже рассвело, и еще часа полтора двигался по шоссе на Калязин. Но, не доезжая до Сужи, свернул направо и остановился перед мостом через реку Нерль. Вылез, надел лыжи, повесил на спину рюкзак с аппаратурой и пошел по берегу к тому месту, где река сужалась, протекая через лес.

Там я выбрал место для установки генераторов, запустил их, за пару итераций подкорректировал места совмещения и, шепнув себе «с богом!», открыл полноразмерный переход трехметрового диаметра с реки Нерль в свой котлован. А потом минуты три слушал

треск ломающегося льда здесь и восторженные вопли аборигенов там. Наконец вода стала переливать через края моего прудика, и я выключил генераторы. Вновь небольшая пробежка на лыжах, и я уже еду в Москву. А оттуда – на Хендерсон. Следовало спешить, потому как я хоть и предупредил островитян, что пить эту воду в сыром виде нельзя, надо обязательно кипятить, но мало ли! Первое время лучше лично проследить за соблюдением данного условия.

Глава 6

Все-таки два островитянина заболели в результате моего чуда с прудом. Но не из-за бактерий, содержащихся в воде, а банально простудившись. Я ведь их накручивал только про то, что появившуюся воду нельзя будет пить, но не сказал ни слова относительно того, что в нее и заходить тоже весьма не рекомендуется! По крайней мере, тем, кто не морж. Аборигены же просто не могли представить себе, что вода может быть столь холодной! В результате один паренек с разбегу кинулся туда и еле успел выскочить – ноги от холода у него свело уже на берегу. Второй же, хоть и не лез в воду, но долго топтался у нее, не обращая внимания на холод, и потом тоже слег.

Вообще-то я читал, что если бы наш современник попал в прошлое, да еще к развивающемуся в изоляции народу, то этот самый народ мгновенно вымер бы от болезней, к которым у него не могло быть иммунитета. И вроде даже что-то такое случилось, когда население какого-то островка после визита французского корабля поголовно заболело гриппом.

Наверняка в подобных соображениях есть доля правды, подумал я. Но именно что доля, потому как случаев прибытия европейцев на изолированные острова было много, а случаи заболевания туземцев так и остались единичными.

Возьмем, например, моего тезку Миклухо-Маклая. Правда, он не мог быть носителем СПИДа или птичьего гриппа. Однако вполне мог нести вирусы оспы, которая сейчас практически исчезла, да мало ли чего еще! Обычный грипп, кстати, тогда уже вполне был. И что? Аборигены остались живы и здоровы, зато сам Маклай в конце концов заболел от непривычных условий жизни. И вот что он писал на эту тему:

«Но мне не пришлось сказать о теневой стороне появления миссионеров на островах Тихого океана. Эта теневая сторона, по моему мнению, состоит главным образом в том, что за миссионерами следуют непосредственно торговцы и другие эксплуататоры всяческого рода, влияние которых проявляется в распространении болезней, пьянства, огнестрельного оружия и т. д. Эти «благодетели» едва ли уравниваются умением читать, писать и петь псалмы!»

То есть болезни если и возникали, то после появления не миссионеров или исследователей, а торговцев! Кстати, я потом нашел в сети несколько подтверждений этому тезису.

Поэтому от меня требовалось всего лишь соблюдать не очень сложные правила:

- не посещать остров, если чувствую недомогание;
- перед каждым визитом мыть руки;
- не чихать на аборигенов и не есть с ними из одной посуды; и вообще держаться на некоторой дистанции.

Последнее у меня получалось само собой – ведь я все-таки пришелец с неба, а не гость с какой-нибудь Мангаревы.

Заболевшие поправились через неделю, и за это время вода в озере более или менее прогрелась. Правда, ее уровень заметно упал, но в последние дни падение почти прекратилось – видимо, грунт вокруг водоема пропитался водой и перестал так уж свободно пропускать ее. Но вообще пруд стал каким-то полюсом холода, вокруг него даже начали было чахнуть кусты. Однако потом они вроде бы адаптировались, и островитяне тоже скоро привыкнули.

Их, кстати, заинтересовало, что это за белые куски плавали в моем пруду поначалу и куда они делись потом. Я притащил из Москвы пару кусков льда и показал Хане с Тимом, как они тают, а молодые люди, прослушав первый в их жизни урок физики, отправились просвещать своих соплеменников. И теперь островитяне знали, что на небе очень холодно – настолько, что даже вода превращается в камень. В общем, обычному человеку там ни за что не выжить.

Теперь, когда у меня появился запас воды, можно было задуматься о развитии земледелия. Потому как здесь не дача, где мне самому приходилось ковыряться в глине. Сельхозработы вполне достаточно, на мою долю останется только общее руководство процессом и дегустация полученного урожая. Вот только земля на Хендерсоне была такая, по сравнению с которой глина на моем участке вполне сошла бы за чернозем. И как только на этих камнях ухитрились расти здешние кусты? Правда, горох у резиденции принялся неплохо, только его приходилось регулярно поливать.

В общем, до так называемого сезона дождей оставался месяц местного времени, и за это время следовало подготовить островитян к ведению сельского хозяйства. Почему я назвал сезон дождей так называемым? Да потому что времена года на Хендерсоне выглядели так.

Лето – оно жаркое и сухое.

Осенью могут пройти дожди, но мало. А могут и не пройти.

Зима чуть попрохладнее лета, но тоже сухая.

Весна полностью аналогична осени.

В данный момент на острове был конец лета. В Москве – середина февраля.

В один из дней на работе меня пригласил к себе шеф. Поинтересовался, где это я так загорел, и мне пришлось сказать чистую правду – дома, где я делаю блок питания для мощной ультрафиолетовой лампы. Ведь я действительно недавно подрядился за шестьдесят тысяч создать именно его, а что тот дом стоит в тропиках на берегу океана – так шеф меня про это и не спрашивал.

Впрочем, это было вступление. А за ним пошли начальственные претензии.

– Я тебя очень ценю и позволяю многое, – капал мне на мозг шеф, – поэтому ожидаю хотя бы понимания! А ты? Что ты сказал позавчера заму директора?

Смысл тут был в том, что не так давно по институту прокатилась волна смены аппаратуры. Вышел приказ, согласно которому с первого февраля сотрудникам запрещалось работать на несертифицированном и непроверенном оборудовании. Перед этим мы составляли заявки и, что меня несколько удивило, получили все требуемое, причем быстро. Я тоже, мысленно подивившись, какие заковыристые формы иногда принимает распил бюджета, потому как никакого другого смысла в акции усмотреть не мог, написал заявку и через неделю получил все требуемое. Но мой старый «Тектроникс» так и остался стоять на столе, и лабораторные источники питания еще с советских времен тоже. Что сильно не понравилось как-то раз зашедшему в лабораторию заму.

– Ладно, могу убрать, – утешил я начальника, – но не на помойку, мне это пригодится. Пока суну под стол, а в воскресенье на вахте будет дежурить мой знакомый, тогда и вынесу.

Шеф начал было вякать, что в случае чего он меня покрывать не будет, но, увидев полное отсутствие беспокойства с моей стороны, в свою очередь, перестал волноваться. Действительно, чего мандражить-то? Я не собирался напрягать своего знакомого с проходной – открыть переход прямо с рабочего места будет нетрудно. Заодно и вынесу кондиционер на основе элементов Пельтье, который я собрал из имеющейся у нас некондиции неделю назад. Потому как уже довелось убедиться, что иногда на Хендерсоне бывает довольно жарко.

А вообще-то я собирался на работу в выходные не только затем, чтобы без помех переправить на Хендерсон барахло. Мне надо было еще поработать на фрезерном станке,

потому как в мастерской на острове пока стоял только токарный. Что там, со слов Маклая, тащили несчастным дикарям торговцы, кроме болезней и водки? Огнестрел. И тут я был не совсем согласен с великим русским путешественником – если оружие дать в хорошие руки да потом за этими руками присматривать, то никакого вреда от него не будет.

Ханя с Тимом уже вполне освоились с «крысом» и теперь учились стрелять из пневматического револьвера. Он у меня был еще до начала эпопеи с переходами, причем форсированный.

Как-то раз я купил ижевский «МР-651КС». Машинка понравилась мне продуманностью конструкции и хорошим качеством изготовления ствола. Ну, а что местами она была сделана явно через задницу, так чего вы хотите от оружия за полторы тысячи рублей? Чай, руки у меня есть, подумал я, разбирая револьвер с целью понять, как он должен работать, если все сделать по уму.

Вскоре диагноз был ясен. Главным тормозом данного револьвера было отсутствие промежуточного объема между баллоном и клапаном. Ведь как все это работает?

При нажатии на спусковой крючок клапан открывается. Газ в баллоне вскипает, но это не мгновенный процесс. Мало того – он проходит через тоненькую дырочку в игле, и ее никак не расширить! О какой мощности тут может идти речь?

А вот если между баллоном и клапаном будет промежуточный объем, причем в разы превышающий объем ствола, все пойдет по-другому. Пулю будет выталкивать заранее созданное давление в этой камере, а оно при комнатной температуре равно шестидесяти пяти атмосферам.

В общем, я кое-как вкрячил в пистолет этот самый газовый буфер объемом в два с половиной кубика. Правда, для этого пришлось распилить не только рукоять, но и пластиковую накладку на нее. Потом рассверлил входное отверстие клапана до пяти миллиметров, а выходное – до четырех с половиной, отцентровал барабан и минимизировал зазор между ним и стволом. Получилось совсем другое оружие – у него даже появилась отдача, а пули легко прошибали четырехмиллиметровую фанеру. В первое лето на даче я охотился с ним на ворон, по результатам чего дошел до небольшой модернизации боеприпаса. Если в пульку «Гамо Экспандер» сзади вбить тонкий гвоздик, а потом откусить выступившую спереди часть, то на ворону попадание такого снаряда производит куда более серьезное впечатление.

Впрочем, они оказались умными птицами и быстро улетели с моей дачи, но про голубеобразных с Хендерсона этого сказать не получалось. Ханя научилась ловко сшибать их, подкрадываясь на минимальное расстояние. Даже если птица все-таки взлетала, девочка иногда ухитрялась снять ее влет, выпуская по три-четыре пули одну за другой.

То есть явно настала пора вооружить ее чем-нибудь посерьезнее, и именно этим я собирался заняться в ближайшие выходные.

На острове я, так сказать, лично убедился в серьезных преимуществах нарезного оружия перед гладкоствольным. Да, по мощности мой наган многократно превосходил ижевский револьвер, за свою задушенность и буквы «КС» в конце названия именуемый «кастратом». Но вот по точности стрельбы на приличных дистанциях картина была обратной. Попасть из нагана в ростовую мишень с сорока метров у меня получилось всего два раза из трех расстрелянных барабанов, то есть это было чисто случайное событие. А «кастрат» уверенно клал в фанерного человека восемь пуль из восьми. Осознав это, я прикинул, как и чем в моих условиях можно нарезать ствол, и вскоре начал эксперименты со спиральными развертками, заточенными под дорны. Но пока результаты были настолько далеки от желаемых, что думать о самостоятельном изготовлении нарезного ствола, да еще приличной длины, было явно рано. Значит, следовало искать готовый.

Собственно, два таких ствола у меня уже были – один в «кастрате», другой в «крысе». Правда, калибром всего четыре с половиной миллиметра, но для начала сойдет и так. В

конце концов, если бы ижевскому изделию увеличить мощность еще раз в десять, получилось бы вполне приличное оружие среднего радиуса действия. Но конструктивно «кастрат» для этого совершенно не подходил – слишком маленьким и коротким был его барабан. Но неужели все пневматические револьверы такие?

Заход на сайты оружейных магазинов показал: нет, не все. Фирма «Глетчер» выпускает линейку пневматических копий «смит-вессонов», и у них барабаны по размерам полностью соответствуют оригиналам. Для стрельбы же шариками туда вставляются фальшпатроны, по виду похожие на настоящие. Ничего, сделаем их похожими не только по виду, но и по функциям, решил я и заказал доставку на дом такой игрушки за четыре тысячи рублей. И плюс к ней еще один «кастрат».

Получив заказ, я быстро его рассмотрел, после чего разобрал. В общем, мои ожидания оправдались.

Спуск даже в режиме самовзвода у револьвера был очень легкий, Ханя явно сможет им пользоваться. И вообще по эргономике он отличался от нагана примерно так, как «Фольксваген Гольф», скажем, отличается от четырехеста двенадцатого «москвича» – у отца одно время была такая машина. И сделан тот «глетчер» оказался хоть и из силумина, но вполне приличного, а ударно-спусковой механизм был и вовсе стальным. В общем, он оправдал мои ожидания почти во всем, кроме ствола.

О том, что этот ствол окажется гладким, я догадывался, потому и заказал второго ижевца. Но что он будет подвижным, мне просто не приходило в голову.

В любом револьвере определенную трудность составляет обеспечение точной соосности камер барабана со стволом. Например, в ижевском мне пришлось почти час геморроиться с прокладками из автомобильного набора щупов, пока я достиг желаемого. Причем чем меньше калибр, тем выше потребная точность, то есть для четырех с половиной миллиметров проблема имела особую остроту. Так вот, в «глетчере» она была решена довольно оригинально.

Ствол был подвижным, подпружиненным, его прилегающий к барабану торец был заточен под конус. А в барабане имелись фаски, соответствующие конусу ствола. При повороте ствол выдавливался вперед, а потом, когда камера занимала соответствующее положение, под действием пружины заходил своим конусом в фаску и прижимался к барабану. Соосность при этом получалась почти идеальная.

Да, в растерянности подумал я, так-то оно, конечно, так. Но только для гладкого ствола! Даже если оставить револьвер пневматиком, но заменить ствол на нарезной, сопротивление проходящей по нарезам пули тут же двинет его вперед! А уж при переделке на огнестрел ствол будет мгновенно выталкиваться в крайнее переднее положение.

Поначалу я прикидывал, как можно заменить прыгающий туда-сюда ствол на неподвижный. В общем, подобное было нетрудно. Правда, при этом пришлось бы слегка сточить барабан, но тоже не катастрофа. Однако как быть с его фиксацией? Имеющийся в рамке подпружиненный штырек и близко не обеспечивал потребной точности.

Так я ломал голову примерно полчаса, а потом меня осенило. Ведь остроумная же задумка, зачем ее убирать? Просто у «глетчера» ход ствола сейчас сделан с запасом и составляет почти миллиметр. Уменьшим его до пары десятков, для фиксации этого вполне хватит. Тогда появится возможность серьезно упрочнить пружину ствола без увеличения усилия поворота барабана. А зазор в две десятки выстрелу не мешает – примерно такой всегда есть у большинства нормальных револьверов.

Сказано – сделано, и ствол с барабаном я обточил в своей мастерской на Хендерсоне. Там же были сделаны боеприпасы.

В принципе не так уж трудно, наверное, было бы раздобыть патронов от мелкашки. Но, во-первых, они имеют калибр «пять и шесть», а, во-вторых, я не меньше Остапа Бендера чтит уголовный кодекс. Правда, уже мелькала мысль, что теперь-то у меня есть куда сбежать в случае чего, но реализовывать ее на практике было еще явно рано. Поэтому я просто взял в гараже пачку патронов для своего строительного пистолета ППИМ-307. Зачем он мне

понадобился? Такой вопрос могут задавать только люди, у которых гараж кирпичный или сварен из тонкого стального листа. Мой же имел бетонные стены, и я, пару дней помучившись с перфоратором, купил самый дешевый монтажный пистолет из тех, что нашел на строительном рынке.

Кстати, когда я начал разбираться с патронами к нему, то поначалу впал в тягостное недоумение. Судя по характеристикам, они выдавали совершенно феноменальную мощность! Например, про черные к моему пистолету, имевшему калибр всего «пять и шесть», утверждалось, что их мощность аж шестьсот джоулей. Да как она у такого огрызка может быть почти вдвое выше, чем у макаровского патрона?!

Но вскоре я разобрался в лукавых цифрах. В общем, как говорилось довольно давно и по другому поводу: «Не суть важно, кто и как голосует (в данном случае – стреляет). Важно, кто и как потом подсчитывает результат!» То есть дело оказалось именно в методике расчета, и для приведения цифр мощности строительных патронов к одному знаменателю с оружейными требовалось делить потрясающие воображение цифры примерно на два.

Так вот, я взял пачку зеленых патронов. На этикетке красовалась надпись «150+50 джоулей», то есть по мощности они примерно соответствовали мелкашечным. И за день наточил двенадцать гильз под настоящие, а не фальшивые патроны для «глетчера». Они представляли собой стальные цилиндрики диаметром десять минус десятка, снабженные полумиллиметровым рантом. И имели сквозное отверстие – в задней части «пять и шесть» под патрон, в передней – «четыре и шесть» под пулю, отлить которые не составило никакого труда. Пуля вкладывалась в гильзу сзади, потом туда вставлялся патрон, который пропихивал пулю на ее место. Все, боеприпас готов. Причем давление пороховых газов будет воспринимать именно он, а не тонкостенный силуминовый барабан.

Оставалось только заменить клапан револьвера упором с подпружиненным бойком, на изготовление которого я и потратил почти все воскресенье. Он был отфрезерован из сорок пятой стали, задней частью точно соответствуя извлеченному из револьвера клапану, а спереди имея широкую площадку, распределявшую усилие отдачи по всей задней плоскости рамки. Потому как вопреки распространенному мнению силумин – материал довольно прочный, он просто плохо переносит ударные нагрузки. Их-то и воспримет моя деталь.

Клапан крепился к корпусу револьвера на одном винте. Мой упор был еще и вклеен. Слой клея обеспечит не только дополнительную прочность соединения, но и послужит демпфером при передаче удара со стали на силумин.

Примерно в шесть вечера револьвер был готов. Я переправил его на Хендерсон, добавил до кучи осциллограф, блоки питания и кондиционер, после чего вернулся в лабораторию. Убрал в сумку аппаратуру с кристаллом и двинулся на проходную, а оттуда поехал в свой гараж. Еще один переход – и я у дома на берегу океана.

Разумеется, первым делом я приступил к испытаниям своего детища. Для чего снял с рукояти пластиковую накладку и зажал револьвер в тиски, направив ствол в открытое окно мастерской. Зарядил барабан двумя гильзами с желтыми патронами, которые были в полтора раза мощнее зеленых. После чего надел на спусковой крючок проволоку с петлей, отошел в сторону и дернул за нее.

Грохнул выстрел. Еще дерг – новый бабах.

Вынув револьвер из тисков, я убедился, что ни в барабане, ни в рамке нет ни малейшего намека на трещины. Значит, можно заряжать оружие зелеными патронами и идти на улицу, разламываться прямо у меня в руках оно не будет.

После первого же расстрелянного барабана я убедился, что по пробивной способности новое оружие примерно соответствует нагану, а по кучности – «кастрату», заметно превосходя его в дальности. Последнюю пулю я всадил в мишень с восьмидесяти метров, причем попал примерно туда, куда и целился, то есть в область груди. Может, это и случайность, но все равно просматривается обнадеживающая тенденция, подумал я, перезаряжая барабан. Правда, останавливающее действие у этого «глетчера» отсутствует в

принципе, но нельзя же требовать всего и сразу!

Тут на выстрелы прибежали Ханя с Тимом. И вскоре я, приняв экзамен по технике безопасности при обращении с оружием, вручил девочке револьвер. Предупредив, что при первом же замеченном нарушении отберу не только его, но и «кастрата» с «крысом». Тим же слегка запутался в ответах, так что пока ему придется ограничиться ролью зрителя.

После чего минут десять я слушал «Бах! Бах!» и восторженные вопли детей при каждом попадании. Господи, до чего мало им нужно для полного, ничем не замутненного счастья...

Глава 7

К середине московского марта и к концу первого года своего пребывания на Хендерсоне я более или менее разобрался, по каким правилам и под чьим руководством племя жило до моего появления.

Теоретически главным был вождь Тапу, но он занимал этот пост недолго, всего третий год, унаследовав власть от скончавшегося в возрасте чуть ли не за семьдесят лет отца. Но в отличие от своего папы новый вождь не блистал особыми волевыми качествами, так что на самом деле почти всем заправлял шаман Камир-ау. Именно он был автором идеи построить плот и отплыть на нем в поисках лучшей доли. Причем, что лично мне показалось не очень понятным, предлагал устроить исход не весной, когда ветры в основном дуют в сторону Мангаревы. А осенью и в прямо противоположном направлении, то есть на юго-восток! Нетрудно предсказать, что стало бы с плотом и островитянами при исполнении такого плана. Плот быстро занесло бы в ревущие сороковые, где он скорее всего развалился бы. Но даже если и нет, то островитяне вымерли бы там от холода, к которому они совершенно непривычны, да и от голода тоже: при сильном ветре не больно-то порыбачишь, а слабых в тех широтах не бывает.

Наконец, в случае ну очень большого везения, какая-то часть островитян могла в конце концов добраться до архипелага Огненная Земля, где их плот быстро разбило бы о скалы.

В общем, я, не вдаваясь в подробности, объяснил аборигенам, что путешествие на юго-восток означает только смерть и ничего более. Впрочем, идея с плотом почти исчезла после моего появления. Чем, кажется, шаман по каким-то своим непонятным соображениям был не очень доволен, но на открытую конфронтацию не шел.

За время пребывания на острове число моих, так сказать, приближенных возросло человек до десяти, но самыми доверенными продолжали оставаться Ханя и Тим. То ли так им было положено от природы, то ли сыграло роль резкое улучшение рациона, но они здорово выросли, окрепли и повзрослели за год. Ханя теперь однозначно напоминала девушку, причем довольно привлекательную, а не тощего голенастого птенца непонятной породы, коего я увидел при первой встрече. Тим стал невысоким крепышом с развитой мускулатурой и не только в одиночку взводил «крыса», но и мог стрелять самовзводом из моего нагана. Это ему позволялось редко, но зато я модернизировал его оружие. Рассверлил патронник под монтажную гильзу «пять и шесть» и переделал спуск с пневматического на боек. Теперь в винтовку сначала совалась пуля, потом гильза, ствол возвращался в исходное положение, и можно было стрелять. Пульки, кстати, были не из свинца, а из его сплава с сурьмой, который почти в два раза прочнее. Разумеется, я не занимался прикладной металлургией, а просто раздраконил старый аккумулятор – пластины и выводы как раз и были сделаны из требуемого сплава.

Винтовка имела достаточный запас прочности для использования самых мощных, то есть черных, патронов, но сразу выяснилось, что при этом пулю через раз срывает с нарезов, после чего ствол требовалось долго и нудно чистить. Так что пришлось перейти на менее мощные синие, но и с ними оружие показывало очень неплохие результаты. С двухсот метров Тим гарантированно попадал в ростовую мишень, а с двухсот пятидесяти хоть иногда и мазал, но довольно редко. После трехсот метров пуля начинала резко терять скорость и

вообще летела каким-то непредсказуемым зигзагом, но даже двести все равно были очень приличным результатом, недоступным для гладкоствольного оружия.

Ханя уже спрашивала, чем же она так провинилась, что Ник-ау, то есть я, не доверяет ей такого ружья, как у Тима. Пришлось сказать, что я готовлю для нее нечто еще более впечатляющее, и девушка успокоилась.

Сам я тоже заметно повысил свою огневую мощь, для чего предварительно получил охотничий билет плюс лицензию на гражданское оружие. Процесс, правда, оказался чуть посложнее получения водительских прав, но все же не очень сильно, в этом мои опасения не оправдались. И занял всего неделю с небольшим, хоть я предварительно настроился на месяц.

Перед визитом в оружейный магазин жаба настоятельно советовала мне посетить тир, потому как дешевых ружей в природе не бывает, а покупать дорогое и потом выяснять, что оно в силу каких-то причин не подходит...

В общем, я внял разумным доводам и отправился в тир.

После первых трех выстрелов из «Сайги-12» выяснилось, что земноводное было совершенно право. Лягалось ружье ну просто очень здорово, а последний выстрел, сделанный патроном «магнум», окончательно утвердил меня в мысли присмотреться к двадцатому калибру. Тот вел себя поприличнее – во всяком случае, синяк на правом плече не увеличивался, так что через пару дней я стал еще на двадцать семь тысяч беднее, но зато приобрел «Сайгу-20 1–4» с двумя восьмипатронными магазинами и три пачки пулевых патронов.

Стрельбы показали, что по мощности мое приобретение далеко превосходит все оружие острова Хендерсон, вместе взятое, но по дальности заметно уступает ружью Тима. В фанерного человека у меня получалось уверенно попадать только с восьмидесяти метров.

Правда, вскоре у Тима сорвало пулю и от синего патрона, так что мне пришлось задуматься о более радикальном решении обозначившейся проблемы. Поначалу я попытался найти тонкостенную медную трубку с внешним диаметром «четыре и семь» – «четыре и восемь», но вовремя сообразил, что все можно сделать проще и лучше. И, значит, взял неизолированной медной проволоки диаметром примерно в три десятки, свернул ее в спираль, порезал на кусочки чуть покороче цилиндрической части пули, а потом просто вставил отрезки в формочки для отливок. В результате у меня получилось что-то вроде кустарных полуболочечных пуль: их не срывало с нарезов уже и от черных патронов.

Однако внимательный осмотр ствола показал признаки начавшегося износа, хотя Тим отстрелял всего только чуть больше трехсот раз. Значит, ресурс ствола никак не превысит тысячу выстрелов, а может оказаться и раза в полтора меньше, подумал я, но не сильно расстроился. Ибо уже выяснил, что стволы к «крысу», да и не только к нему, нетрудно купить отдельно от винтовки и за существенно меньшие деньги.

Вскоре я приобрел сразу пять стволов – два для «крыса» и три от гораздо более дорогой баллонной винтовки, которую в свое время мне не позволила купить жаба. Эти были на девять сантиметров длиннее, то есть имели не сорок пять сантиметров, а пятьдесят четыре. Я собирался выполнить свое обещание и сделать оружие для Хани – барабанную винтовку под те же самые черные патроны, но шестизарядную и с более длинным стволом.

А вообще-то в племени появился еще один вооруженный мною абориген – им стал молодой человек по имени Умари-ау, который хоть и с некоторым трудом, но все же научился откликаться на имя Марик. Парень он был весьма здоровый – кажется, даже самый сильный в племени. Но уж точно не самый умный. Настолько не самый, что я не рискнул доверять ему огнестрел, а пожертвовал на его вооружение старые отцовские лыжи. Из них был сделан довольно тугий лук, который даже я мог натянуть с немалым трудом, а у Марика это поначалу не получалось вовсе. Но парень усиленно тренировался, и я предполагал, что вскоре вооруженные силы острова Хендерсон приобретут еще и лучника. Правда, до результатов было еще далеко, если не считать таковым потерю Мариком одной стрелы из тех

пяти, что ему сделал. Причем он и сам не мог сказать, как это его угораздило, ибо считать до столь запредельных величин, как пять, этот представитель полинезийского народа не умел. Стрел всегда было много, то есть больше двух, а когда и куда исчезла одна из них, он не имел понятия.

Кроме производства оружия, я занимался еще и проектированием первой яхты для себя, решив потренироваться на изготовлении совсем небольшой посудинки водоизмещением тонны в три-четыре. И начал с составления технического задания, причем даже тут обнаружились определенные трудности.

Пристать к острову можно было только на северном пляже, в остальных местах берега отвесно обрывались в воду. Но хоть сколько-нибудь защищенной бухты не было и там, то есть даже не при шторме, а всего лишь достаточно сильном волнении мое судно придется вытаскивать на берег. Однако пляж был очень мелким, в сорока метрах от берега вода доходила мне всего лишь до пояса. Отсюда ясно следовало, что килевая яхта для данных конкретных условий не годится. А на плоскодонке я наверняка перевернусь! В общем, мне ничего не оставалось, кроме как проектировать катамаран, чем я и начал потихоньку заниматься по вечерам.

В принципе со столь малым водоизмещением можно было попробовать сделать и швербот, но я не был уверен, что смогу правильно рассчитать его на устойчивость. И главное, эта маленькая посудинка должна по конструкции быть точной копией большой, тонн на тридцать – сорок, она и задумывалась в основном для тренировки. В таких же размерах про швербот лучше не думать – по крайней мере, судостроителю моей квалификации. Да и осадка у него все равно получится больше, чем у катамарана.

Вскоре проект был готов. Кораблик по нему имел смешанную конструкцию – металлический каркас из тонких профильных труб, но стрингеры дублировались сосновыми брусками, а шпангоуты – конструкциями из местного красного дерева. Обшивку я собирался делать трехслойной – сначала пальмовые доски, потом четырехмиллиметровая фанера, поверх нее – несколько слоев стеклоткани с эпоксидкой. Это я описал конструкцию каждой поплавок, а перемышку предполагалось сделать сварной стальной в виде пространственной фермы, причем даже без обшивки, чтобы волны в случае чего спокойно сквозь нее переклестывали. Ну, а на ней будет стоять маленькая кабинка.

Разумеется, для четырехтонного суденышка все это было совершенно избыточным, но я, как уже говорилось, проектировал его в основном как модель следующей, уже настоящей океанской яхты.

Понятное дело, этот катамаранчик должен иметь и паруса, и моторы. В качестве силовой установки я собирался сунуть туда генератор на пару-тройку киловатт и два электромотора в поправки, а мачта будет нести вооружение бермудского шлюпа, то есть грот и стаксель.

Вскоре проект был закончен, и начались подготовительные работы. Ханя с Тимом получили по блокноту с карандашами и задание составить реестр всех пальм, а особенно красных деревьев, произрастающих на острове. Им это было нетрудно, потому как они, будучи главными охотниками, и так регулярно пересекали Хендерсон из конца в конец.

Вскоре выяснилось, что в тех местах, откуда бревно будет нетрудно приволочь по суше, древесины на маленький катамаран хватит, а на большой – точно нет. Попробуйте-ка силами двух десятков человек, причем далеко не Гераклов, протащить бревно по сплошному кустарнику километров за пять! Там и пустым-то пройти не так просто. Значит, надо строить либо дороги, либо буксир для транспортировки плотов, и я выбрал второй вариант.

При первом заходе в интернет жаба сказала «ох, и ни хрена же себе...», но как-то неуверенно: она была уже достаточно деморализована моими предыдущими тратами. Ибо то, что меня устраивало, стоило двадцать восемь тысяч рублей и называлось надувным катамараном «Валдай-4». Некоторое время я с сомнением разглядывал фотографии, а потом вздохнул и пожурил свою земноводную подружку за излишнюю деликатность. Потому как

двадцать восемь тысяч – это полторы, а то и две недели работы в моей радиолaborатории, благо недостатка в заказах не ощущается. Неужели за вдвое меньшее время не выйдет собрать что-нибудь своими руками и из местных материалов? Да, деньги пока есть, но надолго их не хватит, если я начну покупать все подряд.

Вскоре на пляже развернулось строительство буксира. Туда были притащены четыре пальмовых ствола и связаны попарно. Под каждую пару я для увеличения плавучести укрепил по семь круглых двадцатипятилитровых бутылей из-под воды, коих на острове накопилось уже немало. Затем сварил раму из стального уголка, приспособил к ней пары бревен, и получился хоть и уродливый, но все же нормально держащийся на воде плот-катамаран. На раму я взгромоздил китайский четырехсильный движок для генераторов или мотоблоков, недавно купленный на распродаже за пять тысяч, и через редуктор один к двум присоединил к нему белый винт от «Нептуна». Все это заняло четыре дня, и еще день я плавал туда-сюда вдоль пляжа, выискивая недоделки и оперативно их устраняя. Вечером испытания закончились, плот был вытаскен на берег, где я прикрутил на крайнее правое бревно табличку с названием первенца своего морского флота – «Богатырь». А потом устроил праздник с кока-колой и конфетами для помогавших мне в строительстве.

Затем начались подготовительные работы по организации верфи, которую я решил устраивать не на пляже, а повыше, у края откоса. Все-таки только при мне пару раз волны расходились настолько, что перехлестывали весь пляж и разбивались о корни кустов, растущих пониже. Поэтому было выбрано место с не очень высоким и довольно пологим откосом, и аборигены приступили к выкорчевыванию кустов. Потом им были вручены ломы с лопатами, и началось выравнивание спуска на пляж. Моего участия тут почти не требовалось, и две недели, кои потребовались островитянам на земляные работы, я посвятил халтуре, за которую мне было обещано семьдесят пять тысяч. Требовалось создать довольно мощный разрядник на четыре киловольта. В принципе-то задача довольно тривиальная, но тут имелись два условия, из-за которых заказчик долго не мог найти исполнителя, пока ему не дали мой телефон. Разрядник должен был питаться от линии длиной три километра, причем сечение проводов было всего полтора квадрата, а температура в довольно тесном отсеке, куда его предстояло засунуть, составляла сто тридцать градусов. Нет, некоторые институты брались за эту задачу, но просили такие деньги, что бедному заказчику проще было сразу повеситься. Ну, а я, прикинув свой опыт в работе с высоковольтной аппаратурой и отдельно с элементами Пельтье, взялся. Главной задачей было сделать нормально работающий компактный преобразователь от тех самых четырех киловольт, и за две недели мне удалось запустить его в виде настольного макета.

Ну а когда место под верфь было готово, началась беготня. Управление «Богатырем» освоили две пожилые тетki, которые и до моего появления были на острове главными морячками, иногда удаляясь от берега на связке из трех бревен чуть ли не на триста метров, где можно было пытаться поймать более или менее крупную рыбу. Теперь они получили почти такое же судно, только побольше и с мотором. Они плыли к выбранному месту, куда я с несколькими помощниками добирался по берегу. Дальше ваш покорный слуга брал в руки бензопилу и начинал изображать из себя канадского лесоруба, а островитяне обтесывали сучки со стволов, а затем сталкивали их в воду. Тетки вязали бревна в плот и, когда их набиралось достаточно, брали курс на пляж. Я, соответственно, отдав бензопилу специально выделенному носильщику, пешком шел туда же.

До прибытия буксира с плотом мы успевали подкрепиться, а потом начиналась работа по подъему бревен на верфь, для чего мне пришлось приспособить электрическую лебедку.

Заготовка продолжалась четыре дня, и настала очередь работы на пилораме. Марик к этому времени уже освоил затаскивание бревен на рельсы, что у него получалось куда лучше стрельбы из лука, а еще двое толкали тележку с бензопилой. Я же наблюдал за процессом, по ходу дела мастера себе кушетку.

До сих пор меня вполне устраивал надувной матрас, но вскоре население острова

должно было увеличиться еще на одну единицу, которой данная кушетка была совершенно необходима, – а где же еще прятаться, если не под ней, в самом дальнем углу?

Ханя уже успела спросить, чем это таким интересным я занимаюсь, и услышала ответ, что скоро на острове появится зверь.

Аборигены никогда не видели четвероногих: на Хендерсоне не водилось даже ящериц. Правда, их далекие предки на Мангареве имели дело с какими-то зверьками, но до нынешних островитян это дошло только в виде смутных легенд. Поэтому Ханя была очень заинтригована – на что похож этот самый зверь, очень ли он страшный, что он умеет делать и зачем, вообще говоря, нужен? Способен ли он охотиться?

Я объяснил, что охотиться он, разумеется, может, но его главное предназначение вовсе не в этом. Зверь, именуемый «кошка», приносит в дом счастье – вот для чего он нужен.

Ханя задумалась, а потом неуверенно спросила:

– Он принесет счастье только в твой дом или на весь остров?

– А это уже будет зависеть от вашего поведения, – хмыкнул я.

После чего девочка убежала – наверное, поделиться с соплеменниками сногшибательной новостью.

Глава 8

Разведясь с супругой, я жил совсем один только год, а потом приобрел кошку. Получилось это как-то случайно – мать монтажника из нашей лаборатории занималась разведением упомянутых животных, и вот когда я при нем невзначай обмолвился, что подумываю о котенке, он клещом вцепился в меня и не отстал, пока не добился своего.

Парень долго расписывал мне преимущества мейнкунов. Мол, это самая крупная порода, кошки умные, чистоплотные и очень привязываются к хозяину. Недаром хороший котенок стоит тридцать тысяч!

Услышав эту цифру, я чуть не послал его без всякой подсказки от жабы, но лаборант быстро сориентировался и уточнил, что за предлагаемого котенка его мать просит всего семь тысяч. В общем, я дал себя уговорить, и вскоре мы условились, что за пять штук вместе с доставкой на дом и контейнером, в коем она будет произведена, я стану владельцем элитной кошки со всеми документами.

Документы действительно были, причем даже с фотографией, и кошка тоже была, как и обещалось, с кисточками на ушах. А вот дальше...

Первое подозрение у меня возникло, когда парень, вручив мне пластиковую клетку с кошкой и получив деньги, тут же сбежал, даже не вытащив ее наружу. Я попытался сам извлечь животное, но не преуспел. Кошка забилась в самый угол контейнера и, сжавшись там в комок, смотрела на меня полными ужаса глазами, а когда я протянул было руку, с ней случилась натуральная истерика. Пожав плечами, я сунул контейнер под кровать, решив, что со временем кошка успокоится и сама выйдет оттуда.

Это случилось только на четвертые сутки, когда ночью, думая, что я сплю, оголодавшее животное вылезло к кормушке. И опрометью бросилось под кровать, стоило мне пошевелиться.

Только через пару месяцев кошка перестала меня шугаться. А еще через месяц ее поведение резко изменилось. Я уже понял, что она боится всего на свете, но тут вдруг животное почему-то решило, что я и есть тот самый, кто защитит ее от всех превратностей и невзгод. Киса ходила за мной хвостом, стараясь не отставать больше, чем на полтора метра. Когда я уходил на работу, она провожала меня до двери, причем с такой мордой, что мне было совестно бросать в одиночестве столь беззащитное существо.

Но всех остальных людей кошка продолжала бояться ничуть не меньше, чем в первый день меня. Что создавало определенные неудобства.

Естественно, время от времени меня посещали девушки и прочие дамы. При этом кошка забивалась в свое убежище и тихонько подвывала там от ужаса. Не могло быть и речи

о том, чтобы заниматься делом на своей кровати! Приходилось идти в маленькую комнату, которая когда-то была отцовским кабинетом, а потом там жила супруга, и довольствоваться узенькой тахтой.

После каждого визита кошка несколько дней не могла прийти в себя, и я уже начинал задумываться, что тут можно сделать. И, наконец, недавно принял решение переселить ее на остров. В мой дом тут никто не заходит, здешние существа немужского пола меня как женщины не интересуют, так что кошке будет обеспечен сравнительный покой. Ну, а потом, может быть, со временем животное и освоится. Кругом же кустики, трава, всякие пальмы и прочие красоты тропической природы. А этаж – первый, а не девятый. Глядишь, со временем хвостатая осмелеет настолько, что выйдет на улицу.

Вообще-то по документам ее звали Эвелина, но я не понимал, зачем нужно имя одной-единственной кошке. Вот если бы у меня их было десятка полтора, тогда да, без имен не обойдешься. А так моя кошка была просто кошкой. Или, когда вела себя особенно хорошо, кисой. Ее это вполне устраивало.

Вопреки моим опасениям кошка нормально перенесла переселение на остров. Первым делом она убедилась, что здесь есть почти такое же место под кроватью и с теми же самыми тряпками. Потом, непрерывно оглядываясь – не исчез ли я куда-нибудь, – разведала расположение мисок для корма, воды и лотка-туалета. Первое время он будет стоять в моей спальне, потом я вынесу его в прихожую, а когда-нибудь кошка поймет, что на природе можно обходиться и без него.

Следующим утром я с кошкой на руках вышел на крыльцо. Ханя с Тимом сидели в кустах метрах в двадцати, а остальные еще дальше, я их специально предупредил. Киса вела себя пристойно – хоть вокруг все совершенно незнакомое и непривычное, но она же у меня на руках! Так что особо беспокоиться незачем. Более того, она почти сразу ощутила близкое присутствие молодых людей, но, оценив обстановку, то есть на всякий случай оглянувшись на меня, раскрыла пасть и зашипела. В кустах послышался треск – это Ханя, не выдержав ужасного зрелища, сбежала. Кошка же от удивления так и осталась с открытым ртом. Как же так, совершенно откровенно недоумевала она, ведь это я всех боюсь! Ситуация, когда, наоборот, кто-то испугался ее, была для кисы абсолютно непривычной.

Вообще-то в этот день я собирался начать постройку катамарана, но недолгое созерцание кошки привело островитян в абсолютно неработоспособное состояние. Они только и могли, что рассказывать друг другу подробности увиденного и делиться предположениями о том, что же теперь будет. О чем тут говорить, если Ханя с Тимом даже не пошли на охоту! В результате я два дня возился в своей лаборатории с макетом преобразователя, пока мои подручные приходили в себя.

Постройка началась со сварки десяти шпангоутов – по пять на каждый поплавок. Они имели довольно простую форму – трапеция плюс треугольник, а первые были просто треугольниками. Затем я изогнул две пары пятиметровых отрезков тонкостенной квадратной трубы двадцать на двадцать, прихватил концы сваркой и вставил между ними шпангоуты вершинами треугольников вверх. При помощи лазерной рулетки где-то за час подправил геометрию, после чего приварил шпангоуты уже как следует. Следующим этапом была установка килевых балок. Их я согнул по месту из прямоугольника двадцать на сорок и тоже приварил. Наконец, по углам перехода трапеций в треугольники были пущены еще два стрингера в каждом корпусе, и на этом сварные работы с поплавками закончились. Снабжать их деревянным каркасом и обшивкой предполагалось по отдельности, и только потом они будут скреплены рамой.

На первом этапе аборигены только иногда придерживали железяки, но, когда дело дошло до столярных работ, взялись за дело уже всерьез. Все-таки при постройке дома Тим набрался немалого опыта и теперь командовал бригадой из пяти человек, а я только раздавал руководящие указания.

Трудились островитяне с энтузиазмом, потому как хорошо понимали, сколько пользы

им принесет этот корабль. Ведь даже убогий «Богатырь», который теперь использовался как рыболовецкое судно, поднял уловы в разы! А на этом фантастическом корабле, как я заранее пообещал, можно будет сплавить к атоллу Оэно в двухстах пятидесяти километрах от Хендерсона, где еще встречаются гигантские черепахи. Что это за звери, точно знал только Тапу, ибо последняя заплывла на Хендерсон лет сорок назад и была немедленно съедена, воспоминаниями о коем событии вождь неоднократно делился с соплеменниками. Так что мне даже не пришлось обещать никаких особых подарков за участие в постройке катамарана.

Пока островитяне столярничали на верфи, я начал постройку сарайчика на стальном каркасе. Совсем небольшого, где-то метр на два на два, но очень прочного и по возможности герметичного, под оружейную комнату. Сейчас переходы производились в основном через гараж, и разница давлений не очень мешала, но в квартире она была больше и причиняла более серьезные неудобства, вплоть до невозможности открытия полноценного перехода. Пока я таскал туда доски и железяки, это меня устраивало, но в связи с приобретением ружья ситуация усложнилась. Не оставлять же его на Хендерсоне! Но и в гараже ему не место, потому как участковый просто обязан был зайти ко мне и проверить, как я храню купленный ствол. Вот я и строил оружейную комнату, в которой будет храниться «сайга». При открытии перехода в нее давления быстро выравниваются, и теперь я смогу в любой момент ходить из квартиры на остров и обратно. Например, явится ко мне вышеупомянутый участковый. Увидев его в глазок, я крикну «минутку, вот только штаны надену», быстренько смотаюсь в оружейку, суну «сайгу» в сейф и с чувством исполненного долга пойду открывать дверь. Вроде мелочь, но из таких мелочей и складывается общая безопасность, к пренебрежению которой у меня никогда не было ни малейшей склонности.

Постройка оружейного сарайчика заняла три дня, а с катамараном пришлось провозиться еще две с чем-то недели. За это время кошка вполне освоилась на новом месте. Она быстро уяснила, что в дом захожу только я, а остальные вообще не подходят к нему ближе, чем на десять метров. И теперь, когда я отправлялся на верфь, которая располагалась метрах в тридцати от дома, киса устраивалась на крыльце и часами внимательно наблюдала, чем это я там занимаюсь. Если же кто-то из островитян случайно оказывался между ней и мной, кошка вскакивала, выгибала спину и издавала вопль.

Вообще-то когда монтажник только уговаривал меня на покупку данного животного, он утверждал, что мейн-куны отличаются тихим и мелодичным голосом. Правда, насчет мелодичности я усомнился почти сразу, но в Москве кошка действительно мявкала довольно тихо. Однако на острове, видимо, решила, что стесняться больше не надо, так что вопли получались весьма впечатляющими.

Взмякнув на всю округу раз-другой, киса опрометью исчезала в доме, но аборигены, как правило, этого не видели, потому как спешили побыстрее покинуть место, где их нахождение столь не нравилось приносящему счастье зверю.

По утрам же кошка требовала, чтобы я с ней гулял. Ей было очень интересно, что находится вокруг дома, но без меня она не отходила дальше метра от крыльца. А в моей компании не боялась даже пройти на верфь, если там никого не было.

Вскоре она начала как-то различать островитян. Сначала киса явно выделила Ханю и даже позволила себя погладить, к чему девочка готовилась больше суток, ибо ей было очень страшно. А потом, что удивительно, сразу признала шамана Камира. Не факт, что и ему было позволено погладить кошку, но, по крайней мере, она не убегала и не лезла ко мне на руки при его появлении. А вот Марик, например, вызывал у нее резко отрицательные эмоции, и вождь Тапу тоже. Поначалу я предположил: это оттого, что они ее ну совершенно не боятся, но потом сообразил, что и шаман вроде не выказывает никакого страха...

Однако катамаран был уже почти готов, и мне стало не до прояснения тонкостей кошачьей психологии.

На воду был спущен уже практически готовый корабль, что при его весе около

полутонна оказалось нетрудно – ведь верфь стояла у самого берега, да еще на возвышении. Так что его подтолкнули при помощи двух ломов, и дальше я просто отпускал трос лебедкой, а катамаран потихоньку спускался на двух эрзац-тележках по деревянным рельсам. У самой воды его пришлось вновь толкать. Наверное, катамаран вполне можно было спихнуть в воду без всяких хитростей, но, как я уже говорил, он был ценен не столько сам по себе, сколько как тренировочный объект перед постройкой чего-нибудь посерьезнее. И, наконец, впервые за несколько сот лет у острова Хендерсон появилось океанское судно, причем более совершенное, чем те, что когда-то приплывали сюда с Мангаревы.

Островитяне ждали, что сразу после праздника в честь окончания строительства этот чудо-корабль куда-нибудь поплывет – например, на Оэно за черепахами. Но тут их, понятное дело, ждал облом. Потому что свежестроенную яхту для начала нужно было как следует испытать. Пока я мог сказать только то, что поплавки абсолютно не протекают, но для хоть сколько-нибудь серьезного плавания этого мало. Следовало хоть как-то научиться управлять своим судном, потом подготовить экипаж, а параллельно с подготовкой провести хотя бы предварительные испытания с устранением выявленных недостатков.

В общем, аборигенам было сказано, что спешка нужна только при ловле блох. Кто это такие, островитяне не знали, поэтому мой довод произвел на них должное впечатление, и работы по доводке катамарана пошли своим чередом.

Мое детище имело в длину чуть меньше пяти метров без бушприта или шесть с половиной с ним. Стандартное водоизмещение составляло три тонны, полное – четыре с половиной, а предельное, при котором поплавки погрузились бы в воду полностью, – шесть. Его корпуса состояли из пяти водонепроницаемых отсеков каждый, причем они были обшиты изнутри толстым пенопластом с таким расчетом, чтобы корабль с тонной груза на борту не тонул даже при полном затоплении всех отсеков в обоих корпусах.

Для начала я целый день плавал вдоль пляжа без парусов, используя только моторы. Быстро выяснилось, что корабль заметно тянет влево. Что-то подобное я предполагал еще при проектировании, поэтому на рулях были предусмотрены триммеры. Часа за три мне удалось их настроить, и на следующий день можно было пытаться поставить паруса, но эти планы мне обломал шаман.

На острове имелось три человека, умевших предсказывать погоду, – две тетки, которые теперь составляли экипаж «Богатыря», и шаман. Причем Камир-ау как метеоролог пользовался заметно большим авторитетом. На моей памяти старшая из морячек, Тонга, ошиблась с предсказаниями дважды, а Камир-ау – ни разу.

Так вот, вечером первого дня испытаний он пришел ко мне и сказал, что ночью начнется сильный ветер, который к утру вполне может перерасти в шторм. Причин не доверять предсказанию у меня не было, так что островитяне вытащили катамаран на берег и закрепили его в месте, куда волны не докатывались даже при самых сильных штормах.

Я же решил использовать образовавшуюся паузу для выполнения своего обещания сделать Хане барабанную винтовку, но перед этим произвел два административных действия.

Первое состояло в присвоении катамарану имени – «Аврора». Именно его я выбрал потому, что собирался вскоре соорудить на носу нечто вроде пушки. А вторым пунктом Тонга, активно помогавшая мне и в постройке, и при испытаниях, была торжественно произведена в старшие помощники капитана с вручением форменной одежды, то есть бюстгальтера. Ибо постоянное созерцание ее болтающихся как спаниэльские уши сисек мне изрядно надоело – больно уж это было неэстетичное зрелище.

Глава 9

Я сидел в своей механической мастерской, а вокруг завывало. За окном это делал ветер: штормило уже второй день. Рядом же ветру вторил токарный станок.

– Подачу, подачу поменьше! И обороты немного убавь, – посоветовал я ученику, когда

он закончил очередной проход. – Видишь, какие задиры получаются?

– Да, Ник-ау, я видеть, – согласился парень.

Он был братом Хани по имени Поли-пото, а теперь с немалым удовольствием стал Полем, потому как его имя на мангареванском означало что-то вроде «маленький уродец». Кому такое понравится, хоть оно даже имеет какое-то отношение к истине?

Когда я увидел его впервые, то решил, что он младший брат. При том, что Ханя тогда была мелкой, тощей пигалицей, он казался еще мельче. И к тому же сильно хромал. Но потом оказалось, что он старше моей первой знакомой с острова почти на три года, то есть сейчас ему было около восемнадцати.

Насколько мне удалось вникнуть в его невеселую биографию, он от рождения был мелковат, а года в три провалился в расселину и сломал ногу, которая потом срослась неправильно. Так что бегать он не мог вовсе, да и ходил довольно неловко. В результате чего еды ему доставалось меньше, чем если бы он оставался здоровым, а это привело к замедлению и без того не очень интенсивного роста.

Однако, как это часто бывает, недостаток подвижности у парня компенсировался умелыми руками. Правда, на острове до моего появления их было почти некуда приложить, но все же крючки и скребки, которые Поль делал из местных ракушек, пользовались заслуженной популярностью.

Быстро выяснилось, что у Ханиного брата не только руки растут откуда надо, но и с мозгами все в порядке, и недавно он был официально взят в ученики. Недавно – это потому, что ему не очень давался русский язык: например, тонкостей спряжения глаголов он так и не освоил. Но зато общение с техникой у него начало получаться почти сразу.

Сейчас он принимал посильное участие в изготовлении винтовки для сестры, то есть пытался выточить затвор. Ну что же, еще пара итераций – и у него, пожалуй, получится, подумал я, глядя на результаты его третьей попытки. У меня на уроках труда в школе первое время получалось даже хуже. Правда, тот станок сильно отличался от моего здешнего «Энкора», и не в лучшую сторону.

Конструктивно мое новое изделие задумывалось как образец здорового примитивизма. Мысль скопировать механизм «глетчера» у меня даже не возникала – больно уж до фига там было всяких мелких, сложных и нежных деталек. Кроме того, выяснилось, что при всех достоинствах этот револьвер боится грязи и вообще требует аккуратного обращения в отличие от того же нагана, который я до сих пор вообще ни разу не чистил, хотя пару раз уже ронял в песок. Но дубовое изделие ижевских оружейников было выше подобных мелочей, и у меня родилась мысль сделать столь же неприхотливый механизм, только еще проще.

Рамку я уже отфрезеровал, отверстия в ней просверлил и сейчас вставлял в нее ствольную коробку с одной стороны и трубу, в которой будет ходить затвор, с другой. Ствол будет фиксироваться в коробке цанговым зажимом, то есть при случае его окажется нетрудно заменить. Затвор – продольно скользящий поворотный, причем его боевые выступы входили в зацепление не со стволом, а с трубой, в которой он будет перемещаться.

Кинематика барабана напоминала нагановскую, только продольный ход у меня был раза в два больше. Это позволило обеспечить обтюрацию не дульцем гильзы, а заходом цековки барабана на проточку ствола. Кроме обтюрации, подобное решение обеспечивало почти идеальную центровку.

Сам же поворот барабана я предполагал осуществлять вручную. То есть для выстрела нужно будет двинуть затворный рычаг вверх-назад, провернуть барабан, вернуть затвор на место и нажимать спусковой крючок. На одно движение больше, чем у трехлинейки, но зато в моей винтовке и ход рычага, и его усилие будут значительно меньше. Кроме того, подобная конструкция выглядела очень простой даже на фоне мосинки. А где простота, там и надежность – если, разумеется, в процессе конструирования не допустить грубых ляпов.

Убедившись, что Поль, по крайней мере, начал четвертую попытку правильно, я ненадолго прервался и зашел в спальню – посмотреть, как там кошка относится к нарушению ее территориальных прав. Ибо до этого ни один абориген в мой дом не заходил.

Киса восприняла появление гостя в мастерской сравнительно спокойно. Сама она была в правом крыле дома, где располагались мастерские, только раз, и ей там не понравилось. Наверное, пахло неправильно, да и острые металлические стружки тоже не вызвали восторга, так что нашей с ней территорией она считала только спальню и кухню.

Я насыпал хвостатой корма, добавил туда три таблетки витаминов и положил маленькую рыбку, уже не первый раз. Поначалу киса очень удивлялась – зачем подкладывать к еде эту дрянь? Ее же оттуда неудобно выцарапывать. Но потихоньку у кошки, кажется, появлялись мысли, что добавка тоже съедобна, несмотря на странный вид и запах. Сегодня, например, она попыталась погрызть вытащенную из миски рыбку, но быстро бросила это занятие и захрустела сухим кормом. Что мне казалось неправильным: ведь океан рядом, а в нем полно свежайшей рыбы! К чему жрать какую-то кашекоподобную субстанцию, да к тому же с названием «Роял Конин»? Давай, кошка, привыкай к натуральной пище – у тебя теперь начинается здоровая жизнь на экологически чистой природе. Бери пример с меня – год уже не пробовал доширака, и ничего, даже не похудел. Сегодня, например, на обед будет уха из каких-то рыбин, похожих на скумбрию, но побольше. За день до шторма их сумел наловить экипаж «Богатыря», потом Ханя сварила уху, а я ее третий день ел, благо на кухне уже четвертый месяц стоял небольшой автомобильный холодильник.

Мой дом имел две электросети – двести двадцать вольт и двенадцать. Первая появлялась только при запуске стоящего в прихожей генератора и шла в обе мастерские. Вторая была всегда, от нее питалось освещение на светодиодах и ноутбук. Она шла от аккумуляторов, которые подзаряжались от ветряка на мачте рядом с домом. Сейчас мачта скрипела, вибрировала, но нормально выдерживала напор ветра. Ветряк крутился как самолетный пропеллер, однако я особо не волновался – все-таки это был не первый шторм за время моего жития на острове. Пусть себе вертится, тем более что до шторма случилось несколько совсем безветренных дней, и аккумуляторы малость подсели.

Но, пожалуй, пора проводить Поля.

Проходя через кухню, я разжег примус и поставил греться уху – ведь независимо от достижений моего ученика время подходило к обеду. Хорошо бы хоть в этот раз у него получилось, а то ведь наливать полную миску за очередную запоротую заготовку будет как-то не очень педагогично. Налить же неполную не поднимется рука: больно уж он тощий.

Буря с небольшими перерывами на просто сильный ветер продолжалась три дня, за которые мы с Полем сумели-таки закончить винтовку. Она получилась легкой и довольно удобной, даже ручной поворот барабана не доставлял практически никаких неудобств. Оказалось, что затворный рычаг можно прихватывать и мизинцем, при этом указательный палец тем же движением руки легко проворачивал барабан. Я пощелкал механизмом – без особого труда получается один выстрел в секунду. Значит, винтовку можно зажимать в тиски, где из нее дистанционно будет расстрелян один барабан. Потом – осмотр, и, если он не выявит криминала, можно будет звать давно не находящую себе места от нетерпения Ханю. «Глетчер» же перейдет Полю, потому что «кастрата» парень уже более или менее освоил.

Через неделю мы с Ханей, Полем и Тимом сидели в небольшой беседке у самого обрыва, любовались закатом и пили чай. Только что закончился обильный ужин из дичи, набитой нашей охотницей из своей новой винтовки, от которой она была в совершенном восторге. Кажется, девочка даже спала в обнимку с этой железякой. Тим, конечно, завидовал, но не очень сильно, потому как его «крыс» тоже был весьма неплох, хоть и не отличался такой скорострельностью. Поль же никому не завидовал вовсе, ибо охотиться он все равно

не мог. Для него «глетчер» был просто очень интересным устройством, из которого еще следовало побыстрее научиться попадать в мишень.

Солнце садилось в океан, а это довольно красивое зрелище. Возможно, именно оно настроило моих гостей на философский лад.

– Теперь у нашего народа все будет хорошо, – мечтательно начала Ханя. – Ты, Ник-ау, пришел с неба и дал племени пищу, воду и множество полезных вещей. Наверное, скоро твой зверь признает нас, как тебя, и принесет на остров счастье. Все станут здоровыми и сытыми, никто не будет болеть. У нас с Тимом родится много детей, и все они вырастут, не зная, что такое один глоток невкусной воды в день и две небольших рыбы на все племя. Они вырастут, поженятся с детьми Марика и Тиумы-оо, и родится много новых маленьких. Эти тоже будут жить долго и счастливо, а потом...

Тут Ханя начала с задумчивым видом загибать пальцы. Кажется, она хотела сосчитать, сколько же народу тогда будет жить на острове.

Мне стало немного не по себе. Ведь в отличие от девочки я уже успел все и обдумать, и просчитать.

При той технике, что я сюда натащил, остров сможет прокормить человек пятьсот, не больше. И если не случится ничего непредвиденного, к концу моей жизни численность аборигенов как раз и достигнет тех самых пяти сотен. А что потом?

А потом возможны всего три варианта, и даже не скажешь, какой из них хуже. Первый – все происходит потихоньку. Моя техника единица за единицей выходит из строя. Кончается бензин, и станки становятся просто кусками металла. Пилы, ножи и лопаты тупятся, стираются, ржавеют да и просто теряются, новых же взять негде. Пруд высыхает, пленка, на которую можно собирать росу, стареет и рвется. И, значит, остров уже не сможет прокормить пятьсот человек. Начнутся болезни, голод, и численность населения быстро поползет вниз, в конце концов остановившись на цифре ноль.

Но вряд ли все кончится именно так, потому как есть и более вероятные варианты. Например, второй – война за обладание моим наследством. Результат будет тем же самым, только наступит куда быстрее. Но даже если удастся избежать свары за ценности и ресурсы, это будет означать всего лишь вариант под номером три. На остров приплывут европейцы, которым очень понравятся оставшиеся от меня вещи. Никакого хоть сколько-нибудь серьезного сопротивления аборигены оказать не смогут, и значит, предсказать их судьбу не составит особого труда.

Поначалу это казалось нормальным – ведь, как ни крути, а я дам людям несколько десятилетий нормальной и счастливой жизни! Без меня племя вымерло бы гораздо раньше. Разве этого мало?

Но теперь я смотрел на своих молодых друзей и думал: да, очень мало. Потому что все мной перечисленное бессмысленно, если нет надежды на будущее. И как быть?

Наверное, я все-таки незаметно для себя был готов к тому решению, которое принял тем вечером. А тогда, помолчав, просто описал молодым людям все три варианта, не пытаясь ни сгустить, ни разбавить краски.

В беседе повисло тяжелое молчание, вскоре нарушившееся тихими всхлипываниями Хани. Тим тоже сидел с совершенно потерянным видом, и только Поль о чем-то напряженно размышлял. Наконец он выдал результат:

– Ник-ау уметь строить корабль из наши деревья. Мы тоже скоро уметь. Надо строить корабли и плыть в океан, найти новая земля.

Я, разумеется, тоже думал об этом, поэтому давно выяснил, что ближайшие пригодные для жизни и развития необитаемые острова находятся в Бассовом проливе, и до них порядка семи тысяч километров. Причем их откроют только в начале девятнадцатого века, то есть у потомков моих островитян будет достаточно времени. Правда, неясно, поможет ли им это. Потому как уже были примеры, что станет с изолированным племенем в тех местах после визита европейцев. Например, неподалеку от Новой Зеландии есть остров Чатем. Абсолютно

ничем не интересный клочок земли, на котором жило племя мориори. Остров был открыт в начале девятнадцатого века, а в его конце мориори исчезли.

То есть аборигенам мало найти необитаемый остров. Им еще придется за оставшиеся сколько-то там сот лет развиваться до такого уровня, чтобы отразить все поползновения явившихся к ним европейцев. Возможно ли это, и если да, то что надо делать для достижения подобного результата, я не знал, но зато почти точно мог сказать, с чего следует начинать.

Существование маленьким изолированным анклавом, в котором жизнь каждого человека имеет большое значение для всего племени, привело к полному исчезновению не только воинственности, но даже агрессивности. Островитяне не могли себе представить, что человеку, например, для большего убеждения можно дать в морду! Чего уж тут говорить про убийство – сама возможность такого деяния была за гранью их понимания. И значит, если племя хочет выжить, ему надо в ближайшее же время начинать расставаться с пережитками прошлого. Я, пожалуй, помогу, но перед этим не помешает заручиться их согласием, в силу чего молодым людям было объявлено:

– Поль, ты сказал правильно. Но рядом нет земли, где можно поселиться. Придется строить большой корабль, но это еще полдела. Для того чтобы выжить на новом месте, вам придется очень много сделать, и это будет необычайно трудно. Готово ли племя к такому? Узнайте и сообщите мне.

– Но ведь до Мангаревы всего пять дней пути! – очнулся Тим.

– «Аврора» пройдет его за два, и скоро мы с вами туда сплавим. Но я очень сильно сомневаюсь, что племя сможет переселиться на этот остров.

– О, Ник-ау поведет нас на Мангареву! – воскликнула Ханя. Слезы у нее уже высохли, она опять была полна надежд. – Мы увидим наших братьев!

Да, хмуро подумал я. И они тоже вас увидят. После чего перехватят копьё поудобнее, прикинут дистанцию и метнут, причем наверняка попадут. Они же воюют друг с другом уже как минимум сто лет, и выжили только те, кто хорошо обращается с оружием. И, главное, не задумывается перед тем, как пустить его в ход. Как там было у Высоцкого? «Кому-то под руку попался каменюка. Метнул, гадюка, – и нету Кука».

Глава 10

Итак, если кто не понял, я принял решение помочь островитянам перебраться куда-нибудь, где они потом смогут хоть сколько-нибудь нормально жить и без меня. То есть к будущему месту обитания предъявлялись следующие требования:

– оно должно иметь достаточную площадь, чтобы как минимум в ближайшие сто лет не возникал вопрос о перенаселении;

– его открытие европейцами должно состояться как можно позже;

– и, наконец, оно должно быть необитаемым. Ну, или почти таким.

В общем, никакого особого выбора не имелось – всем трем параметрам удовлетворял только Бассов пролив с двумя большими и сколькими-то там мелкими островами, причем все это было расположено рядом. Если будет желание и возможность, то переселенцы потом смогут колонизировать Тасманию или Австралию, но это уже без меня.

У выбранного места имелось и еще одно немаловажное преимущество – именно для меня.

Итак, помогу я островитянам переселиться, потом освоиться. И тогда можно будет с чистой совестью строить новую резиденцию у океана, потому как эта останется на Хендерсоне. Не жалко, на ее возведение потребовалось не так много труда, и новая наверняка получится куда лучше. Так вот, для этой цели в выбранном месте имелся просто идеальный мини-архипелаг из трех небольших островков – Дил, Давер и Эрис. Никакого сравнения с этой каменистой плешью, покрытой кривыми кустами, то есть Хендерсоном!

Самым большим островом являлся Дил, похожий на обгрызенный гусеницами кленовый лист. С запада на восток он простирался на четыре километра, а с севера на юг

примерно на пять с половиной. С северо-западной стороны Дила располагались Давер и Эрис, клочки земли в несколько раз меньшей площади. От большого острова их отделял пролив шириной около километра, причем из-за извилистой береговой линии трех островов он образовывал закрытую со всех направлений бухту на Диле. Острова были вулканические, с горами высотой до двухсот метров, и по крайней мере на Диле точно имелась пресная вода. Да и вообще виды там, судя по фотографиям, даже в двадцать первом веке были просто замечательными. Что уж говорить про этот мир, где век не то пятнадцатый, не то шестнадцатый? Или самое-самое начало семнадцатого.

Наверняка из принятого решения будет вытекать много следствий, подумалось мне, но одно просматривается прямо сейчас. Оно состоит в том, что сельскохозяйственную программу, будь она трижды неладна, теперь можно со спокойной совестью сворачивать. А то я даже начал припоминать рассказы отца о том, как в советское время чем-то проштрафившихся партийных бонз бросали на сельское хозяйство.

Нет, начиналось все очень неплохо. Как-то раз я проходил мимо тетки, недалеко от метро с лотка торгующей семенами, и недолго думая купил по одному экземпляру каждого пакетика.

Первый звоночек о том, что в этом деле, как и во всяком другом, надо хоть немного разбираться, прежде чем что-то начинать, прозвучал дома, когда я рассмотрел покупки. Как оказалось, примерно половина пакетиков содержала семена цветов, то есть растений, в данных обстоятельствах совершенно бесполезных. Но зато по непонятной причине там не оказалось не только винограда, но даже подсолнухов! А ведь мне почему-то в основном хотелось разводить именно эти растения.

Решив, что сдаваться рано, я пошел в магазин и купил две веточки винограда с косточками и пакет семечек. Но, блин, они оказались жареными. Зато виноград я слопал, а дальше поступил строго по инструкции, в качестве которой использовал довольно известную песню Окуджавы. Помните – «Виноградную косточку в теплую землю зарю...»? Вот я их и зарыл одним прекрасным вечером, когда земля теплее всего. Правда, Булат Шалвович почему-то не дал указаний о глубине, но косточек у меня было много, и я проковырял в известняке дырки глубиной от одного до двадцати сантиметров, не поленившись записать, где какая.

Думаете, появился хоть один росток, ну просто ради прикола? Фигушки. Единственным культурным растением, хоть как-то прижившимся на Хендерсоне, оказался горох, да и то его требовалось регулярно поливать. Правда, аборигены пришли от него в полный восторг и ели не только собственно сами горошины, но и стручки, и молодые побеги, в конце концов подъедая каждое растение практически до корней.

Впрочем, островитяне, неоднократно получая от меня картошку, сами догадались, особенно когда некоторые клубни начали пускать ростки, что ее можно посадить. Как потом выяснилось, у их далеких предков на Мангареве было похожее растение, только сладкое и с существенно меньшими клубнями. Более того, одно время его выращивали и на Хендерсоне, но какая-то по счету сильная засуха поставила на этом деле крест.

В общем, вокруг картофельного поля все племя прыгало полгода, в результате получив порядка пятнадцати килограммов, то есть на один хороший обед. Второй урожай был еще меньше, так что про экономическую эффективность сельского хозяйства говорить не приходилось.

Правда, одна культура замечательно прижилась на острове и полностью оправдала возложенные на нее надежды. Называлась она «Волшебный лес» и представляла собой корм для волнистых попугайчиков, я как-то купил Хане с Тимом пару коробок. Там было много всяких разных зерен, и молодежь просто засеяла ими несколько участков на острове, а потом иногда поливала. К моему удивлению, там даже что-то взошло, причем как минимум трех разновидностей. Вряд ли оно было съедобным, но зато теперь за голубями не приходилось бегать по всему Хендерсону: они сами прилетали на «поля», а вскоре из заранее оборудованного укрытия начинали раздаваться негромкие хлопки «крысов». Поначалу у

меня даже появилась мысль придумать какую-нибудь ловушку типа силков, но потом пришло понимание, что это глупость. Ведь задача охоты – не столько добыть дичь для племени, сколько научиться стрелять! Мяса я им сам могу купить, не разорюсь. Но мастерства в стрельбе от этого не прибавится. Так что пусть молодежь побегает или посидит в засадах, оттачивая свое мастерство. Потому как если мы собираемся куда-то переселяться, то делать это надо в хорошо вооруженном и по возможности боеготовом состоянии.

Отсюда следовало, что всякие хлебобобовые и животноводческие инициативы пора сворачивать до момента освоения на новом месте. И хорошо, а то я уже с немалой опаской начал посматривать в интернете, что такое коза. И чем она, например, лучше свиньи или там курицы для данных условий. Скажем прямо, прилива энтузиазма пока не наблюдалось, скорее, наоборот.

И вот, значит, я с облегчением вернулся к отложенным оружейным вопросам. Пора было решать, на что делать ставку. Вариантов же имелось ровно два, ну и, наверное, какие-то комбинации из них.

Первый – не заморачиваясь просто купить нормальные стволы там, где они продаются. В тех же Штатах, например, в которых, по единодушным уверениям наших законодателей, у народа есть врожденная культура обращения со стволами, в силу чего их можно пустить в свободную продажу. В отличие от России, где, наоборот, имеет место исключительно врожденное бескультурье – вот такой уж народ им, несчастным, достался. Ну не говорить же, что на самом деле они этого народа боятся даже безоружного и отлично понимают, сколько приятного он им сможет поведать, получив в руки такое общепризнанное средство убеждения, как револьвер.

Средств на поездку в Америку хватит, хоть это и не такое уж дешевое удовольствие. Более того, меня туда даже приглашали – один мой одноклассник давно осел в Солт-Лейк-Сити, и мы с ним иногда переписывались по электронной почте.

Такой путь хорош тем, что оружие будет качественным. Но его окажется немного. И когда-нибудь оно выйдет из строя. Или, например, патроны кончатся.

Второй путь – научить островитян производить что-то самостоятельно. Да, тут получится отнюдь не «ремингтон», и даже не мосинская винтовка. Но все равно оно будет много эффективнее здешних аркебузов и мушкетов! А перед тем как учить аборигенов, желательно научиться оружейному ремеслу самому, и как следует.

Итак, подвел я итоги своих раздумий, в качестве основного принимаю второй вариант. И значит, надо в ближайшее время смотаться на строительный рынок. Где прикупить патронов, причем не таких, как у меня сейчас, калибра 5,6, а 6,8x18: они мощнее. После чего начинать думать, что именно можно на этой основе создать.

По дороге на рынок я прикидывал, для чего они мне могут понадобиться. Потому как забыл посмотреть, как называется монтажный пистолет под них, да и мало ли, вдруг конкретно этих не будет, а будут какие-нибудь другие аналогичной мощности? Мне ведь нужно энергию побольше, вот и все.

Разумеется, услышав такое пожелание, продавец вряд ли тут же потянется к телефону с целью заложить странного покупателя. Но все-таки мало ли, а вдруг запомнит? Как-то меня это не очень вдохновляло.

Значит, зачем человеку, не имеющему дачи у океана, понадобились монтажные патроны? Ясное дело, чтобы забить гвоздь в бетон. Зачем именно мощные? Чтобы забить большой гвоздь, и поглубже. А самые мощные из существующих нужны, чтобы заколотить просто огромный гвоздь, и очень глубоко. Значит, я собираюсь что-то куда-то заколачивать.

Тут мне вспомнилась дача. Но не та, что на Хендерсоне, а участок с бытовкой неподалеку от райцентра Пруды. Я ведь начал строить там изгородь и даже вбил в землю две трубы, на которых потом собирался повесить ворота. Впрочем, энтузиазма впритык хватило только на трубы. Помнится, хренача по ним кувалдой, я еще тогда задумался о небольшом сваезабивательном устройстве.

Итак, решено. Я – изобретатель, собираюсь сделать простое и дешевое устройство для

забивания свай. Это будет нечто вроде пушки, только с клапаном, очень тонкими стенками ствола и ненормально тяжелым снарядом. Оно снабжено треногой, ствол приподнят и смотрит вертикально вверх.

Ставим его так, чтобы орудие оказалось над подлежащим забиванию штырем. Стреляем. Отдача воздействует на штырь, но это так, всего лишь создание предварительного усилия. Снаряд летит вверх, но его вес подобран так, чтобы энергии патрона хватило только докинуть его до конца ствола, метра на два – я уже говорил, что снаряд очень тяжелый. В конце своего движения болванка ударяется в отбойник и открывает этим клапан в казенной части. После чего рушится вниз, с размаху зафигачивая по свае. А уж сделать механизм поочередной подачи и воспламенения патронов – это ерунда. Сойдет стальной прямоугольник с дырками, при каждом выстреле сдвигающийся на один шаг.

Продавец был знакомый – я у него уже несколько раз покупал боеприпасы для своего монтажного пистолетика. Кажется, он меня тоже узнал, и вот тут я озвучил ему свое пожелание вместе с обоснованием.

– Думаешь, такие хреновины станут покупать? – усомнился он.

– Для начала сделаю две-три и буду сдавать в аренду. Там у нас много дачных строек, за штуку в день, думаю, желающие найдутся.

– Так ведь за ту же штуку можно нанять таджика.

Вопрос был ожидаемым, и я заранее сделал в уме подсчет, из коего следовало, что патрон Д-4 в три раза мощнее таджика. А если найдется что-нибудь еще более мощное...

– Найдется, – обнадежил меня продавец и достал из глубин своей палатки какую-то мятую картонную коробку, уже вскрытую.

– Вот, – с некоторой даже гордостью сказал он, – смотри. Патрон МПУ-3. Энергия – две тысячи семьсот джоулей! В таджиках это сколько будет?

– Почти восемь, – хмыкнул я, рассматривая предложенное. По сути дела, оно было холостым патроном от калаша.

– И почему?

– Вот эта пачка – четыре тысячи. Ты не смотри, что она вскрытая, это я продал два десятка какому-то реконструктору, он вроде из макета ППШ собирался ими стрелять. Было двести пятьдесят штук, осталось двести тридцать.

– А чего так дорого?

– Так ведь они продаются только цинками по тысяче в каждом. А реализовывать их приходится долго: редко берут. Ладно, полтысячи скину.

В общем, я приобрел коробку за три тысячи, да и то сильно подозревал, что меня обули. Ничего, для изобретателя это естественно, надо соответствовать образу. Однако теперь, пожалуй, можно будет сделать действительно мощную винтовку. Тим, может, и выстоит, а Ханю точно снесет отдачей. Поэтому была приобретена еще и коробка Д-4, с энергией выстрела всего в три таджика.

Тут, конечно, следует уточнить, что я начал строить наполеоновские планы не просто так. У меня наконец-то получилось нарезать нормальный ствол!

Вообще-то многие открытия делаются по следующему алгоритму – все знают, что какая-то вещь или явление невозможны. Но случайно находится неуч, который не в курсе, – вот он-то и двигает науку вперед. Примерно по той же схеме часто реализуются и изобретения рационализаторского плана. Грамотный инженер знает, как делается то-то и то-то. А недоучка – нет, и ему приходится изобретать. Чаще всего получается хреновато, но иногда новый процесс оказывается лучше общепринятого.

Все это я знал, но тем не менее в ходе попыток нарезки допустил сразу две системные ошибки.

Первая заключалась в выборе инструмента. Для любой нестандартной операции можно или доработать имеющийся, или изготовить новый, специально для нее предназначенный. Поначалу я выбрал первый путь, потеряв на нем почти две недели. И только потом понял,

что развертками нормальный ствол не нарежешь. У них и заточка не та, и шаг слишком крутой. В общем, пришлось почти с нуля делать нормальный дорн из круглого напильника.

Вторая ошибка заключалась в том, что я слишком внимательно изучил материалы по дорнированию. Нельзя было этого делать! Порядок решения инженерных задач несколько иной.

Сначала надо составить общее представление о проблеме, но не более. Потом садиться и думать, как это можно сделать с минимальным геморроем. И только после того как придумаешь хоть что-то, следует посмотреть, как из этого положения выходили другие.

Вот так и получилось, что свой дорн, как положено, я поначалу пытался протягивать. Но, испортив два ствола, сообразил, что для моих условий это не годится. Дорн либо обрывался, либо переставал вращаться точно по выдавливаемым нарезам.

Тогда я попробовал его толкать штангой с шариком. Получилось лучше, но все равно развиваемое усилие было недостаточным для выдавливания нарезов глубиной в три десятка. Однако это уже стандартная задача, подумал я и изготовил три дорна, отличающихся друг от друга на десятую часть миллиметра. Вот тут все пошло как по маслу, хоть я использовал не его, а дисульфид молибдена.

Сначала была взята бесшовная труба из сорок пятой стали размерностью 10х2. То есть внутренним диаметром в шесть миллиметров при толщине стенок два. На нее я напрессовал раскаленную трубу 14х2, тем самым получив ствол со стенками нужной толщины, да еще и с предварительным напряжением. После чего развернул внутренний диаметр до «шести и трех», а потом при помощи трехтонного гидравлического домкрата прогнал через ствол дорны – первый, второй и третий номера. Без ложной скромности скажу: результат мне понравился. Этот ствол пойдет для винтовки под патроны Д-4, а для МПУ придется сделать то же самое, но потолще. Под такой патрон калибр ствола должен быть примерно восемь с половиной миллиметров. То есть скорость вылета пули будет не очень высокой, но ничего, перебежся. Небось у берданки была еще меньше! Зато убойная сила получится та еще. Сразу посадит на задницу хоть кабана, хоть конкистадора в латах.

Глава 11

Параллельно с изготовлением новой винтовки я занимался испытаниями своего крейсера «Аврора», то есть катамарана. Честно скажу, перед первым выходом под парусами меня пробирал небольшой мандраж – мало ли?.. И от экипажа толку немного: тетки видели парусный корабль впервые в жизни. Разумеется, они не раз тренировались сначала на берегу, а потом на пляже при минимальном ветре, но сейчас-то мы собираемся в океан! Скорость ветра доходила до десяти метров в секунду или, если по-морскому, то до пяти баллов. Не дай бог перевернемся, и унесет нас к чертям, да и акулы тут иногда встречаются. Я даже заранее завел генератор, оставив его вертеться на холостом ходу, чтобы в случае чего не тратить времени. Что, как вскоре выяснилось, было очень правильным решением.

Мы вышли в океан от западного края пляжа. Ветер как раз и дул с запада, так что в случае потери управляемости катамаран вынесло бы на северо-восточный мыс, где были пещеры островитян.

Поначалу «Аврора» вела себя вполне прилично. Идя боковым галсом, она почти не кренилась, нормально слушалась рулей и вскоре разогналась почти до двадцати километров в час.

Мы шли поперек волн, в высоту немного превышающих два метра, но пологих: от одной до другой было метров тридцать – сорок. Когда расстояние до берега превысило полкилометра, я скомандовал теткам поворот оверштаг. На берегу они уже выполняли подобные действия, но ведь то на берегу!

Тонга стояла на гроте, а вторая морячка, Май-Уни, или Манюня, на стакселе. И они все сделали правильно, как только я начал поворачивать штурвал. Однако корабль повел себя безобразно. Повернувшись носом к ветру и, соответственно, к волнам, он, скатившись с

одной, буквально поднырнул под следующую! То есть капитально зарылся носом. Правда, инерция еще оставалась, «Аврора» слушалась рулей и продолжала поворачивать. Но это привело к тому, что в следующую волну зарылся только правый поплавок. Катамаран потянуло вправо, и он вновь развернулся носом к волнам.

Мысль «ох, и ни хрена же себе!» не помешала мне рвануть на себя рукоятки подключения ходовых движков и перекинуть тумблеры обмоток возбуждения в положение «самый полный». Генератор сзади натужно закричал, послышалось слабое подвывание электромоторов, и «Аврора» вновь начала слушаться руля.

Кое-как, зарывшись носами еще в три волны, катамаран завершил поворот и на всех парусах, которым теперь помогали двигатели, устремился к пляжу. Ух, хорошо, а то тонуть как-то не очень хотелось.

– Отпускай! – скомандовал я, когда до берега оставалось метров тридцать.

Тетки до предела вытравили тросы, грот со стакселем развернулись по ветру и заполоскались. Я отключил движки, и катамаран по инерции выполз носом на песок. К нему уже бежала причальная команда во главе с Мариком, тащившим крюк от лебедки. За рычагами сидел Поль.

Вскоре «Аврора» была вытащена к краю пляжа, подальше от кромки прибоя. Тетки остались убирать паруса, а я отправился домой – следовало в спокойной обстановке обдумать поведение своего детища. Ведь сцентровано оно было совершенно нормально! И ветер при повороте оверштаг создает... да как же это будет по-морскому... ладно, обойдемся авиационной терминологией. Так вот, ветер создает не пикирующий, а кабрирующий момент! Почему же катамаран столь резко устремился к центру Земли?

После примерно получаса размышлений с карандашом в руках я начал понимать, в чем тут дело. Грубо говоря, катамаран был спроектирован так, что выравнивающая составляющая выталкивающей силы линейно зависела от угла наклона. То есть когда по каким-то внешним причинам нос увеличивал свой наклон в два раза, выталкивающая сила возрастала в те же самые разы. А этого, как только что показала практика, оказалось явно мало. Значит, что? Правильно, стабилизирующий момент следует увеличить, причем как статически, так и динамически.

Подумав, я дополнил чертежи катамарана нашлепками на носках поплавков. В нормальном положении они над водой, но при клевке создадут нелинейное увеличение погруженного в воду объема. А форму их сделал такой, чтобы движение катамарана при наклоне вперед создавало еще и гидродинамическую выталкивающую силу. В общем, пририсовал «Авроре» нечто вроде атлантических носов, только очень маленьких, но зато сильно отогнутых краями в стороны. Блин, опять придется тащить к верфи сварочный агрегат! Ничего, пусть аборигены еще разок займутся физкультурой, им полезно, а то больно уж они мелкие и тощие. Разве что Марик да шаман по габаритам похожи на людей, и все.

Каркасы для нашлепок на нос я сварил из уголка за полдня – и потом за пару часов установил их на положенные места. После чего Тим с двумя помощниками начали обшивать получившиеся наросты фанерой, затем набивать пенопластом и оклеивать стеклотканью на эпоксидке. Мне же этого времени хватило для завершения работ над новой винтовкой. Она практически повторяла предыдущую, только получилась на полкило потяжелее. Ну и мощнее раза в два с половиной. Однако отдача все равно оставалась весьма умеренной, не сравнить с «сайгой».

Глядя на свое изделие, я решил, что их уже стало достаточно много для присвоения им специальных номеров. Общее наименование – «крыс» – пускай остается, люди к нему привыкли. А дальше будут цифры, означающие калибр и порядковый номер разработки. То есть Тимова однозарядная переломка будет называться «Крыс-401», Ханина барабанка – «Крыс-402», новое изделие – «Крыс-603». Пусть аборигены, кроме всего, привыкают к большим цифрам, а то для них сразу после пятидесяти уже начинается «очень много». Что, впрочем, явный прогресс, потому как до моего появления «много» начиналось после десяти

или у самых образованных, то есть умеющих загибать пальцы и на ногах, после двадцати.

Вопрос, кому вручить новое оружие, я решил прояснить по результатам стрельб из него. Вообще-то Ханя стреляла немного получше Тима, но мало ли, вдруг именно этот «крыс» ей чем-то не подойдет?

Так оно и получилось, но винтовка, как я понял, была тут совершенно ни при чем. Больно уж аккуратно дырки от Ханиных выстрелов легли вокруг десятки на мишени, ни разу ее не задев. Что же, если девочка решила маленько подыграть своему будущему мужу – это ее право, подумал я и торжественно вручил Тиму шестьсот третьего «крыса». Все равно ему с ним ходить не очень долго: скоро подоспеет большая винтовка под патроны МПУ.

Для полноценных испытаний модернизированного катамарана пришлось ждать волнения, но на спокойной воде и при слабом ветре он вел себя вполне пристойно, мы с тетками даже совершили путешествие вокруг острова, временами удаляясь от него километра на три. Начиналось лето, в это время хоть сколько-нибудь сильные ветра практически не дули, но все-таки однажды ненадолго подул свежий юго-западный ветер. Он разогнал почти такие же, как и в прошлый раз, волны, но теперь катамарану на них было почти плевать. Мой корабль, разогнавшись на спуске с очередной водяной горки, бодро задирает нос и в фонтанах брызг лез на следующую, не теряя управления. Старший помощник Тонга и матрос Манюня освоили обращение как с двигателями, так и с парусами – теперь им можно было спокойно доверять управление катамараном. Правда, в отличие от своих далеких предков никакого понятия о навигации тетки не имели, но на это есть я. В общем, островитянам пора было решать, куда совершать первый дальний рейс – на остров Питкэрн или сразу на Мангареву. А точнее, просто согласиться с моим решением плыть на Питкэрн. Ибо двигать к архипелагу, на котором наверняка идет вооруженная грызня, я считал необходимым, но в данный момент преждевременным. Во всем должна соблюдаться последовательность. Сначала нужно вооружить всю команду и еще пару стрелков, потом добиться, чтобы они научились стрелять хотя бы по птицам. Когда этот пункт будет выполнен, потребуется экспедиция на Мангареву. Потому как пальба по голубям – это одно, а по людям – как я сильно подозревал, совсем другое. И только после того как обитатели Хендерсона научатся общаться с себе подобными на языке винтовок, можно будет отправляться в далекое путешествие.

Ну, а пока следовало посетить остров Питкэрн. При том числе переселенцев, что там когда-то остались без связи с Мангаревой, выжить они могли только при полном отказе от агрессии. То есть коли на острове кто-то живет, то это наверняка очень мирные люди. Потому как если они были не мирными, то живых там давно нет.

Как уже говорилось, команда моего корабля разбиралась в навигации если и лучше, чем свинья в апельсинах, то очень ненамного. Ради интереса я спросил у Тонги, где, по ее мнению, находится Мангарева. Она сказала, что ответить сможет только ночью, когда появятся звезды. И действительно указала направление, но с ошибкой градусов в двадцать пять. И добавила, что ее учил понимать звезды дед, но он слишком рано помер. Более того, и его обучение, судя по паре обмолвок, было примерно таким же.

Моя квалификация как штурмана отличалась ровно на величину умения смотреть на компас и наличие карт, то есть тоже была весьма далека от безграничности. Поэтому теткам был подарен компас вместе с заданием – научиться ходить по нему хотя бы на острове. Я же сел паять радиомаяк.

Потому как определять координаты с точностью лучше чем в пару градусов у меня все равно вряд ли скоро получится, да и не продаются морские секстанты в туристических магазинах. А пройти в градусе от острова, не заметив его, ничего не стоит. Если это окажется какой-нибудь Питкэрн или Мангарева, то будет хоть и не самое приятное, но все же и не трагичное событие. Не получилось в этот раз – потом сплавим, делов-то. А вот когда при возвращении мы промахнемся мимо Хендерсона, станет совсем нехорошо.

Именно из этих соображений я сел паять автоматический передатчик и приемник-радиокомпас к нему. Впрочем, задача сильно упрощалась полным отсутствием в этом мире любых передатчиков. Но зато усложнялась тем, что я поставил себе задачу сделать устройство, по которому можно будет определять не только направление, но и расстояние. По крайней мере, в пределах двухсот километров. В силу чего передатчика пришлось паять два – на мегагерц и на сто, и плюс два высокочастотных тракта у приемника. Ну и с антенным хозяйством на мачте повозиться, не без этого. В качестве резервного радиокомпаса предполагалось использовать китайский многофункциональный фонарь с питанием от вращающейся рукоятки. В числе прочего он содержал в себе и СВ-приемник с ферритовой антенной. Грубая, конечно, вещь, но даже с такой риск промахнуться мимо своего острова сильно уменьшается.

Наконец экипаж для первого плавания на соседний остров был сформирован. Впрочем, тут никаких неожиданностей не случилось – Тонга с Манюней просто влюбились в новый корабль и готовы были плыть на нем куда угодно, а Ханя с Тимом, даже не дослушав до конца моего предложения, тоже мгновенно согласились. Больше же никого и не требовалось. В маленьком ящике на решетчатой палубе катамарана, громко именуемом каютой, было всего три сидячих места. Еще двое могли там стоять или сидеть на полу. Впрочем, погода стояла отличная, а до Питкэрна всего сто девяносто три километра.

Вскоре была назначена дата отплытия – перед самым рассветом десятого января. С годом, как я уже упоминал, пока была полная неясность, но привязаться к его временам мне удалось с точностью примерно до суток.

Все эти дни дул совсем слабый северный ветер, разгоняющий катамаран до пяти километров в час. Если же я включал двигатели в экономическом режиме, скорость увеличивалась до тринадцати. Что означало – шестнадцать часов в пути. Выйдя в три утра, к семи вечера мы будем около Питкэрна.

Оставалась еще одна проблема – кошка. Поначалу я собирался оставить ее в московской квартире – ведь за время нашего плавания там пройдет полчаса, от силы минут сорок. Но киса совершенно не желала покидать остров. Увидев дырку в двадцать первый век, она с паническим мявом прыгнула с моих рук и забилась под свою тахту из хендерсонской пальмы. Пожав плечами, я предупредил животное, что в таком случае ему придется побыть одному три дня. Кошка молчала, из чего я сделал вывод о ее согласии. В конце концов, сухой корм не портится, воды я ей налью с запасом, а в мой дом никто не ходит. Еще раз предупредив об этом кошку, я отправился на пляж, где стоял почти готовый к походу катамаран. Следовало посмотреть, не забыто ли чего, после чего лечь спать пораньше: ведь вставать в половине третьего.

Отплыть в три часа нам не удалось – движок завелся с трудом. Но после замены свечи прочихался и заработал нормально, так что в половине четвертого мы помахали племени руками и отчалили.

Ветер дул, как и вчера, с севера, но вроде чуть посильнее. Остров потихоньку удалялся, наш путь лежал на юго-запад-запад. Ханя с Тимом во все глаза смотрели на свою родину, уже почти скрывшуюся в предрассветной тьме, – наверное, они чувствовали себя как Гагарин, впервые увидевший Землю из космоса. Я зевал – кошка не дала выспаться, всю ночь лезла ко мне и о чем-то тревожно мяукала. Что меня удивило – Тонга передала штурвал Манюне и тоже начала напряженно вглядываться в удаляющийся остров. Над ним уже появилась полоска рассвета, когда она повернулась ко мне и заявила:

– Ник-ау, будет шторм. Я говорила об этом еще вчера, но ты послушал Камира.

Действительно, вчера вечером я поинтересовался прогнозом погоды у обоих местных метеорологов. Тонга тогда сказала – она не уверена в завтрашней погоде, а шаман заявил, что день совершенно точно будет почти безветренным.

– Сейчас начнется очень сильный шторм, таких почти никогда не бывает летом, –

продолжала тем временем Тонга. – Ник-ау, надо возвращаться. Надо очень быстро возвращаться, если мы хотим успеть на остров.

– Но ведь летом не бывает сильных штормов, – неуверенно начала Ханя. Понятно: она уже настроилась на великое путешествие, а тут такой облом...

Однако я не собирался раздумывать, права Тонга или нет. Раз есть вероятность, что да, так и будем считать, никуда Питкэрн не денется. И рявкнул:

– Поворот оверштаг, ход самый полный, возвращаемся, Тонга на штурвале!

Сам же сел к движку – когда он работает на пределе, за ним лучше присматривать.

Кренясь на левый поплавок, «Аврора» развернулась.

– Май, рифь грот! – крикнула старпомша.

Манюня отпустила фал, отчего большой треугольный парус сполз наполовину, и кинулась защелкивать карабины на тесемках вокруг реи. Я даже не успел толком удивиться – море пока было совершенно спокойно, – как налетел мощный порыв ветра. Если бы «Аврора» приняла его полным гротом, не знаю, чем бы это могло кончиться. Даже на том огрызке, что сейчас оставался от паруса, катамаран ощутимо приподнял левый поплавок и притопил правый.

– Тим, Ханя, на левый борт! – крикнул я. И подумал, что вряд ли это поможет: больно уж они легкие.

– Ник-ау, может мотор работать сильнее? – сквозь свист ветра в снастях тревожно спросила Тонга.

– Сейчас.

В качестве силовой установки у нас стоял шестикилловаттный бензогенератор. Эти моторы имеют электронное ограничение частоты вращения на три триста – три с половиной тысячи оборотов, при которых на выходе генератора получается чуть больше пятидесяти герц. Но сам движок способен крутиться до пяти тысяч, развивая при этом существенно большую мощность. Правда, в штатном коммутаторе такой режим не предусмотрен, но у меня стоял самодельный, без ограничения и с переменным углом зажигания – как раз на подобный случай. Долго, конечно, он так не проработает...

Я перекинул тумблер на коммутаторе и уперся взглядом в тахометр. Четыре тысячи, четыре с половиной, пять, пять двести...

Все, больше увеличивать обороты нельзя, начнут зависать клапана. Однако наш кораблик и так заметно прибавил скорости. Генератор уже не урчал, а тархтел. Звук перегруженных электромоторов было не слышно за воем все усиливающегося ветра. Оставалось только надеяться, что они, как и все советские изделия, в свое время были спроектированы с хорошим запасом.

Я пялился на тахометр и прислушивался к движку, а в голове раз за разом прокручивалась одна и та же, какая-то отстраненная мысль: «Интересно, успеем или нет?»

Мы успели, но буквально впритык. Волны уже перехлестывали через палубу, когда кораблик промчался вплотную к мысу, ограничивающему пляж с запада, и с разгона выбросился на песок. Никаких встречающих не было, поэтому я кинулся к лебедке, а Тим побежал цеплять крюк. Вскоре «Аврора» была подтащена под самый откос. Волны сюда иногда доставали, но на излете, так что катамарану скорее всего ничего не будет, подумал я. И, пригибаясь под порывами ветра, отправился к дому, до которого было метров сто.

Глава 12

Хотя от берега до моей резиденции было всего ничего, по дороге меня пару раз почти сшибало с ног порывами ветра. И это, кстати, очень способствовало просветлению в мозгах. Ведь глянул же, идиот, перед выходом к пляжу на барометр! И что там увидел? Семьсот сорок два миллиметра! В то время как вечером было семьсот шестьдесят. А что подумал, debil? Мол, вот всегда так – когда мне в двадцать первый век не надо, давления тут и там почти одинаковые. Зато как только соберусь, разница будет миллиметров двадцать, если не

тридцать. И ведь помню, что читал в детстве книги про морские приключения, где герои с ужасом смотрели на бешено падающий барометр, ожидая шторма! И в кого только я уродился таким дауном? Уж точно не в отца. Тьфу, да и только. Мало того что сам чуть не утонул, так ведь со мной на дно пошла бы, без преувеличений, почти вся интеллектуальная элита острова Хендерсон, его единственная надежда на будущее.

Блин, даже кошка что-то чувствовала! Недаром полночи тщетно пыталась привлечь мое внимание. Интересно, она теперь всегда будет так себя вести перед штормом?

Тут я подошел к крыльцу и понял – нет. Не всегда, то есть просто больше никогда. Потому как киса лежала около крыльца, и ее поза не оставляла сомнений, что это мертвая киса. Не только потому что живые кошки так не лежат. У них еще и не торчит стрела из спины, как у моей.

Стрела... причем однозначно моего изготовления. Одна из тех пяти, что я сделал Марику. Неужели?

Нет, это вряд ли, решил я через минуту. Чтобы попасть в кошку, Марику пришлось бы приблизиться к ней метров на пять! А она его боится. Точнее, боялась – теперь о бедной кисе придется говорить в прошедшем времени. Да и место, куда попала стрела, наводит на определенные размышления. В спину, чуть левее позвоночника, сразу за лопаткой. Это что же, кошка безмятежно лежала спиной к стрелку и ждала, пока в нее как следует прицелятся? Быть такого не может.

Второй вариант – в нее стреляли сверху. Его мы отбросим за отсутствием на Хендерсоне вертолетов, воздушных шаров и ранцевых реактивных двигателей. Наконец, есть и третий – в кису этой самой стрелой просто ткнули. Вот так, подошли, погладили, чтобы успокоилась, и...

Я присмотрелся к стреле. Точно, вырез под тетиву совершенно нетронут! Как я его сделал ножом, так он и остался, ни малейших следов. Вот, значит, зачем в свое время пропала стрела у Марика...

Сволочь!

В том, что это дело рук шамана, не оставалось сомнений. Потому что из всего населения Хендерсона к кошке могли вплотную приблизиться только четыре человека. Я, Ханя, Тим и Камир. Правда, Поля она опасалась меньше других, но все-таки не позволяла себя гладить даже при мне, и уж тем более не подпустила бы близко без меня. Учитывая, откуда только что вернулись трое из четырех перечисленных, расследование можно считать законченным. А что это там за толпа собирается у катамарана? Пожалуй, надо сходить, глядишь, и шамана встречу. Если же нет, то узнаю, где его, гада, следует искать. Эх, киса, что же ты так плохо в людях-то разбиралась? Нашла кого не бояться...

Хотя, если честно, то и я не лучше. Доверял ведь ему – и чуть не отправился из-за этого доверия вслед за кошкой!

Вытащив наган из кобуры, я зашагал к островитянам.

Меня заметили не сразу, потому что все смотрели на шамана. И слушали его вопли, мне непонятные, ибо он брызгал слюной на полинезийском. А ведь знает же, скотина, что говорить в моем присутствии не по-русски есть акт глубокого неуважения. Пора, пожалуй, внести некоторое разнообразие в его унылые возгласы.

– Зачем ты убил мою кошку? – поинтересовался я, поднимая револьвер.

Шаман заверещал уже совершенно нестерпимо. И вдруг вытащил откуда-то кухонный нож, который в свое время я ему лично подарил. Схватил его двумя руками, выставил перед собой и, не прекращая орать, бросился на меня.

Надо уточнить, что у меня нет ни черного пояса, ни какого-нибудь дана, с айкидо я знаком слабо, а с фехтованием на ножах еще меньше. Я владею всего одним видом боевых искусств, но зато очень неплохо. Имеется в виду дворовая драка. Поэтому мне не составило труда сразу увидеть, что шаман не представляет ни малейшей опасности. Бить его можно хоть рукой, хоть ногой, причем с любой стороны, а ножом он разве что сам порежется, если лезвие хоть куда-то уткнется. Но у меня даже мысли не мелькнуло применять свои дворовые

умения. Я выстрелил прямо от бедра. И, несмотря на тугой спуск нагана, был уверен, что попаду точно в середину груди.

Наверняка так оно и вышло бы, но за полсекунды до моего выстрела раздалось два негромких хлопка. Шаман споткнулся, и пуля, направленная ему в грудь, попала в темя. Он упал метрах в трех от меня, несколько секунд подергался и затих.

Я огляделся. Ханя стоит с совершенно квадратными глазами, винтовка у нее за спиной. Тим направил свою ствол вниз, да и звук был куда слабее выстрела из шестисот третьего «крыса». А вот Поль держит свой «глетчер» на вытянутых руках, чуть присев на здоровую ногу и отставив назад покалеченную. Он всегда стрелял именно из такой позиции: по-другому ему было неудобно.

Шаман лежал лицом вниз, поэтому я сразу заметил у него на спине две красные точки. Одна, под левой лопаткой, слегка кровоточила. Вторая выглядела побольше и располагалась точно меж лопаток, на позвоночнике. Моя пуля была уже лишней.

Господи, да что же такое творится на моем острове? Сначала кошек убивают, потом друг друга... Ведь это для меня шаман всего лишь тварь, из каких-то шкурных соображений убившая кису! А для них он свой... или нет? И почему Ханя с Тимом стоят как столбы?

Наверное, именно так выглядит реакция после стресса, но это я понял уже потом. У меня не тряслись руки на заливаемой волнами «Авроре», я не впал в истерику при виде убитой кошки и совершенно хладнокровно стрелял в шамана. Но тут, видимо, запас самообладания кончился, и я психанул. То есть заорал, срывая голос:

– А вы чего стояли? На вашем поганом острове убили мою кошку, хотели убить меня, а вы смотрели, чем все это кончится? Вам не нужно ничего, что я здесь делаю, только одному калеке из всего племени нужно? Ну и подавитесь вы тут всем, что от меня осталось!!! Поль, держи.

С этими словами я бросил пареньку кобуру с наганом и, не оборачиваясь, быстро пошел к дому.

В двадцать первый век я прошел из оружейки, захватив с собой «сайгу». Оказавшись в гараже, без сил плюхнулся на табуретку и приступил к попыткам прийти в себя. Просто так получалось плохо, поэтому пришлось вывести из гаража скутер, запереть дверь и проехать до продуктового магазина, где была куплена бутылка водки.

Уже вернувшись, я вспомнил, что не взял закуски, но решил плюнуть на это дело. Стаканов у меня в гараже тоже не водилось, так что пришлось присосаться прямо к горлышку. После чего срочно выскакивать наружу и бежать за гаражи, чтобы не блевать прямо на пол или рядом с дверью. То есть водка в меня решительно не шла, но вообще-то я человек упорный, особенно когда не надо. Поэтому следующую порцию принимал маленькими редкими глотками. Этот метод позволил как-то сохранить питье внутри организма, и через некоторое время мне полегчало. То есть появилась способность хоть сколько-нибудь связно мыслить, чем я и занялся.

Итак, с чего это вдруг меня понесло? Подумаешь, никто на помощь не бросился, все стояли, как истуканы. Так, во-первых, не все, а во-вторых, они же были в шоке! Причем в куда более сильном, чем я. Который, вместо того чтобы проявить понимание, сам распсиховался по самое далеко некуда. Людей зря обидел... чего же теперь, искать новый остров? В принципе конечно, может получиться, если, как в первый раз, взять два кристалла...

Тут я вскочил. Идиот, ведь два из трех кристаллов остались в оружейке на острове! Сколько я тут страдаю фигней – два часа, три, четыре? Даже время перехода и то не запомнил. А на Хендерсоне мог пройти месяц, если не больше!

На включение аппаратуры и вывод ее на режим потребовалось чуть больше минуты. Еще столько же – на ожидание, пока сравняется давление в оружейке и гараже, сейчас разница была довольно приличной. И – здравствуй, остров Хендерсон, давно не виделись.

Я подождал, пока через щели сарайчика перестанет свистеть воздух, сдвинул засов,

открыл дверь и с «сайгой» наготове шагнул наружу. После чего натуральным образом охренел.

Окрестности моего домика радикально изменились. Теперь справа был очищенный от кустов и присыпанный песком квадрат примерно восемь на восемь метров. А посреди него торчала пирамида из белого известняка! Высотой метра три с половиной и почти готовая, только сверху не хватало не то двух, не то трех блоков. Похоже, что именно недостающий блок и тащили двое изможденных островитян с веревками на шеях. Увидев меня, они его выронили, и в падении каменюка задела ногу одного из тащивших, а потом раскололась. Пострадавший завопил. Откуда-то выскочил Марик со здоровенной дубинкой в руках, замахнулся ею, да так и остался стоять, открыв рот.

Чуть сбоку стояли Тим, Ханя и Поль. Поль, увидев меня, крикнул:

– Хэй!

По этому сигналу все шлепнулись на колени, причем Марик перед этим все-таки перетянул своим дубьем по хребту одного замешкавшегося. Стоять остались только Ханя и Поль.

Девочка сделала несколько неуверенных шагов ко мне, потом, видимо окончательно поверив своим глазам, заверещала: «Ник вернулся!» – и повисла у меня на шее. Однако быстро опомнилась, отошла на шаг и попыталась что-то сказать. У меня создалось впечатление – заранее выученную речь, которая вылетела у нее из головы почти полностью.

– Мы... Ник, мы очень ждали... Поль сказал, что надо выполнять заветы... мы выполняли, и ты вернулся, как хорошо! Скажи, к нам сможет прийти новый приносящий счастье зверь? Мы будем его очень сильно беречь...

Где же я вам так сразу раздобуду еще одного мейн-куна, подумалось мне. Но все-таки что это за строительство?

Тут Поль, видимо, потеряв надежду на Ханю, вышел вперед:

– Мы делать пирамида, знак почтения к умершему. Священный зверь лежать под ней.

Ну и ну, что тут еще можно сказать. Вот к чему может привести всего один старый номер журнала «Вокруг света», в числе прочего барахла как-то притащенный мной из гаража в мастерскую! Поль тогда спрашивал про пирамиды, а я объяснил, что древние египтяне выражали так свое почтение к умершим фараонам. Так что же, теперь здесь командует Поль? А куда делся Тапу?

– Он плохо говорить про дела Ник-ау, – пояснил Поль. – Говорить всем людям. Я стрелять, Тапу умирать.

– А эти... с веревками?

– Они плохо думать про дела Ник-ау.

Ну и дела же тут творятся! Стоило совсем ненадолго отлучиться с целью слегка отдохнуть и выпить водки, а на острове кое-кто уже получил срок за невесторженный образ мыслей! Кажется, это родственники бывшего вождя. Во всяком случае, тот, что уронил камень себе на ногу, точно его брат. Вот только не слишком ли быстро пошел прогресс?

Поль тем временем продолжил:

– Ник-ау здесь, плохие люди стать свободны. Это быть урок им.

Ага, то есть в честь моего возвращения объявляется амнистия. Ну, хоть что-то!

– Ты вернуться, я отдать вещь власти, – закончил Поль. Подошел ко мне, поклонился, что с его ногой было не так просто, и положил передо мной кобуру с наганом.

Решив, что в такой торжественный момент не помешает сказать какую-нибудь умную вещь, я ответил:

– Хорошо. Но там, откуда я к вам пришел, один неглупый человек сказал, что добрым словом и револьвером можно достичь большего, чем просто добрым словом. А другой, не менее умный, добавил, что и большего, чем просто револьвером. Запомни это.

Вообще-то автором добавки был ваш покорный слуга, но кто сказал, что я глупее впервые озвучившего первую часть?

– Понимать, – кивнул Поль. – Если не получаться сказать добрый слово до выстрел, его

надо сказать после. Спасибо, Ник-ау, я запомнить.

Так, с цитатами пора завязывать, пока молодой человек не додумался еще до чего-нибудь столь же гуманистического, подумал я и объявил:

– В семь вечера начнется праздник в честь моего возвращения. Часы еще не сломали и не потеряли? Молодцы. Значит, к семи жду, а пока все свободны. Да, камни к пирамиде сегодня таскать не надо, завтра приволокете. И веревки с этих снимите, раз уж объявлена амнистия. Они и без веревок завтра притащат, на чистом энтузиазме. Я прав? Вот и замечательно, а пока наслаждайтесь вновь обретенной свободой.

В этот раз, вновь отправляясь в Москву, я не забыл захватить с собой третий камень, так что можно было не спешить. Сейчас в двадцать первом веке вечер, завтра схожу на работу, а то ведь не был там уже месяц – по своему времени, естественно, а с точки зрения начальника и коллег, я ничего не прогуливал. Пора, кстати, перед длительными уходами писать себе какие-то памятки – что было, чем закончился день, каковы планы на следующий. А то ведь сейчас-то я вспомнил, однако с трудом. Но после, скажем, трехмесячного отсутствия, да еще с приключениями, вернуться к обычной жизни будет не так просто.

Этим вечером я решил лечь пораньше, а то очень уж длинный и насыщенный получился день. Но перед отходом ко сну попробовал подвести итоги.

Да-а уж, Поль дает...

Хотя, учитывая его биографию, можно было ожидать большего. Даже если над ним и не издевались из-за его увечья, что далеко не факт, еда и вода ему все равно доставались по остаточному принципу. Так что это он еще молодец, не стал никому припоминать давних обид. И думает не о себе, а о будущем племени – ему-то в плавании придется непросто, я его уже предупреждал. Но все же хорошо, что шамана и вождя пристрелил он, а не Ханя и не Тим.

Да, я собираюсь научить их стрелять в людей, но пусть все-таки начинают с тех врагов, которые чужие. Потому что на тех, которые были своими, гораздо труднее поднять руку, и неизвестно, чем это кончится для поднявшего. Ну, а с Полем как получилось, так и получилось. Хотя мне почему-то было совершенно не страшно поворачиваться к нему спиной. Интересно, это потому, что я наконец-то научился читать в душах, или просто оттого, что доверчивый идиот? Но, увы, для положительного ответа потребуется много времени, а отрицательного мне скорее всего даже не удастся осознать: Поль стреляет отлично.

Странно, но мне почему-то было совсем не жалко не только шамана, который получил по заслугам, но и вождя, вся вина которого заключалась в весьма невеликом уме. А вот кошку жалко, и очень. Большую красивую кошку черепаховой окраски с кисточками на ушах, на свою беду переставшую бояться людей.

Глава 13

Кроме посещения работы, мне следовало прикинуть, что нужно для изготовления пары радиоуправляемых лодок-торпед, выбрать из имеющегося в наличии самое дешевое и купить его. Потому как, вспоминая свою несостоявшуюся экспедицию на Питкэрн, я поражался, насколько по-дилетантски она была подготовлена. Ладно, про барометр уже говорилось. Но ведь о вопросах безопасности острова в мое отсутствие не возникло даже самой убогой мысли! А закон всеобщей подлости – он ведь не дремлет. Если кто-то не в курсе, формулирую: «Вероятность любого события обратно пропорциональна квадрату его желательности». Например, если компот без мухи для вас втрое более желателен, чем с ней, то вероятность его получения в девять раз меньше, чем с упомянутым насекомым. Всех сомневающихся приглашаю летом посетить любую столовую в парке культуры.

В свете чего ситуация выглядела следующим образом. На остров когда-нибудь должны приплыть испанцы. Какова вероятность, что они сделают это в те несколько дней, что на нем

не будет меня? А также самой боеспособной части вооруженных сил Хендерсона. Если исходить из общих соображений, то упомянутая вероятность получается очень маленькой. Но, припомнив закон, ее можно смело увеличивать до вполне заметной величины.

Значит, остающихся на острове Поля с Мариком следует вооружить так, чтобы они при необходимости смогли уничтожить корабль. И кроме того, дополнить радиомаяк возможностью голосовой связи, дабы Поль смог связаться с «Авророй» в случае появления необходимости в ее экстренном возвращении. Правда, это совсем нетрудно, а вот с торпедой пришлось маленько поразмышлять.

Как всегда бывает, первым делом в голову пришел стандартный путь – купить байдарки и лодочные электромоторы к ним. Однако моя жаба, увидев, почему нынче такие игрушки, даже не стала унижаться до комментариев, ибо все было ясно и без них. Самая дешевая байдарка стоила двадцать две тысячи, а полукиловаттный мотор – пятнадцать. Умножаем это на два и приходим к выводу, что при таких тратах мне никаких денег не хватит. Ведь скоро придется строить большой катамаран!

Пришлось вспоминать, что еще используется в качестве плавсредств. Надувные матрасы? Как-то оно не очень. Куски пенопласта? А вот это самое то, что надо. Осталось разобраться с мотором. Мне ведь совершенно не нужен ресурс, ему работать всего несколько минут! То есть прекрасно подойдет жигулевский стартер, который продается на каждом углу и стоит копейки. В качестве и главной передачи, и редуктора используем велосипедную цепь со звездочками, – вещи тоже недорогие и не дефицитные.

Разобравшись с торпедами, я прикинул примерную стоимость деталей для изготовления большого катамарана. Если принимать по тонне водоизмещения на человека, то нужен примерно сорокатонный.

По самым оптимистическим прикидкам получалось, что такая игрушка обойдется мне тысяч в двести пятьдесят – триста. Это я еще потяну, но ведь и тут следует учитывать вышеупомянутый закон, точнее, первое следствие из него. Оно гласит: «Реализация любых хоть сколько-нибудь масштабных планов потребует в «пи» раз больше времени и денег, чем это предполагалось». И значит, с учетом такой поправки катамаран явно выходил за пределы моих текущих финансовых возможностей. Посему передо мной открывались два пути:

- или урезать проект;
- или добывать денег.

Не особо раздумывая, я выбрал второй вариант. Потому как примерно представлял себе, где возьму недостающие средства. А точнее, кто мне их даст.

Наверное, некоторые уже обратили внимание, что я часто вспоминаю отца. Мать ушла от нас, когда мне было четыре года, я ее почти не помню. А отец умер в две тысячи четвертом году. От инфаркта после вызова на допрос. Он работал на предприятии, производящем авиационные турбины. И когда там начался очередной передел собственности, показался кому-то очень удобным козлом отпущения.

Инициаторы процесса мне были неизвестны, но оперуполномоченного я запомнил. Не составило большого труда выяснить, что уже тогда он жил явно не по средствам, так что вопрос «кто виноват?» даже не вставал. Ну не может человек, при официальной зарплате в тридцать тысяч ездящий на «туареге» и сразу после смерти отца купивший четырехкомнатную квартиру, вести дела иначе как в собственных шкурных интересах! Кстати, если судить по автопарку, припаркованному у ОБЭПа, он совершенно не являлся белой вороной.

Но остальные меня не интересовали, а этот...

Ему я мог быть благодарен за то, что совершенно перестал бояться какой-нибудь неизлечимой дряни вроде рака или СПИДа. Если вдруг у меня обнаружится такое, мне будет чем занять остаток жизни.

Ну, а теперь появилась возможность проверить это дело и не в режиме камикадзе. То есть убить гада, но так, чтобы перед смертью он, скотина, поделился несправедно нажитыми

деньгами. Заодно подлец и помучается, на что, наверное, будет приятно посмотреть.

Сейчас в Москве – начало апреля, поэтому я надел закрытый шлем и сел на скутер. Пора было приступать к разведке на месте, и светиться на своей «девятке» мне не улыбалось.

После четырех сеансов наблюдения (два утром, два вечером) я решил, что можно приступать к составлению плана операции. За прошедшие годы клиент почти не продвинулся по служебной лестнице, но зато еще увеличил свое благосостояние. Ездил он теперь на «Порше Кайен», причем чуть ли в самой дорогой комплектации, как я узнал в базе данных, оформленном на какую-то бабу. И сменил квартиру, вселившись в недавно построенную у Ходынки высотку. Кажется, цена его нового жилища превышала полтора миллиона долларов. Впрочем, это было не столь важно. Важным же являлось то, что сволочь приезжала на работу днем, а уезжала поздно вечером – видимо, смогла пробить себе такой распорядок, чтобы меньше стоять в пробках. То есть клиент до конца апреля будет возвращаться домой в темноте, чем я и собирался воспользоваться. И значит, по-быстрому купив все необходимое для изготовления торпед плюс комплект одежды для Поля, вернулся на свой остров. Сразу стало абсолютно некуда спешить – сначала экспедиция на Питкэрн, потом подготовка, затем собственно операция по приглашению господина старшего оперуполномоченного на Хендерсон. А для него не пройдет и суток до того счастливого момента, когда он станет моим желанным гостем. Ну, а Поль, я так думаю, не откажется мне немного помочь: задатки у молодого человека весьма многообещающие.

Изготовить две небольших лодки из пенопласта получилось быстро, а радиоуправление к ним я спаял сам. Благо можно было не заморачиваться с попаданием в выделенный для этого диапазон, а тупо сделать передатчик на два мегагерца с довольно широкой полосой, генерирующий несущую с модуляцией в килогерц, что соответствовало команде «руль вправо», или три килогерца – «руль влево». Никаких других команд торпедам не требовалось.

Поль за пару дней научился неплохо управлять лодочками, пока вместо аммонала загруженными песком. После чего я зарядил их уже всерьез, снабдил электровзрывателями наподобие того, что использовал при создании пруда, и велел спрятать оружие в пещерах. Случайного взрыва можно было не бояться – для запуска преобразователя, заряжающего конденсаторную батарею, требовался ключ, который Поль должен был постоянно носить с собой. Кроме того, там имелась блокировка. Даже при разрешении на заряд он не начнется до того, как лодка окажется в морской воде, да и то с минутной паузой.

На этом меры по укреплению обороноспособности я счел достаточными и приступил к подготовке экспедиции на Питкэрн. В так называемой каюте «Авроры» теперь висела целая метеостанция, состоящая из часов, барометра и гигрометра. Сама каюта имела улучшенную герметизацию, или, точнее, хоть какую-то. Потому как в прошлый раз не было вообще никакой, этот закуток залило первой же волной.

Далее я доработал защиту бензогенератора. Да, в прошлый раз он не заглох, несмотря на пару раз перекатившиеся через него волны, но, во-первых, я заранее накрывал его своей курткой. А во-вторых, далеко не факт, что с такой защитой он выдержал бы третью волну, не говоря уж о четвертой или пятой.

Теперь на корме катамарана стоял герметичный фанерный ящик с двумя направленными вверх полутораметровыми трубами с нахлопками на концах. Одна имела колено для слива случайно попавшей воды и предназначалась для забора воздуха. Вторая на самом деле была двойной. Внутри толстого вывода от системы охлаждения проходила полуторадюймовка для выпуска выхлопных газов.

И вот наконец двадцать шестого февраля, ровно в три утра по местному времени, стартовал второй дубль экспедиции на Питкэрн. Барометр показывал семьсот шестьдесят пять, Тонга уверяла, что как минимум неделю погода будет отличной. Дул слабый южный

ветер, а урчание мотора из ящика можно было услышать только около него. Электронный спидометр показывал двенадцать километров в час. Я не стал делать его сам, потому как готовый стоил не так уж дорого – всего шесть с небольшим тысяч рублей.

Первое время я всматривался в светлеющий горизонт, хоть и помнил, что в прошлое плавание глядел на него, но в упор не заметил ничего тревожного чуть ли не до самого последнего момента. Но потом рассвело, меня отпустило, и дальше я просто любовался бескрайним океаном. Низкий силуэт Хендерсона скрылся из виду примерно в пять утра, и теперь со всех сторон была только вода.

Однако в час дня Тонга передала штурвал Манюне, а сама взяла бинокль и начала что-то внимательно рассматривать почти прямо по курсу «Авроры». Но не успел я спросить: «Что, опять шторм?» – как она повернулась и взволнованно сообщила:

– Ник-ау, впереди остров! Вон, облачко видно даже без бинокля. Дед говорил мне, что такие бывают над островами, особенно где есть горы. Значит, это Питкэрн, и до него световой день пути на каноэ!

По моим расчетам, до цели нам оставалось километров восемьдесят – восемьдесят пять, то есть Тонга была права. Я кивнул, подумав, что острова в океане, оказывается, видны довольно-таки издалека и промахнуться мимо них не так просто даже такому штурману, как я.

В четыре часа пополудни стало видно сам остров, а около семи мы уже входили в маленькую бухточку на его северо-востоке. Высадиться на Питкэрн можно было только тут.

То, что остров обитаем, мы заметили примерно за километр, а нас явно обнаружили существенно раньше. Потому как около бухточки собралась небольшая толпа, а по мере приближения стало видно, что она приплясывает, а потом и слышно, как вопит. Там было человек двадцать, в основном женщин, и ни у кого не наблюдалось ничего похожего на оружие. Видимо, здешние островитяне были очень рады гостям из океана.

Однако следовало сразу показать, что мы очень непростые гости, и я перекинул тумблер на коробке усилителя рядом с рацией в каюте. Из динамика на мачте полилась громкая музыка – «Амурские волны» в исполнении симфонического оркестра. Без слов: этот вальс мне больше нравился в таком виде. Островитяне и островитянки замерли с открытыми ртами, и с последним аккордом «Аврора» уткнулась носами в серую гальку бухточки и, чуть скрежежтнув стальными киями по ней, по инерции продвинулась еще на метр и встала.

Место, куда мы пристали, на гугловской карте называлось «бухта Баунти». Но явно не потому, что сюда заходил этот корабль, так как, будь «Аврора» всего раза в два побольше, и она бы тут не поместилась. То есть остров мог дать хоть какое-то укрытие только очень небольшим посудинам.

Ханя с Тимом сошли на берег и затараторили на своем родном языке. Я пока оставался на катамаране, изображая из себя группу огневой поддержки на всякий случай. Но, понятное дело, никакого такого случая не приключилось. Зато сразу стало понятно, что и мои, и здешние островитяне говорят на одном языке, никаких трудностей с пониманием друг друга у них нет. Что неудивительно, ибо их предки не так давно прибыли и туда, и сюда с одной и той же Мангаревы.

Пока молодые люди заливались соловьями, расписывая, кто мы такие, откуда взялись и какая замечательная жизнь теперь может настать на Питкэрне, я рассматривал их слушателей, а точнее, в основном слушательниц.

Как уже говорилось, воспринимать обитательниц Хендерсона в качестве женщин у меня до сих пор не получалось. Однако вот этих – можно, причем совершенно без насилия над собой. Вон та, высокая, она хоть и тощая, но очень и очень даже ничего, несмотря на почти незаметную грудь. Зато у ее соседки с этим все в порядке, на двоих хватит, если не на троих. А этой, что стоит ближе всего, лет, пожалуй, побольше, где-то на вид под тридцать, но зато глазками-то как стреляет и попой как вертит!

Тут мое внимание привлекла еще одна представительница прекрасного пола, до этого момента прятая за широкой фигурой сисястой соседки высокой девицы. Совсем

молодая девчушка, кажется, даже моложе Хани, но какая красавица будет, когда вырастет!

На этом я с некоторым сожалением вынужден был приказать себе отставить пока неуместные мысли. Потом разберемся, кого тут, как и в каком порядке, да еще чтобы хендерсонские тетки не восприняли мои действия как дискриминацию. А пока, кажется, пора сходить на землю, Ханя уже явно о чем-то договорилась.

Так и оказалось.

– Ник, они очень рады и приглашают нас наверх, где их дома, сейчас там будет праздник в честь нашего прибытия.

Я забросил за плечи рюкзак с подарками, и вскоре мы в сопровождении толпы островитянок двинулись по тропинке, поднимающейся по склону горы, у подножия которой располагалась бухта Баунти.

Пока мы шли, в голову пришла мысль, как объяснить избирательность моего мужского интереса. Мол, люди Хендерсона для меня как младшие братья и сестры, если не вовсе дети. А вот эти мне не дети! Тьфу, да что же это я стихами-то заговорил? Вроде только позавчера общался с одной подругой на своем московском диване. Хотя это по тому календарю было позавчера, а по моим часам прошло уже больше месяца! То-то на поэзию потянуло, аж джинсы спереди давят. И эта, которая с попой, она ведь специально, чертовка, выбрала место в колонне прямо передо мной! Интересно, надолго ли затянется их праздник? И как быть с палаткой – самому за ней идти или послать кого-нибудь, а то в каюте «Авроры» тесно и неудобно, да и неохота выгонять оттуда Тонгу с Манюней, которые, как и положено экипажу, пока остались на корабле.

Деревня, или стойбище, оказалась сравнительно недалеко, метрах в трехстах по тропинке от бухты. Она состояла из десятка шалашей, но живых. То есть молодые деревца были стянуты вершинами и обсажены какими-то вьющимися побегами. А ничего так, довольно удобно и стильно, признал я, заглянув в один такой домик. Правда, такая крыша может протекать, но, наверное, именно поэтому все шалаши располагались под развесистыми деревьями с густой листвой, которые росли небольшой группой именно здесь.

В деревне горел костер, от которого уже пахло чем-то съедобным. Как оказалось, не все население Питкэрна кинулось нас встречать – пять человек сразу занялись приготовлением угощения.

Я выложил из рюкзака тушенку, которую Тим сразу начал открывать, галеты, конфеты и кока-колу. Начался праздничный ужин, в процессе которого Ханя доложила мне обстановку на Питкэрне.

Жить тут было все-таки малость посытнее, чем на Хендерсоне, ибо здесь в достатке имелась пресная вода, и захваченный еще с Мангаревы сладкий картофель продолжал давать урожаи. Собственно, им нас и угощали. Клубни, переложенные какими-то травками, по вкусу напоминающими петрушку, жарились на палочках. Однако неплохой получается шашлычок, признал я.

Но все-таки у здешних чувствовался недостаток животных белков – ведь ловля рыбы на Питкэрне была сопряжена с немалыми трудностями, а из птиц к настоящему моменту остались только самые осторожные. Однако беда пришла к островитянам не с продовольственной стороны. В данный момент на острове происходил первый акт демографической катастрофы.

Дело в том, что при столь малой численности населения соотношение мужчин и женщин сильно зависит от случая. На Хендерсоне их было примерно поровну, но даже там имелись трудности с комплектованием пар по принципу недопущения близкородственных браков. Здесь же так получилось, что почти пятнадцать лет подряд рождались одни девочки. В результате сейчас на острове имелось всего двое мужчин, которые, несмотря на возраст, еще что-то могли, но уже очень редко. Ситуация усугублялась тем, что они были братьями. И два пацана трех и семи лет – дети одного из них! Если не считать вождя, сморщенного и седого старика, все половые подвиги которого остались в далеком прошлом, больше мужчин на острове не было.

Праздничный ужин закончился не менее праздничной ночью, которую я провел почти без сна в своей роскошной палатке «Килкенни». Сначала ее опробовала обладательница попы и глазок, оказавшаяся на редкость энергичной и неугомонной. Но дама имела совесть и, увидев, что сил у меня осталось не так уж и много, знаками сообщила: моего внимания жаждут и ее подруги. Я в ответ, тоже знаками, объяснил, что длинную и тощую можно запускать прямо сейчас, а сисястая пусть подождет до завтра: мы еще никуда не уплываем.

Глава 14

С утра я, зевая, прошелся по острову в сопровождении Тима, Хани и младшего из двух братьев-мужчин. Меня интересовали породы местных деревьев применительно к постройке большого катамарана. Потому как покупать в двадцать первом веке хорошие доски – удовольствие не из самых дешевых. А младший брат был кем-то вроде местного столяра и поэтому смог стать квалифицированным экскурсоводом.

Разумеется, перед визитом на остров я посмотрел, что про него пишут в интернете. Так вот, писали довольно много, но про свойства местной древесины не было вообще ничего. Всякая ботаника рассматривалась всего с двух точек зрения. Либо «ах, какая экзотика», либо «ох, какие большие ягоды или еще что-то съедобное». Кстати, половины из описанного сейчас на Питкэрне не было – хлебного дерева, например.

Быстро выяснилось, что древесины особо прочных пород, наподобие хендерсонских красных деревьев, тут нет. Но все-таки имелось что-то вроде бука, которое по-местному называлось «пау-ану». Я назвал это дерево платаном – по созвучию и из тех соображений, что очень смутно представлял себе, как может выглядеть настоящий платан.

Кроме того, тут встречалось нечто хвойное. Если взять ель, заменить ей иголки на сосновые, потом увеличить их в два раза и повернуть каждую ветку на сто восемьдесят градусов, то как раз и получится это самое дерево, которое я без особых затей поименовал елкой. Младший брат показал, как оно выглядит в обработанном виде, – мне понравилось. Вроде сосны, но с более мелкими волокнами и, кажется, несколько прочнее при том же весе. То есть прекрасный материал для обшивки, тем более что островитянин заверил меня – он знает, как выбирать деревья, чтобы в стволах было меньше сучков. В ответ я объяснил ему правила нашей будущей торговли. Образцы ножей, рыболовных крючков, лесок, веревок и прочих мелочей островитяне уже получили. Теперь от них требовалось организовать лесопилку, оборудование для которой предоставлю я, и гнать брус двести на двести из платана и елки. Транспортировку мы берем на себя.

В принципе конечно, можно было возить брус и на катамаране, но меня это как-то не прельщало. Потому как гланды, наверное, тоже можно исхитриться вырезать через задницу, но зачем? У меня же три кристалла, и можно прекрасно организовать тут еще одно место открытия перехода. То есть пропихивать доски отсюда в двадцать первый век, а оттуда – на Хендерсон. Все лучше, чем таскать их по океану: тут на одном бензине разоришься. Три с половиной двадцатилитровых канистры в одну сторону, а на полностью загруженном катамаране будет и больше.

Вскоре было найдено место для будущей лесопилки. У него было сразу два плюса – высота двести метров над уровнем океана, что обещало меньший перепад давления с Москвой, а также расположенные рядом рожицы платанов и елок. Велев островитянам строить тут сарайчик для техники, я отправился вниз, к «Авроре».

Ближе к вечеру мне удалось открыть переход в гараж, и вскоре началось перетаскивание заранее приготовленных железяк. Бензопила, несколько ручных пил и топоров, три рулетки, разобранный пилорама по образцу хендерсонской, три пятидесятилитровых бидона с бензином и килограммов пятнадцать всякой мелочи, в основном веревок и гвоздей. В качестве аванса я отдал островитянам все пакетики с остатками семян, включая цветы – почва тут куда плодороднее, чем на Хендерсоне, воды достаточно, авось и вырастет что-нибудь, а не только горох.

К своей палатке я вернулся поздним вечером, где обнаружил шестерых девушек, уже рассеявшихся в порядке очереди. Причем последней сидела та самая молоденькая девчушка, на которую я обратил внимание еще в бухте. Пришлось звать свою переводчицу и объяснять пигалице, что педофилия в число моих хобби не входит. Вот подрастешь, пообещал я ей, и, если не передумаешь, даже в жены возьму.

До этих слов пигалица выглядела расстроенной донельзя, но тут воодушевилась и победно посмотрела на впереди сидящую часть очереди. Однако девиц, похоже, такая дискриминация тронула не очень, так что всю ночь мне пришлось трудиться в поте... э-э-э... ну, будем считать, что лица. Под утро я какой-то крабьей походкой выполз из палатки, покопался в своем рюкзаке, и вскоре перед моим временным жилищем красовался столбик с табличкой «закрото на переучет». Хватит, во всем нужно соблюдать меру, так и до инвалидности недалеко.

Наша стоянка на Питкэрне продолжалась две недели. Столько времени потребовалось, чтобы обучить столяра и его брата обращению с бензопилой и пилорамой. Поначалу у меня вообще были мысли бросить это дело и привезти сюда Марика с его дядей Тимуром, которые неплохо освоили эти предметы на Хендерсоне. Но я не поддался настроению, хотя первое время мне по несколько раз на дню казалось, что вот сейчас-то наконец братцы отрежут друг другу руки, ноги или еще что-нибудь не менее нужное, на чем вся механизация и кончится. Но как-то обошлось всего несколькими неопасными царапинами.

Что удивительно, вождь освоил рацию на удивление быстро, причем самым сложным для него оказалось слово «прием», которое надо было говорить, прежде чем отпускать кнопку включения передатчика. А вот что такое часы, он понял сразу. Правда, я вручил ему не цифровые, а стрелочные, да и то всего с четырьмя цифрами. От вождя требовалось запомнить, что на связь надо выходить, когда маленькая стрелка спрячется за большой, а та коснется точки под цифрой «двенадцать», причем днем, а не ночью. Делать это следует каждые третьи сутки, начиная от первого сеанса.

В общем, я вернул аппаратуру перехода обратно на «Аврору», и мы начали собираться. Когда здешние лесорубы напилят достаточное количество груза, сюда приплывет катамаран и снова привезет ее, а пока она тут без надобности. Во-первых, мало ли что взбредет в головы аборигенам? А во-вторых, при оставлении здесь одного кристалла время в двадцать первом веке всегда будет идти медленнее, чем в этом мире, что меня категорически не устраивало.

Но вот наконец все было собрано, и ранним утром «Аврора» пустилась в обратный путь. Сейчас на ее борту находилось уже не пять, а семь человек. Моя «будущая жена», оказываясь, решила, что я приглашаю ее на Хендерсон. А то как же так – вдруг, когда она повзрослеет, меня не окажется рядом? Впрочем, девочка казалась сообразительной, за две недели выучила несколько десятков русских слов и даже потихоньку пробовала ими пользоваться, так что я не возражал. В общем, ей было торжественно присвоено имя Света, чем-то созвучное ее первоначальному, и она перебралась из стойбища на «Аврору».

А накануне отплытия, вечером, число пассажиров катамарана увеличилось еще на единицу. Девица, которую я поначалу определил как «длинную и тощую», но в процессе палаточных упражнений приучил откликаться на «Таню», тоже пожелала плыть с нами. Это, кажется, была целиком Ханина заслуга. Во всяком случае, именно она объяснила Тане, что ждать, пока повзрослеет Света, я буду не месяц и не два, а как минимум года три. И что своей женщины на Хендерсоне у меня нет, ибо все они мне как сестры и дочери.

Плавание обошлось без приключений и закончилось в пять вечера, потому как на обратном пути ветер стал чуть посильнее, где-то балла три-четыре, и катамаран держал скорость порядка пятнадцати километров в час. И, значит, в конце пути ткнулся носами в песок пляжа напротив верфи, а затем был вытаскен на берег. Я пошел к дому. За мной, озираясь, следовали дамы, тащившие палатку «Килкенни» – пока это будет их обиталище: у

меня все-таки довольно тесно, чтобы селить еще двоих.

Вернувшись на свой остров, я в полном соответствии с планами приступил к подготовке приглашения в гости борца с экономической преступностью. Для чего из арматуры была сварена клетка размерами восемьдесят сантиметров на метр и высотой метр восемьдесят пять. Она состояла из двух частей – пола и стен с потолком. По границе был пущен уголок с отверстиями под болты. Если проложить там текстолит, а болты пропустить через изолирующие втулки, то стены и потолок клетки будут изолированы от пола.

Закончив работу, я залез в свое изделие и попытался прикинуть, каково тут будет сидеть при подаче некоторого напряжения. И вскоре пришел к выводу, что все-таки слишком комфортно. Поэтому, взяв строительных гвоздей, не поленился приварить штук тридцать – естественно, остриями внутрь. Вот теперь уровень внутриклеточных удобств стал соответствовать задаче, и я отправился в радиомастерскую. Чтобы спаять регулируемый источник тока, потребуется вечера три-четыре. Почему так много? Ну, я же не собирался халтурить, а хотел сделать нормальное устройство. С холостым ходом порядка киловольта, регулируемым постоянным током от нуля до тридцати миллиампер плюс возможность выдачи коротких импульсов до трети ампера, причем как одиночных, так и пачками. Кроме того, оставалось съездить к бывшему центральному аэропорту и провести последнюю разведку перед операцией – это уже в Москве.

Клиент подъезжал к «Триумф-паласу», где он жил, со стороны Новопесчаной улицы. Дорожка тут делала поворот налево, потом направо. Единственный фонарь, хоть как-то освещающий это место, я полчаса назад разбил из «кастрата». А потом подъехал сюда на скутере, где была установлена аппаратура перехода, завел его за кусты, открыл унитаз и разложил инструменты – мол, ремонтируюсь, если кто заинтересуется. Но таковых не было: пешеходы тут ходили редко.

Вот появился знакомый «порше». Убедившись по номеру, что никакой ошибки нет, я на секунду включил переход. Огляделся – с земли этого вроде не увидел никто, на Хендерсоне тоже было темно. Правда, операцию могли пронаблюдать из окон высотки и стоящей чуть позади девятиэтажки, но что они могут увидеть без специальной аппаратуры? Только то, что свет фар был, а тут вдруг исчез.

В общем, решив не волноваться зря, я быстро собрал барахло, сел на скутер и отправился в гараж.

На Хендерсоне было три пятнадцать утра, восток уже начинал розоветь. Застрявший в кустах и камнях «порше» очень выразительно смотрелся на фоне океана, но его пассажиру, кажется, было не до красот природы.

Ханя с Тимом, предупрежденные о том, что это очень опасный человек, стрелять в которого нужно без малейших колебаний по первому же сигналу, лежали в укрытии. Мы с Полем сидели чуть в стороне и в ночные бинокли наблюдали за действиями гостя. Я не спешил – пусть он побольше себе навоображает, проникнется своим положением, – тогда рад будет увидеть человека, предложившего ему помощь. То есть меня. Кроме того, если у него есть с собой пистолет, то он, наверное, его достанет, предположил я.

Но клиент ничего такого не доставал. Почти час он не решался выйти из машины. Но наконец, когда уже рассвело, вылез оттуда, несколько раз обошел ее кругом, все более перекашиваясь рожой, и вдруг начал биться головой о капот.

Решив, что пора, я вылез из укрытия и, что-то фальшиво насвистывая, двинулся в сторону «порше». На мне были шорты, широкая клетчатая рубаша, под которой не бросалась в глаза кобура с револьвером, и соломенная шляпа. На нос я для придания внешности большей безобидности нацепил очки с простыми стеклами. Держа на плече сачок для ловли бабочек и смотря в небо, я приближался к автомобилю, делая вид, что не замечаю его.

Но вот вдруг заметил, соорудил потрясенное лицо и завопил по-английски:

– О боже! Как вы ухитрились приехать на остров Хендерсон? И откуда?

Ну должен же этот урод знать английский, если отдыхает он то на Гавайях, то на Канарах, причем иногда по два раза в год.

– О, извините, позвольте представиться, – спохватился я. – Макс Отто Поупугаймер, доктор энтомологии, профессор, Оклендский университет. С кем имею честь?

Оперуполномоченный проблеял нечто невразумительное.

– Наверное, у вас случилась какая-то драма, и вам необходима помощь, – предположил я. – Нужно сообщить на большую землю. Пойдемте, радиорубка неподалеку.

И, деликатно взяв гостя за рукав, повлек его вдоль берега. Он не сопротивлялся, и вскоре мы подошли к маленькому, чуть побольше туалетной кабины, зелененькому домику со спутниковой тарелкой на крыше.

– Прошу, – я гостеприимно распахнул дверь.

Гость заглянул внутрь, где было темно, но тут я мощным пинком вбил его в клетку, захлопнул дверцу, которую теперь было не открыть без ключа, и несколькими движениями развалил гипсолитовые листы, из коих и был на скорую руку составлен «домик». Так что клиент теперь мог осознать, куда он попал: в тесную стальную клетку с толстыми гвоздями, торчащими внутрь. И все это посреди тропической зелени на фоне океана.

Выждав примерно минуту, чтобы человек дозрел, я вновь обратился к нему, теперь уже на чистом русском:

– Значит, так, урод. Ты попал. Раздевайся.

– Ч-что?

Вместо ответа я поднял с земли заранее принесенную и спрятанную в кустах паяльную лампу, разжег, отрегулировал подачу на избыток бензина, так что она давала не факел, а горящую струю, и направил ее на собеседника.

Минуты три он бился в клетке, взвизгивая при каждом контакте с гвоздями, и пытался потушить пиджак. Наконец ему это удалось, и я продолжил:

– Раздевайся догола, козел. Не захочешь – сожгу все шмотки прямо на тебе. Ну?

Подошедший Поль с интересом смотрел на разворачивающееся действие. Ханя с Тимом, как им и было сказано, ушли сразу после загрузки гостя в клетку. На то, что за этим последует, молодым людям смотреть было пока рано.

Во внутреннем кармане пиджака нашелся бумажник с удостоверением, правами, кучей кредиток и тридцатью одной тысячей рублей. Кроме того, там было пять стодолларовых бумажек. Эти-то зачем, его что, ностальгия по девяностым одолевает, подумал я и поглядел на жирные загорелые тела пленника. Жалко, я думал, он будет белый и хорошо обгорит на солнце. А тут вон, даже полоски от плавок нет. Хотя откуда ему быть белым: солярий по его меркам стоит сущие копейки. Ладно, введем человека в курс дела.

– Слушай сюда, насекомое. Если от тебя не будет никакой пользы, ты так и сдохнешь в этой клетке. Твоя поганая жизнь стоит полмиллиона рублей. Свобода на этом острове – пять миллионов. Возвращение домой – те же пять миллионов, но только долларов. Ты должен придумать, как я получу деньги налом, не предъявляя документов и не оставив никаких следов ни в бумагах, ни в электронных носителях. Следующая наша встреча произойдет часов через пять, так что время у тебя есть.

С этими словами я отошел, присел и включил ток. Пока немного, всего десять миллиампер.

Пленник взвыл, отлип от дверцы, но напоролся спиной на гвозди, взвизгнул, потрепыхался, наконец догадался встать так, чтобы ничем не касаться стенок.

– Пойдем, в ближайшее время ничего интересного тут не будет, – пояснил я Полю. – Вернемся после обеда.

И мы пошли, провожаемые полубезумным взглядом стоящего в клетке голого человека.

Глава 15

Когда мне стукнуло семь лет, я впервые встал на коньки. Коньки были антикварные –

на них в свое время учился кататься отец. Из памяти стерлось их название, помню только, что они были толстые, довольно низкие, с завитушками на носках и крепились к валенкам при помощи брезентовых ремней. Так вот, поначалу у меня не получалось вообще ничего. Затем стало выходить какое-то убогое подобие движения вперед, перемежаемое регулярными падениями. И на этом прогресс остановился, а вскоре наступила весна. Когда же в январе следующего года отец вновь загнал меня на каток, случилось то, что по молодости лет показалось мне чем-то вроде чуда. Я вдруг поехал! Не совсем так, как ребята, игравшие в хоккей на нашем дворовом катке, но все же вполне прилично. Уже потом я узнал, что это нормальное явление. Во многих делах применим именно такой алгоритм – сначала составить общее представление о предмете и набить шишки. Потом сделать перерыв, и есть немалая вероятность, что после него все пойдет как надо.

Так вот, изучение Полем русского языка происходило похожим образом. Как-то говорить он начал довольно быстро, но на спряжении глаголов застрял. Ситуация усугублялась тем, что парень имел аналитический склад ума и просто не понимал, зачем вообще это нужно. Ведь всех тонкостей имеющиеся формы глаголов все равно не передают! То есть их, по его мнению, должно быть или гораздо больше, или вообще нисколько.

Кстати, тут он явно был в чем-то прав. Ведь по-русски нельзя описать, как что-то сделано в настоящий момент! Если «сделано» – значит, в прошлом, когда-то и кем-то. А если «делается» – то это... ну, в общем, сами понимаете. Типа – начальник, работа делается. Когда будет сделана? Скоро. Вот как только, так сразу. В общем, когда-нибудь она будет закончена!

Все правильно, переход от настоящего несовершенного к будущему очень логичен.

После чего просто обязан последовать вдумчивый перекур.

Да, с точки зрения физики все правильно. Нет никакого настоящего времени, любое событие может быть или в прошлом, или в будущем, хоть на микросекунду. Но вот с житейской – не очень. Помните – «есть только миг между прошлым и будущим»? Так вот, для описания совершенных во время этого мига действий в русском языке просто нет соответствующей формы глагола. Не знаю, что тут первично – наш национальный характер, нашедший такое отражение в языке, или привнесенный Кириллом, Мефодием или еще кем-то язык, вот так повлиявший на характер. Но сам факт от этого никуда не исчезает.

В общем, спряжения глаголов Полю не давались. Долго, до момента отбытия экспедиции на Питкэрн. Но когда мы вернулись, я с удивлением обнаружил, что Поль говорит по-русски почти правильно, практически не путаясь в падежах и спряжениях.

И, значит, после того, как мы отошли от клетки с пленником, он спросил:

– Ник-ау, чей враг этот человек? Только твой или и наш тоже?

– Разумеется, и ваш. На Хендерсоне таких нет, но там, откуда я пришел, их много. И здесь они есть, только пока далеко, в месте, которое называется Европа. Эти люди считают, что у них есть врожденное право присваивать то, что произвели другие, ничего не давая взамен. И ради этого готовы лишать свободы и жизни всех несогласных.

– Кто дал им это право?

– Никто. Они сочинили его сами, написали на бумаге и назвали законом.

– Да, тогда это враги всего племени, – согласился Поль. – Но у нас тоже были такие, это Камир и Тапу, хоть они ничего и не писали. Но сейчас их нет. Значит, я был прав.

– Да, так и есть. И ты будешь прав, когда убьешь оставшегося в клетке мерзавца. Именно ты сделаешь это, когда он перестанет быть нужным. Потому что мой враг – это мое личное дело. Могу прибить, могу простить. Но врага всего племени нельзя оставлять в живых. Милость к такому обязательно обернется жестокостью по отношению к своим. И значит, именно тебе, родившемуся на Хендерсоне, нажимать на спусковой крючок.

Поль задумался, а потом спросил:

– Сколько времени у меня на то, чтобы придумать доброе слово, которое я скажу ему перед выстрелом?

– Э-э-э-э... дня два, наверное. Или полтора.

– Спасибо, Ник-ау, этого хватит, чтобы придумать очень хорошее слово.

Гость из будущего прожил на Хендерсоне двадцать девять часов. За это время он сообщил пин-коды четырех кредиток, причем я возвращался к вопросу три раза – и всегда получал одинаковые ответы. Еще один он не помнил, а с последним запутался. Потом, придя в себя после трех стомиллиамперных импульсов, он два раза подряд назвал одни и те же цифры, но я решил не рисковать. И спросил урода, где расположены камеры видеонаблюдения в тех местах, где он уже снимал деньги. И каков лимит, до которого съем считается штатным и не привлекает излишнего внимания. Тут пленник начал плести, что он не знает, но еще два импульса привели его в конструктивное настроение. Правда, не сразу: сначала он плакал и с ужасом смотрел на кровь, льющуюся из обильных порезов, потому как от импульса в сто миллиампер, пусть и очень короткого, человек бьется в судорогах. Короче, он поведал, что два раза снимал по сто тысяч, и никаких вопросов не возникало.

Но вообще, конечно, я испытывал некоторое разочарование. Ведь надежда-то была на какие-нибудь секретные счета где-нибудь на Крокодиловых островах. Типа прихожу я в тамошний банк, где, даже не показывая паспорта, говорю пароль, по которому мне тут же выносят чемоданчик-другой долларов. Однако хрен, в наличии таких счетов собеседник не сознался, несмотря на мои старания. Зато рассказал о тайнике в квартире своей любовницы, где хранилась сумма, которой должно было хватить на свободу в пределах острова. Кроме того, он по своей инициативе поделился сведениями о сослуживцах, кои, по его словам, тоже творчески подходили к пониманию тонкостей служения закону и потому были весьма небедными людьми. В благодарность за что я кинул ему четырехсотграммовую бутылочку с водой и даже не стал включать ток, уходя. Предстояло не менее сложное, чем приглашение гада на Хендерсон, дело по изъятию части его средств.

Любовница жила одна, и пленник показал мне, какой из ключей на связке от ее квартиры. Поэтому в восемь утра, последовавшего после вечерних событий у бывшего центрального аэродрома, я стоял на остановке «Улица академика Варги». Вот и она, клиент описал девушку довольно точно. Дождавшись, пока любовница погрузится в автобус и отбудет к месту своей службы, я перешел дорогу и вскоре оказался во дворе ничем не примечательной девятиэтажки. Поднялся на четвертый этаж, открыл квартиру ключом и зашел.

Тайник обнаружился именно там, где и было обещано: в торце антресоли между санузелом и кухней. Вскоре я извлек оттуда девять пачек пятидесятичных купюр, две – с портретами Франклина и приличную россыпь евро в полиэтиленовом пакете. И еще один пакет с чем-то твердым внутри. Развернув его, я присвистнул. Так вот ты какой, знаменитый «глок»! И теперь понятно, что послужило источником вдохновения для дизайнера ижевского «кастрата». Защитная скоба, во всяком случае, была слизана один в один, да и в общем стиль обоих пистолетов имел что-то неуловимо похожее. Очень хорошо, вот только патронов мало, всего две обоймы. Интересно, по сколько их в каждой? Но считать я не стал, быстро побросал трофеи в рюкзак, привел тайник и антресоль в первоначальное состояние, после чего покинул квартиру, не забыв запереть дверь. Чем позже поднимется тревога, тем лучше. Тем более что урод утверждал: любовница вообще не знает о существовании тайника.

По возвращении состоялся разговор с Полем. Я показал ему деньги и пояснил, что на эти бумажки можно обменять все необходимое для постройки корабля. Но ведь это не последнее, что может понадобиться племени! На что-нибудь точно не хватит. И значит, можно добыть еще этих самых денег. Но немного, причем добыча будет сопряжена с риском, хоть и небольшим. Но смертельным. И рисковать придется именно ему, Полю.

В принципе рассматривался вариант, при котором могу пойти я, но от него пришлось отказаться, и вот почему. Ведь расследоваться-то будет не незаконное получение кем-то какого-то жалкого миллиона или нескольких, а исчезновение сотрудника полиции! Причем не простого, а хорошо коррумпированного, из-за чего искать его станут куда старательнее. Просто потому что начальство сильно забеспокоится – а не выкрали ли его с целью

расспросить про нас, таких белых, пушистых и со средствами, даже отдаленно не коррелирующими с должностными окладами? В том же, что оное начальство относится именно к такой категории, никаких сомнений быть не может.

Значит, все мои изображения будут внимательнейшим образом изучены. И, как бы я ни гримировался, на чем-нибудь да спалюсь. А если пойдет Поль, то компетентные органы увидят мелкого и тощего, да к тому же еще и цветного иностранца. Потом привлекут экспертов, и те определят, что это полинезиец. То есть чем тщательнее пойдет расследование в этом направлении, тем лучше: ко мне не потянется ни одной ниточки.

Поль согласился сразу. Ведь это было нужно для племени! Но перед тем как начать тренировки по обращению с банкоматами, мы сходили к клетке. По времени острова подготовка могла занять недели две, а зачем нам теперь живой пленник? Тем более что его раны уже загноились, да и вообще, кажется, он малость поехал крышей.

Но крыша крышей, а интуиция у пленника работала без сбоев. Несмотря на то что кобура с наганом висела у меня открыто, а Поль держал руку с «глетчером» за спиной, убийца моего отца с ужасом смотрел именно на Поля. И даже попытался что-то сказать, но не смог.

А Поль вышел вперед и произнес свое слово:

– Тебе обещали свободу, и сейчас ты ее получишь. Ибо живой человек не может быть свободным. Он или слуга долга перед племенем, или раб своих страстей, как ты. Обрети же свободу, плохой человек!

Негромко хлопнул выстрел. А потом, когда тело с дыркой во лбу осело, еще один – контрольный.

Я выстрелил в воздух из нагана, который в отличие от бывшего пневматика грохал очень прилично. Минут через пять прибежал Марик. Я тем временем достал из-под куста, где у меня было сложено все необходимое для допросов, кусок брезента с двумя веревками и расстелил его перед дверцей. Открыл дверь, тело вывалилось. После чего мы с Мариком отволокли брезент к обрыву и скинули содержимое в океан.

Начались тренировки. Сначала Полю были показаны фотографии банкоматов и рассказано, что это такое. Потом он на ноутбуке тренировался вводить пин-коды, а я сделал из фанеры пару хороших макетов, потому как банкоматы в местах предполагаемого изъятия денег были разные. Параллельно с этим Поль привыкал к одежде. Подумав, я решил оставить ему ту палку, с которой он ходил на острове. Лично вырезанная им из красного дерева, она выглядела хоть и кустарно, но стильно. Затем молодой человек совершил несколько экскурсий в двадцать первый век, не вызвавших, к моему удивлению, ничего даже отдаленно похожего на культурный шок. Парень просто собирался на важную и опасную работу, поэтому внимательно изучал местность, где ему придется действовать, вот и все.

К сожалению, предварительно потренироваться с моей зарплатной карточкой ему было нельзя. Я исходил из того, что все происходящее около банкоматов пишется. И значит, портрет Поля обязательно будет внимательно рассмотрен: ведь очень скоро выяснится, что оперуполномоченный пропал, и начнется расследование, фигурировать в котором мне было никак нельзя. Так что придется отважному аборигену выходить на дело сразу. И не просто так, а с ампулой, которую я ему дам. Разговор про это уже был.

– Если тебя попытаются задержать, придется умереть, – объяснил я Полю. – И револьвер твой тут не поможет. У тех, кто охраняет покой и комфорт владык того мира, оружие гораздо лучше. Тебя все равно возьмут, если уж будет принято такое решение, и ты все равно в конце концов умрешь. Но перед этим расскажешь все, что ты знаешь обо мне и о моем острове. Поэтому я дам тебе маленькую стеклянную ампулу, вот такую. Если положить ее в рот и разгрызть, то проживешь ты после этого всего несколько секунд. А револьвер не бери. Стражи того мира умеют смотреть сквозь одежду.

И вот солнечным апрельским утром моя «девятка» подъехала к пробке на проспекте 60-

летия Октября, но не полезла в нее, а свернула вправо, к общежитиям, и остановилась. Все равно у центрального офиса Сбербанка не встанешь. Собственно, из-за него здесь всегда пробка, и это при том, что на огороженной территории поместилась бы не одна, а как минимум три автостоянки потребной емкости. Но там вместо них был здоровенный фонтан – видимо, необходимый дирекции для возвышенных размышлений. А пробки ее волнуют не очень: у приличных людей в отличие от быдла для этого есть мигалки.

Полю предстояло пройти метров триста, зайти в Сбербанк и получить там деньги по двум карточкам. Потом по диагонали, в два приема преодолеть перекресток и оказаться у Росевробанка, где повторить операцию. Я за это время развернусь, тут есть где, и сначала по улице Дмитрия Ульянова, а потом Вавилова подъеду к ИНЭОСу¹, здание которого имеет характерную мозаику, ее ни с чем не спутаешь.

Поля не было довольно долго, я уже начал волноваться, но потом сообразил, что при расчете времени использовал скорость своей ходьбы. А он передвигается заметно медленнее, так что еще минут пять можно ждать спокойно.

Через три минуты сзади появился хромающий силуэт, и вскоре мы уже ехали в сторону Черемушкинского рынка.

Усевшись, Поль первым делом пристегнулся, затем выплюнул ампулу, достал из кармана карточки и пачку красных бумажек. Передал мне и не спросил, а констатировал:

– Я все сделал правильно. Было совсем не страшно.

– Ты молодец, – подтвердил я. – На добытые тобой деньги можно купить два отличных мотора для нового корабля. Которые будут настолько лучше того, что стоит на «Авроре», насколько стальные рыболовные крючки лучше тех, что ты делал из ракушек. Если хочешь, я изготовлю пару металлических табличек, где будет написано, что эти моторы приобретены вследствие великого подвига, совершенного отважным островитянином по имени Поль. Мы их установим прямо на двигателях. Такие моторы служат очень долго, и таблички смогут прочитать не только твои будущие дети, но и их внуки.

И тут этот убийца, которым я уже помаленьку начал его считать, всегда невозмутимый, с бесстрастным лицом и недрогнувшей рукой не раз стрелявший в людей, потряс меня. Он с таким детским изумлением посмотрел на мою персону и столь восторженно выдохнул: «Правда?» – из-за чего всю дорогу до гаража меня мучило подозрение, что на самом деле я куда большая сволочь, чем всегда себе казался.

Но, как бы то ни было, деньги, добытые Полем, обязательно пойдут на пользу племени.

Глава 16

Все на свете когда-нибудь да кончается. Кончились и наши с Полем ковбойские скачки за деньгами, причем, тьфу-тьфу-тьфу, вроде благополучно. Теперь о них напоминала только прикрытая брезентом клетка и «порше» в двухстах метрах от нее. Около машины постоянно сустились несколько аборигенов с ключами и отвертками. Их задачей было откручивать все, что откручивается, и складывать под навес, возведенный рядом. Пока особых результатов не наблюдалось, но спешить было некуда. Пусть люди спокойно, без суеты учатся обращаться с инструментом.

Поль уже вторую неделю безвылазно сидел в моем доме на карантине. Но все-таки Сбербанк – это не метро, в нем гораздо меньше вероятность того, что на тебя начихают, так что, кажется, все обошлось и на днях молодого человека можно будет выпускать. Впрочем, он совершенно не страдал от своего вынужденного заключения, потому как был занят. Парень делал винтовку под патроны МПУ, и мое участие в этом процессе было минимальным, а сам он близился к завершению.

У меня же и кроме винтовки было полно дел, причем в обоих мирах. Но перед ними я

¹ Институт элементоорганических соединений РАН (Российской академии наук).

не удержался и полдня возился с «глоком», сначала разобравшись, как он устроен, а потом расстреляв шесть патронов. Кстати, в каждой обойме их оказалось по семнадцать.

Пистолет мне понравился. Опасения, что из-за своей пластмассовости он проживет недолго, оказались несостоятельными. Все, что нужно, там было стальное. А вот его предохранитель мне очень понравился. Точнее, их оказалось два, но один просто не давал ударнику двигаться при отжатом спусковом крючке. Второй был расположен прямо на нем, но не раком, то есть сбоку, как у «кастрата», очень там неудобная пипка, а спереди, и выглядел как небольшая дополнительная клавиша. Он выжимался тем же движением, что и спусковой крючок. То есть этот пистолет, как и мой наган, в заряженном виде был всегда готов к стрельбе, но и ход крючка, и его усилие у «глока» были существенно меньше. А вот отдача сильнее, тут никуда не денешься: все-таки у австрийца куда более мощный патрон.

Прочитав про свое приобретение в интернете, я проникся: один источник утверждал, что живучесть этой машинки составляет триста тысяч выстрелов. Это сколько же десятилетий подряд воевать можно? И, главное, где взять эти самые тысячи?

Однако на этот вопрос ответ у меня уже был. Как это где? Естественно, в колыбели демократии, то есть Соединенных Штатах Америки. Триста, может, и не триста, но пару тысяч я там точно как-нибудь приобрету.

Именно из этих соображений в двадцать первом веке я сейчас занимался подготовкой к трансатлантическому вояжу. Списался со своим школьным приятелем Женей Зябликовым, которого на фоне моих нынешних знакомых можно было безо всякой натяжки считать закадычным другом, получил приглашение и теперь ждал визу.

На Хендерсоне же началась подготовка к строительству большого катамарана. Правда, пришлось признать, что с сорока тоннами водоизмещения я слегка погорячился: тридцати хватит. Ведь мне совершенно не нужно грузить на него все племя! Достаточно команды из нескольких человек, а оставшиеся потом перейдут на новое место по оборудованному там переходу, то есть через московский гараж.

Начали мы с сушилок для досок и брусьев. Одна, по сути просто навес, предназначалась для естественной сушки. Вторая еще строилась, и это будет камера из гипсолитовых листов с поддувом печных газов. В такой камере доски высохнут до нужной кондиции за три-четыре дня.

Но, разумеется, подготовка далеко не исчерпается этой сушилкой. Я уже составил план, где и насколько подкопать склон, чтобы спуск на пляж оказался более ровным и пологим. То, что сошло с суденышком весом в полторы тонны, может создать трудности со спуском на воду более крупного корабля, который по проекту должен был весить семь с половиной тонн. Реально оценивая свои способности как кораблестроителя, я полагал, что будет очень хорошо, если удастся уложиться в восемь.

На спуске будут проложены желоба из питкэрнского платана. По ним корабль сойдет на воду, а также будет втаскиваться обратно. Потому что на пляже было всего одно место, не очень заливаемое волнами во время штормов. Там с трудом помещалась «Аврора», а новый корабль придется при всяком ухудшении погоды втаскивать существенно выше. Значит, потребуется еще и мощная лебедка.

Кроме того, начать постройку большого катамарана придется с изготовления стапеля. С предыдущим я как-то обошелся, сварив каркас прямо на земле, но ведь он был совсем маленький. И все равно получился малость кривой, если уж честно.

То есть в ближайшее время объем моих закупок должен сильно вырасти. Да и раньше я уже начинал чувствовать некоторые трудности, связанные с отсутствием у меня юридического лица. Так что в двадцать первом веке у меня было еще одно дело. Пока американцы рассуждают, стоит ли давать мне визу, я решил приобрести статус индивидуального предпринимателя. Буду, значит, заниматься изобретательством и внедрением своих задумок в производство. Та же сваебойная машина – она ведь пригодится не только дачникам, но и мне, когда я начну разворачивать строительство на острове Дил или где-нибудь неподалеку. Кроме того, у меня появилась еще одна задумка,

про которую будет рассказано чуть позднее.

С частным предпринимательством, к моему изумлению, все решилось очень просто. Я ведь собирался снять помещение в райцентре Пруды, рядом с моей дачей. Потому как не в Москве же его снимать! И недавно узнал, что в этих самых Прудах есть так называемый технопарк, созданный на базе давно порывающегося издохнуть машиностроительного завода. Там можно было арендовать производственные и складские помещения, а то, что еще оставалось от завода, могло выполнять заказы на какие-нибудь работы. Более того, выяснилось, что в том же технопарке есть контора, которая оформит все документы на ИП за совершенно несерьезные деньги. И уж вовсе за копейки, порядка полутора тысяч в квартал, будут предоставлять отчеты о том, что пока у меня никакой прибыли нет, одни расходы. Появится прибыль – ничего, не разорюсь платить и побольше. Ну, а то, что после этого государство начнет драть с меня по семнадцать тысяч в год якобы на пенсии... Ничего, сочтемся, свои же люди. То есть это будет даже хорошо. Пусть оно берет с меня деньги совершенно ни за что. Зато когда и мне настанет пора у него кой-чего немного позаимствовать, совесть мучить точно не начнет. Ведь возможность открытия переходов не вечна, она есть только при вполне определенном соотношении скоростей протекания времен. Пока оно уменьшается – последний замер показал двести девяносто три. По предположениям Виктора Семеновича, минимальная разница должна быть где-то на уровне двухсот шестидесяти. А потом она начнет увеличиваться с той же скоростью, с которой падала, причем это будет происходить по часам мира с более медленным временем.

Пока я представлял ситуацию так. За три месяца соотношение изменилось с трехсот тринадцати до двухсот девяноста с небольшим. Уже видно, что кривая изменения похожа на синусоиду. Если это так, то через год двадцать первого века она достигнет минимума, а потом у меня будет еще полтора года. После чего миры разойдутся настолько, что переходы станут невозможными.

Где оставаться, я уже выбрал. И, значит, помимо всего прочего, можно будет взять и кредит, причем желательно побольше. Все равно после моего исчезновения его оплатит страховая компания. Но ее убытки тоже застрахованы, а если и нет, то не жалко. Один черт, они умеют только грести под себя, а как платить – фигушки. Два года назад был в хлам разбит мой предыдущий скутер. Хорошо, что, стоя на перекрестке, я имею привычку смотреть в зеркала, поэтому успел спрыгнуть со своей «хондочки» до того, как в нее врезался здоровенный китайский джип с какой-то дурой за рулем. Страховка гражданской ответственности у нее была, но мне все равно не заплатили ни копейки. Придрались к тому, что на скутер нет чека. Хотя договор купли-продажи из салона был! Впрочем, предоставь я им чек, наверняка нашли бы еще какую-нибудь причину.

Правда, платить за невозврат кредита будет скорее всего другая страховая компания, но это не принципиально, они все одинаковые.

Однако все эти небесспорные с точки зрения морали вещи мне если и придется совершать, то не сейчас. А там еще неизвестно что будет – вдруг, например, в очередной раз объявленная война с коррупцией увенчается хоть каким-нибудь успехом. Или прилетят инопланетяне, что более вероятно. Пока же требовалось посетить Москву, узнать, что там с визой, присмотреть лебедку требуемой мощности, но подешевле, и разузнать, правильно ли Полю было сказано про двигатели. Другими словами, выяснить, почему нынче небольшие судовые дизели. И если они слишком дорогие, то прикинуть, чем их можно заменить.

Я открыл ноутбук и вывел на экран свое фото, сделанное его камерой в момент очередного прибытия на остров. Вроде различия минимальны, если не считать легкой небритости в данный момент, но это дело поправимое. Как раз успею соскоблить щетину, пока придет Света.

Недавно я ввел небольшую рационализацию – слепил десяток простейших приемников, умеющих только пищать. И вместе с поясами из кожаменителя вручил тем островитянам, нужда в которых у меня иногда возникала. Теперь они таскали с собой эти подобию пейджеров, а у меня на стене висел пульт с десятком кнопок. Вот, значит, я и нажал ту, под

которой было написано «Света», а сам пошел бриться.

Девочка пришла минут через десять. Потому что одно нажатие на кнопку означало, что никакой срочности нет. А если бы пейджер разорался – пи-и-и, п-и-и, пи-и-и-и!!! – следовало бежать со всех ног.

– Собираюсь туда, приступай, – сообщил я своей будущей жене. Вот уж не знаю, какова она будет в таком качестве, и вообще дойдет ли дело до этого, но парикмахер из нее уже получился очень неплохой. В ее задачу входило, сверяясь со снимками в ноутбуке, всякий раз перед отбытием в двадцать первый век приводить мою прическу в тот вид, в каком она была зафиксирована по прибытии. До сих пор никаких нареканий на Светину работу не было, и я, сняв рубашку, набросил на плечи простыню.

С визой дела обстояли ожидаемо, то есть пока никак.

Первая же найденная в интернете пятитонная электрическая лебедка стоила четырнадцать тысяч вместе с доставкой. Жаба молчала, и я недолго думая заказал девайс, после чего занялся поиском судовых дизелей. И сразу понял, как обстоятельства меняют людей. В частности, меня.

Это был не первый мой поиск на заданную тему. Перед постройкой «Авроры» я тоже ползил по сети, выбирая ее силовую установку. И начал именно с катерных дизелей, подумав, что должны же быть совсем маломощные, сил по десять, разновидности этих моторов.

Разумеется, они были. Например, фирмы «Вольво». По такой цене, что мозг вообще отказался запоминать увиденную цифру, а жаба, даже не пискнув, рухнула в обморок, не успев досчитать до конца нули в ценнике. В общем, китайский бензогенератор с двумя электромоторами обошелся мне раз в пятнадцать дешевле.

Но с тех пор мое финансовое положение несколько изменилось, в силу чего я изучал предложения по судовым дизелям без особого душевного трепета. И вскоре остановился на продукции фирмы «Ветус». Там был неплохой выбор, причем в наличии или с небольшими сроками поставки. Кроме того, наличествовало немало дополнительного оборудования, а сама фирма по их продаже имела демонстрационный зал и находилась в Москве. Ну а деньги... в конце концов, правильный корабль – это вещь на века. И шестьсот тысяч за два двадцатисемисильных движка с реверс-редукторами, гребными валами, приборными панелями и винтами – вполне терпимая сумма. Особенно если имеешь в заглашнике примерно на порядок больше.

Приняв решение, на следующий день я покинул работу чуть раньше и отправился в морской магазин, где посмотрел, как выглядят предполагаемые покупки в натуре. Они оказались даже компактнее, чем мне казалось по фотографиям. Более того, при таком объеме заказа предлагалась бесплатная доставка, но тут я задумался. Везят-то они по полтора-два кило! И значит, я буду как ишак корячиться над ними по крайней мере два раза – сначала при записывании покупок в гараж, а потом при перемещении их на остров. Нельзя ли как-нибудь упростить эти процессы?

Тут мне припомнился «порше» в кустах, и я понял – можно. Берем напрокат «газель», грузим в нее железяки и едем в какое-нибудь уединенное место, где спокойно, как белые люди, не покидая кабины, перемещаемся на Хендерсон. А там уже можно никуда не торопиться: здесь все равно пройдет никак не больше часа. Да и доски с трубами, пожалуй, будет удобнее перемещать именно так. Может, эту «газель» вообще купить? Надо подумать, хотя по первому впечатлению – не стоит. На Хендерсоне она вообще не нужна, да и на новом месте дорог для нее нет и еще очень долго не появится. Пожалуй, пока обойдусь своей «девяткой», а там видно будет.

В общем, на завтра движки были куплены. Прокатная «газель», обошедшаяся всего в тысячу шестьсот рублей, двинулась по Дмитровскому шоссе, выехала за МКАД и свернула в сторону Новосельцева. Может быть, уединенное место нашлось бы и поближе, но и это находилось недалеко, а главное, его не надо было искать, я про него и так знал. Движение на

этой дорожке очень редко, а сама она примерно километр идет по лесу, причем посредине есть просматриваемый только метров на двести участок. Где я остановился, включил аппаратуру, настроил ее и въехал на остров между своим домом и верфью.

Появление «газели» вызвало фурор среди местного населения. С «порше» все было не так – он образовался в стороне ранним утром, и островитяне не воспринимали его как нечто, способное двигаться. Да и по размерам та машина существенно недотягивала до этой. Прямо-таки дом на колесах! А уж когда я проехал метров двадцать до сарайчика, куда предполагалось поместить движки, островитяне выпали в осадок. Что, впрочем, не помешало им довольно быстро сгрузить ящики.

Зато потом мне пришлось их всех катать, и восторга было, кажется, даже больше, чем когда в пруд налилась вода. Раз пятнадцать «газель» ездила от дома до верфи и обратно, потому как это было единственное место на острове, хоть как-то пригодное для передвижения на колесах. Если бы у этой колымаги был усилитель руля, я бы, наверное, поработал извозчиком еще, а так после трех километров суммарного пробега и тридцати разворотов пришлось объявить, что на сегодня аттракцион закончен. Племя осталось обсуждать невиданное событие, а я двинул в Москву – сдавать прокатный механизм.

Вернувшись на остров, я первым делом испытал доработанного восьмьсот четвертого «крыса», то есть барабанную винтовку калибром 8,5 под патроны МПУ. Ибо здесь все-таки пришлось вносить изменения в проект.

Затвор, он же упор барабана, ходил в трубе и фиксировался двумя боевыми выступами – это если я правильно понял оружейную терминологию. В качестве правого использовался затворный рычаг, а левый был огрызком того же диаметра. В предыдущих мелкашках эта конструкция работала без нареканий, но новый «крыс» имел существенно большую отдачу. Вроде даже посильнее, чем калаш-семерка, насколько мне удалось припомнить свои армейские впечатления. Что, впрочем, неудивительно. Патрон тот же, но пуля почти вдвое тяжелее. Кроме того, у автомата часть энергии расходовалась на перезарядку, а здесь она вся идет на удар в плечо.

И значит, упор барабана разболтался после первых же двенадцати выстрелов. В силу чего мне потребовалось чуть напрячься с целью найти новую трубу подходящего диаметра, но уже из хорошей стали, а не водопроводную. Кроме того, пришлось отделить мух от котлет, то есть боевые выступы от затворного рычага. Теперь он был сам по себе, а три выступа – сами по себе. И, вспомнив, что даже самый здоровый из аборигенов, Марик, до моих кондиций недотягивает, а уж Тим и тем более, я приделал к прикладу затыльник из пористой резины.

В таком виде винтовка вела себя уже более или менее прилично. Правда, результатов, достигнутых мной в армии, где я тремя пулями из пяти поражал ростовую мишень на дистанции четыреста метров, повторить не удалось. С такого расстояния только одна пуля из всего барабана чуть задела фанерного человека. А вот на триста метров я попал в него три раза из шести. Тим поначалу – только два, но уже после четырех расстрелянных барабанов стал попадать четыре, а то и пять раз из шести.

Теперь состав вооруженных сил острова Хендерсон выглядел так:

– Главнокомандующий, то есть я. Вооружение – «сайга», наган и «глок». Реальная дальность поражения противника – не более ста метров. Но зато ему не помогут никакие щиты или кирасы.

– Первый стрелок – Тим. Оружие – «Крыс-804», дальность – триста, пробивная способность даже немного лучше, чем у «сайги»: со ста.

– Второй стрелок – Ханя. Вооружение – шестьсот третий «крыс». Дальность уверенного поражения – двести пятьдесят. Пробивная сила средняя, стрелять лучше в голову или незащищенные участки тела. На дистанциях до ста пятидесяти метров и в такую мишень, как голова, Ханя вообще не промахивается.

– Народное ополчение – это Влас, двоюродный брат Тима, и Манюня. Вооружение –

бывшие пневматические винтовки, переделанные под строительные патроны 5,6 мм. Пробивная сила низкая. Про дистанцию же можно будет говорить только тогда, когда ополчение научится стрелять.

– И, наконец, Поль, которого правильнее всего будет назвать начальником особого отдела. Вооружение – «глетчер». Реальная дальность поражения – сорок метров. Единственный, кроме меня, насчет кого я уверен: он сможет стрелять в человека.

И вот как раз тогда, когда был завершен этот мысленный перечень, на площадке перед домом заверещали. В раскрытое окно было видно двоих мелких пацанов, явно только что откуда-то прибежавших.

– Что за шум? – поинтересовался я.

– Ник-ау, нас послала Тонга! Она говорит – парус! Тонга видит парус!

Глава 17

Корабль приближался к острову с востока, так что, пока я дошел до северного мыса, откуда его увидела Тонга, пришелец приблизился настолько, что его уже можно было неплохо рассмотреть в бинокль. Чем я и занялся. Впрочем, без особого успеха, ибо гость держал курс точно к Хендерсону, из-за чего был виден с носа. Поэтому единственное, что я мог про него сказать, – нос у приближающейся посудины низкий, а мачт больше одной. Галеон?

Впрочем, какая разница. Будь он хоть караккой, мне один черт, я все равно про них почти ничего не знаю.

Вскоре новость быстро облетела остров, и почти все племя собралось на мысу. Корабль тем временем приблизился настолько, что появилась возможность рассмотреть его получше.

Оказалось, что у него три мачты. Две передние – с прямыми парусами, задняя – с латинским. Кроме того, бросалась в глаза общая потрепанность гостя. Учитывая, что уже почти неделю дул северный ветер, я начал понимать, как этот вроде бы галеон здесь оказался.

Шел он скорее всего существенно севернее, наверное, на Филиппины или в Индонезию. А сюда его просто сдуло, ибо идти под прямым, а тем более острым, углом к ветру посудина не могла. Ладно, и где там мои торпеды?

Однако тут я почувствовал нечто странное. А именно – острое нежелание вот так, с ходу, топить гостя. Ведь он не сделал нам ничего плохого! Причем не исключено, что и не сделает. Что испанцы, что англичане вовсе не всегда начинали общение с туземцами пушечным огнем. Может, сначала как-то выяснить намерения гостей?

Тем временем торпеды были вытащены из пещеры, но на лицах Тима, Марика и остальных островитян был написан самый настоящий восторг. Ведь что это за пенопластовые лодки и зачем они нужны, знал, кроме меня, только Поль. Но почему все племя так радуется, увидев гостя с океана?

Да потому что они всю жизнь только этого и ждали, понял я. Осматривали горизонт: не плывет ли кто на их потерявший связь с родиной остров? Любой корабль был для них желанным гостем, это они впитали с молоком матери. И значит, просто так топить посудину будет политически неправильно.

Надо сказать, этот вывод вызвал у меня немалое облегчение, и я велел Тонге отправляться за «Авророй» и подогнать ее к мысу. Сам же с Мариком двинулся к дому. Надо было взять мегафон, «сайгу» и ноутбук, где в числе всего прочего был загружен автопереводчик, в том числе и с испанского. Если это англичане, то с ними я как-нибудь объяснюсь, несмотря на то что сейчас этот язык наверняка отличается. А если голландцы или испанцы?

Пока мы ходили, катамаран прибыл на мыс. И вскоре, взяв на борт меня, направился к кораблю, который приблизился к острову на полкилометра, развернулся носом на юг и теперь убирав паруса.

«Аврора» подошла к галеону метров на сто пятьдесят и начала разворот, а я взял мегафон и заорал, для начала по-английски:

– Остров обитаем, и высадка на него запрещена! Если вам нужна вода или припасы, мы можем их обменять на что-нибудь, но доставим сами.

Потом, через слово заглядывая в ноутбук, повторил это же самое якобы по-испански.

Блин, подумал я, откладывая мегафон и прислушиваясь. Какая-то речь у меня получилась неубедительная. Даже несколько суетливая, прямо скажем. Может, вдогонку представиться? Я, мол, владыка острова, какой-нибудь великий каган... или хрен с ним?

Человек, стоящий на высокой корме корабля, был одет куда ярче других, и я предполагал, что это капитан. Кажется, так оно и есть, потому как он явно отдал какое-то распоряжение. Требуется себе рупор?

Но мне не пришлось долго пребывать в сомнениях. По борту корабля вдруг один за другим начали появляться облака белого дыма, а через полсекунды донесся грохот.

Вот уж чего я не предполагал, так это того, что ядра будут отлично видны в полете. Во всяком случае, то, что летело прямо в «Аврору», получилось заметить сразу. Глаза как-то сами определили, что оно если и попадет, то ближе к левому борту, а ноги бросили меня вправо.

Но Манюня, сидевшая у левого руля, даже не успела понять, что происходит. Ядро чиркнуло по палубе как раз там, где были ее ноги, и с размаху вцепилось в стойку руля. «Аврору» резко потянуло влево.

Оттолкнув стоящую в прострации Тонгу, я изо всех сил завертел штурвал вправо. Потому как привод рулей был сделан независимым и выход из строя одного вроде не должен был повлиять на второй.

Штурвал крутился, хоть и с заеданиями. Кое-как направив нос катамарана на берег, я дал форсаж своей силовой установке. Движок взвыл, и «Аврора» устремилась к мысу.

Сзади бухнули еще два выстрела. Один всплеск я увидел метрах в пятнадцати правее, на второй не обратил внимания. Слава богу, что не попали. Интересно, остались ли по нашему борту еще заряженные пушки?

Или их не было, или на корабле сочли дистанцию слишком большой для пальбы по такой маленькой и верткой посудине, но больше в нас никто не стрелял.

– Где Манюня? – очнулась Тонга, но тут увидела заляпанную какими-то красными ошметками изуродованную корму левого поплавка и завывала как я не знаю кто, совершенно диким голосом. Мне было не до ее переживаний – левый корпус явно имел течь и теперь довольно быстро погружался. Правильно ли я рассчитал его непотопляемость или сейчас придется убедиться в обратном?

Оказалось, что все-таки правильно. Накренившись на полузатопленный поплавок и завывая насилуемым на запредельных оборотах бензогенератором, «Аврора» быстро приближалась к мысу. И наконец с разгону ткнулась носами в песок – сначала более глубоко сидящим левым, потом, повернув по инерции, правым.

На то, чтобы спихнуть в воду лодку-торпеду, потребовалось несколько секунд. Я сам включил ей движок, вставил ключ и встал к пульту управления. Вспенив воду винтом, она, слегка покачиваясь на пологих волнах поперек ее курса, двинулась к галеону. Так, шлюпок с него вроде не спускают, сам он никуда не собирается, можно ненадолго отвлечься от управления. Где Поль? А, вот он.

– Выбери десяток тех, кто громче кричал и выше всех прыгал при виде корабля, дай им тряпки, и пусть дочиста оттирают корму левого поплавка «Авроры»! Кроме Тима и Хани: этим просто быстро покажи, что там, и отправь сюда. Да, а Марик с кем-нибудь пусть уведет Тонгу в дом, там на кухне стоит синяя бутылка. Хоть силой заставить выпить глотка два-три, пока она совсем не рехнулась.

В этот момент от катамарана послышался истошный женский визг, а вскоре подошли Тим с Ханей. Парень с трудом сдерживал рвотные позывы, девушку трясло.

– Видели? – повернулся я к ним. – Вот так иногда кончаются встречи с чужими кораблями. Ничего, сейчас мы тут кое-кого маленько накажем...

Лодка прошла уже больше половины расстояния до галеона. Ее белый силуэт хорошо выделялся на фоне воды, а две ярко-оранжевые мачты позволяли точно определить курс. Пока он упирался в корабль, примерно в том месте, где на корме начиналась высокая надстройка. Насколько я помнил, крюйт-камера должна быть где-то там. Хотя, конечно, двадцать пять кило аммонала и без всякого пороха разнесут посудину по бревнышку, но, наверное, и дополнительный взрыв лишним не будет.

– Ник, смотри! – вдруг вскрикнула Ханя.

Я и без нее увидел, как из-за галеона вышла большая лодка. Оказывается, ее все-таки спустили, только с противоположного борта! А торпеде до цели еще метров двести. Ничего, есть и вторая, никуда эти лодочки от нас не денутся, даже если и уцелеют при первом взрыве...

Они уцелели. А вот корабль окутался дымом, из которого полетели какие-то доски. Потом ветер сдул дымное облако, и стало видно, что от галеона остался только задранный в небо нос с рваными клочьями паруса, быстро погружающийся под воду.

Пока на воду спихивалась вторая торпеда, оставшаяся от галеона шлюпка повернула на девяносто градусов. Раньше она шла точно к мысу, а теперь плыла параллельно берегу к южной оконечности острова.

Ничего, ребятки, не убежите, подумал я, кладя руку на рычажок управления. Ваша скорость от силы десять километров в час, а у моей торпеды двадцать пять.

Впрочем, шлюпка, кажется, плыла все же быстрее, чем мне показалось поначалу. Гребцы работали изо всех сил. Кроме того, им помогали ветер и течение. Но все равно уйти от пенопластовой смерти было нереально, и вскоре в шлюпке это поняли. Там прекратили грести, и несколько человек встали.

Я взял бинокль: что происходит? Оказалось, что вставшие – это стрелки. Или мушкетеры. Не те, что из кино со шпагами, а солдаты, вооруженные здоровенными самопалами на рогатине. Или это аркебузиры? Да и аллах с ними, все равно сейчас утонут, причем в виде мельчайших фрагментов. Аммонал от ваших пуль не сдетонирует, даже если вы ухитритесь попасть прямо в него.

С лодки раздался нестройный залп, и мою торпеду потащило влево. Я двинул рычажком – безрезультатно. Что за дела, почему не пошла команда? Еще раз...

И вторая, и третья попытка не дали ничего. Лодка по широкой дуге удалялась от шлюпки, держа курс не то на Гавайские острова, не то вовсе на Филиппины. Наверное, пули повредили радиоуправление. И почему у меня, идиота, не хватило мозгов его задублировать? Или по крайней мере ввести команду принудительного подрыва? Он же у меня контактный: пока торпеда не ткнется во что-нибудь, не сработает.

А через пару секунд я понял, что ситуация существенно хуже, чем мне казалось поначалу. Шлюпка вновь двинулась на юг, и столь же быстро, как раньше. Нам по берегу за ней было не успеть – ведь остров состоит из густых кустов на камнях, и даже у аборигенов не получалось двигаться быстрее пешехода. «Аврора» тоже не догонит – один поплавок дырявый, парус снят, да и рули почти не работают. А идет шлюпка метрах в четырехстах от берега, так что стрелять по ней мы не можем.

Да, южный берег очень плохо подходит для высадки. Но все же гадам может повезти. Кроме того, даже если они разобьют свою лодку, то все равно окажутся на острове. Причем с оружием – холодным наверняка, а огнестрельным скорее всего. А мы даже не будем знать точного места, где они вылезут на берег. Что чревато очень нехорошими последствиями.

Велев Хане, Тиму и Власу по возможности двигаться за лодкой, а в случае ее приближения на достаточную дистанцию стрелять, я бросился к своей даче. Трусцой: быстрее по этим буеракам и кустам не получалось даже в самой ровной части Хендерсона.

Правильно говорится, что дурная голова ногам покою не дает, думал я, перепрыгивая

через куски известняка и продираясь сквозь кусты. Что мешало заранее составить план? Ведь недавно третий год пошел, как сижу на острове! И все это время знал, что сюда должен зайти испанский корабль. Хорошо, хоть в Москве сейчас воскресенье, да и то это случайность, а не моя заслуга.

Наконец я достиг своей дачи, ворвался в мастерскую и в три приема стащил с верхней полки радиоуправляемый самолетик – сначала фюзеляж, потом крылья, затем пульт управления и бутылку с горючим. Хорошо, хоть не так давно запускал модель: аккумулятор не успел сесть.

– Что с Тонгой? – спросил подбежавшего Марика.

– Спит.

– Хорошо. Вот полиэтилен, надо расстелить его на пляже. Бегом!

Сам же быстро присоединил крылья, проверил управление и телекамеру. Все работало, и я потащил готовый к взлету самолет на импровизированный аэродром.

Дав движку полминуты прогреться, я двинул вперед рычажок газа, и модель после короткого разбега взлетела. Направив ее на юго-восток и поставив в режим набора высоты, взял небольшую туристскую рацию. Вторая была у Хани, и она как-то умела ею пользоваться – во всяком случае, с третьего вызова ответила.

– Как там? – последовал мой вопрос.

Выяснилось, что не очень. Лодка ушла вперед на полтора километра и повернула к острову. Еще немного – и она вообще скроется за изгибом береговой линии.

Модель тем временем набрала высоту, и картинка на экране стала масштабнее. Так, пальмовая роща, за которой сейчас Ханя с Тимом, чуть доворачиваем направо... а вот и шлюпка! Блин, да ей до берега осталось всего метров двести. Правда, нормально пристать тут негде, но есть места, где можно без излишнего риска выброситься на камни. Ну-ка, как вы относитесь к атакам с воздуха?

Модель опустила нос и со снижением понеслась в сторону шлюпки. Неужели не отвернут?

Но люди понимали, что в океане их ждет смерть, а выжить можно, только высадившись на остров. Двое встали со шпагами, и по крайней мере один возился со своим самопалом. Хорошо, хоть грести стали потише, подумал я, когда самолетик пронесся метрах в трех над незваными гостями. Что же, у меня оставалось последнее средство.

Модель задрала нос и начала кругами набирать высоту.

Как уже говорилось, эта модель была сделана в спешке и поэтому получилась достаточно тяжелой – ее взлетный вес немного превышал семь кило. Кроме того, из-за отсутствия времени на детальный расчет прочности сечения всех силовых элементов брались с изрядным запасом. Сейчас недостатки самолетика превратились в достоинства. Набрав четыреста метров высоты, он свалился в отвесное пике.

Я напряженно смотрел на экран, легкими движениями джойстиков корректируя траекторию, и мне казалось, что я слышу истошный визг работающего на сверхпредельных оборотах движка. Но он двухтактный, так что мгновенный выход из строя от перекрута ему не грозит. А сделанные с запасом лонжероны позволяли надеяться – крылья не сложаются от скорости, как минимум в два раза превышающей максимальную. Впрочем, самолеты обычно если и разваливаются, то на выходе из пике, а это в мои планы не входило.

В последнюю секунду я чуть подправил курс, чтобы удар пришелся точно в корму, и успел увидеть задранное вверх перекошенное лицо рулевого. Экран погас, но зато зашипела рация.

– Ник, твоя деревянная птица разбила им всю корму! – послышался взволнованный голос Хани. – Кажется, они тонут! Точно, тонут, но все равно гребут к берегу! Все, больше их не видно.

– Идите к предполагаемому месту высадки, но осторожно, я тоже скоро там буду.

Ага, буду. А толку? Увидеть гостей теперь не так просто, особенно если они догадаются спрятаться. Жалко, что у меня нет еще одной модели.

Ох, ну и дубина, думал я, лихорадочно настраивая аппаратуру перехода. Модели у него нет. Зато денег завались и времени почти вагон! Ладно, хоть сообразил вовремя, а то хорош бы я был, сразу кинувшись к Хане с Тимом.

В гараже наконец-то появилась возможность присесть и спокойно обдумать ситуацию, а то действия в условиях цейтнота у меня выходили как-то без особого блеска. Итак, первый вопрос: каков запас времени? Никак не меньше десяти минут, но и за пятнадцать вряд ли успеет случиться что-нибудь непоправимое. Это на острове, а значит, в Москве – от двух до трех суток. А мне нужны летающие модели, причем желательно готовые. Ну или почти. Правда, такой дальности и времени полета, как в первый раз, сейчас не требуется, так что задача вполне решаемая. Воскресенье – это хорошо. Можно ехать на машине, не опасаясь надолго завязнуть в пробках, а то ведь на скутере и один-то самолетик не больно увезешь. Итак, сначала домой, к интернету. А потом – за пополнением материальной базы военно-воздушных сил острова Хендерсон.

Через пять часов она представляла собой три единицы – две полностью готовых и одну требующую сборки. Сам же я стал на сорок две тысячи беднее.

В комплектном и пригодном к немедленному полету виде продавались только модели с электрическими движками, коих было куплено две штуки. Мой выбор пал на копию Пайпер Каб с размахом крыльев в один и три десятых метра и весом чуть больше килограмма. Видеокамера же весила сто тридцать граммов, и самолетик вполне мог ее поднять. Правда, время в полете было всего десять минут, но зато из-за небольшой нагрузки на крыло модель можно было запускать с рук, причем без разбега. В качестве приемника телевизионного сигнала мне предложили нечто вроде обруча с очками – в общем, довольно удобное изделие. Правда, с паспортной дальностью всего в километр, но продавец утверждал, что на ровном месте она составит как минимум полтора, а то и два. Так как садиться в месте предполагаемого использования моделей было негде, при посадке модель может разбиться, вот я и купил две штуки.

Третьим самолетом стала копия того же Пайпера, но в полтора раза больше, втрое тяжелее, с калильным движком и требующая сборки. Вертолеты я покупать не стал, потому как не умел ими управлять, а самолетами умел. В общем, пока оставив большой Пайпер в гараже, я с двумя маленькими переместился на Хендерсон.

Вскоре мы с Мариком, таща каждый по самолетику, бодрой трусцой двинулись к Хане с Тимом.

За время моего отсутствия молодые люди успели подойти к тому месту, где гости могли достичь берега, но пока их не обнаружили. Я запустил первый самолетик, напялил очки-экран и направил модель вдоль полосы приборя. Так, тут берег совершенно отвесный, даже уцепиться не за что. Летим дальше, вот камни, но они пустые. Потом опять стена, но чуть дальше, кажется, осыпь, на которой как-то ухитрились пустить корни полтора кривых куста. А вот и люди! Их двое, один, кажется, вообще голый, второй в штанах и рубаше. Увидев самолетик, пытаются спрятаться. Поняли, гады, что пора бояться, но модель летала уже пять минут, и ее пора было возвращать.

Значит, визитеров осталось всего двое. В общем-то ничего удивительного – ведь я читал, что среди моряков тогда умение плавать, как это ни странно, обязательным не считалось, и владели им немногие. Опять же как минимум на пятерых были какие-то стальные панцири и шлемы, а в них не больно-то расплаваешься.

Прилетевший самолетик удалось посадить в кусты, не поломав, и я, заменив ему аккумулятор, бодро потрусил за Ханей с Тимом. Сзади со второй моделью пыхтел Марик. Кроме Пайпера, он тащил еще и «сайгу». Мне эта железяка за спиной уже надоела за полдня беготни, а огнестрела у гостей точно нет. В ближнем же бою два коротких ствола лучше одного длинного.

Добравшись до обрыва, под которым прятались уцелевшие, я вновь запустил Пайпер. С воздуха их было отлично видно, да и теперь имелась возможность кружить над ними, не опасаясь посадить аккумуляторы.

– Тим, видишь большой рыжий камень, а из-за него выглядывает верхушка серого? Стрельни-ка туда пару раз.

Под атакой с воздуха и обстрелом с берега нервы у прятавшихся не выдержали. Один высунулся, замахал руками и что-то жалобно закричал. Но, увидев повернувший к нему Пайпер, опять спрятался в щель между камнями.

Вторая посадка мне не удалась: самолетик сломал крыло, только это было уже не так важно. Сложив ладони рупором, я заорал по-английски:

– Сдавайтесь, и вам сохранят жизнь! Иначе вас разорвут наши птицы! Выходите по одному с поднятыми руками!

Потом вспомнил, что ноутбук с испанским языком остался на «Авроре», еще раз прокомментировал свои умственные способности, но сейчас это оказалось лишним. Меня поняли. Из-за камней вылез сначала голый, на коем все же висели какие-то трусы, потом одетый. Как можно выше задрал руки, они вышли на крошечную площадку, с которой можно было подняться по откосу. Никакого оружия при них не наблюдалось.

Глава 18

Первое, что я захотел узнать у пленников, сразу после того как им связали руки, – сколько человек спаслось с лодки. Оба утверждали, что только они двое. Причем их позиция не изменилась после того, как я пообещал в случае нахождения на острове еще хоть одного живого подвергнуть обоих мучительной казни.

Остальные вопросы было решено отложить, потому как английский они хоть и знали оба, но весьма далеко от совершенства. Во всяком случае, мы понимали друг друга с немалым трудом. В общем, гостей отконвоировали до дома, где я приковал их к стальной мачте ветряка. И, наказав Хане с Тимом присматривать за ними и стрелять при любых попытках освободиться, вновь отправился в Москву. Где без спешки собрал большой Пайпер, облетал его, а потом занялся модернизацией видеопередатчика с целью увеличить дальность. Все это заняло у меня остаток воскресенья и три вечера после работы, так что на остров я вернулся через двадцать минут после отбытия оттуда. И где-то с полчаса гонял модель вдоль берега, выискивая, нет ли там все же других спасшихся.

Их не было, а обломки шлюпки нашлись в камнях у южной оконечности острова. Решив, что этого достаточно, я вывел на экран ноутбука испанский переводчик и приступил к беседе. Первое, что было спрошено, – страна отправления и название корабля. На что получен ответ – Испания, галеон «Сан Франсиско».

– Как звали капитана?

– Дон Алонсо де Триана.

Я слегка прифигел. Название открывшего мой остров корабля мне раскопать не удалось, но его капитана совершенно точно звали Педро Фернандес Кирос. И в честь чего это вместо него приплыл какой-то не в меру агрессивный дон?

Пожалуй, тогда следует спросить про год.

– Одна тысяча пятьсот восемьдесят первый от рождества Христова. Сегодня третье февраля.

Ну и ну! Это что же, тут какое-то другое прошлое? Или историки не в курсе?

Ответ на свои вопросы я получил через три дня.

В день прибытия гостей к Хендерсону дул северный ветер, который, собственно, их и пригнал. Но уже к вечеру он стих, а с утра следующего дня начался слабый восточный, к обеду слегка усилившийся и ставший юго-восточным. Давление было высоким, погода стояла прекрасная, поэтому казалось, что такое надолго. Но отошедшая от потрясения после смерти Манюни и похмелья от приема протившокового Тонга с сомнением сказала, что ей

чем-то не нравится горизонт на севере.

На следующий день давление начало падать, ветер вновь подул с востока, а к вечеру усилился и сменился северо-восточным. Ночью разыгрался настоящий шторм, который продолжался три дня.

Стало понятно, что произошло с кораблем «Сан Франсиско» в той истории, где он не встретился с пенопластовой торпедой. Эта гадская испанская калоша встала на якоря напротив пляжа, потому как больше нигде, и спустила шлюпки. Испанцы со своими аркебузами высадились к прыгающим от радости аборигенам...

Именно по этой причине спустя пятнадцать лет Кирос увидел остров необитаемым! А вовсе не потому что островитяне куда-то уплыли на плоту: все этого сделать не могли, да и сам проект был на острове не очень популярным.

А потом подул попутный ветер. Капитан поспешил им воспользоваться и пустился в путь. Но далеко уплыть у него не получилось. Начавшийся шторм если даже и не утопил его, то наверняка унес корабль в сороковые широты, где тот и сгинул. То есть вот эти, прикованные к мачте – на самом деле они или уже покойники, или в ближайшее время станут ими. В той истории... блин, что-то я совсем запутался с временами. Ладно, а с этим-то что делать – вернуть их в исторически оправданное состояние, то есть прибить, чтоб не мучились? Жалко: это простые матросы. Я даже выделил им кусок брезента, из которого у подножия мачты было сделано нечто вроде палатки. Да и жизнь им обещал не наедине, а в присутствии Хани, Тима и Марика. Значит, это обещание придется сдержать, хоть оно и было дано по-английски. И решать вопрос побыстрее, ибо гости хоть и гадают в яму, которую сами же вырыли, но не ждать же, пока она переполнится! Тем более в пятнадцати метрах от моего дома.

Итак, что с ними делать? По идее, надо приставить к какой-нибудь работе, потому как содержать сидящих просто так заключенных экономически невыгодно. Но тут есть небольшая тонкость – корабли. Один готовый, другой скоро начнет строиться. И мне не очень верилось, что у пленников не возникнет мысли как-нибудь угнать один и рвануть на нем в океан. Черт их знает, вдруг им так сильно захочется в родные места, что риск покажется приемлемым? Я же рисковать не имею права. Значит, что? Правильно: они должны трудиться там, где есть работа, но корабля нет и не предвидится. То есть на Питкэрне. Недавно образованная лесопилка нуждается в рабочих руках, двоим братьям там нелегко, а от женщин пока немного толку. Вот, значит, пусть там испанцы и вкалывают. Днем, потому что ночи у них будут сильно заняты. По идее, женщинам должно хватить ума отнестись к приобретению по-хозяйски, то есть не заездить до смерти в кратчайшие сроки. Братья-то дожили до весьма солидного возраста! Это означает, что тамошние дамы умеют при необходимости ограничивать себя ради перспективы.

Решено, так и сделаем. Пусть спасшиеся с обреченного галеона моряки днем пилят лес и по ночам вносят свежую струю в генофонд аборигенов острова Питкэрн. А пока надо чинить «Аврору», ибо недавно вождь радировал, что первая партия брусьев уже готова к отправке.

Однако с этим возникла совершенно неожиданная трудность. Ведь к ремонту можно было приступать еще позавчера! Но я как-то незаметно для себя искал и находил причины, по которым это следовало отложить. В чем дело?

Много времени на самоанализ не потребовалось, потому как причина лежала на поверхности. Мне было просто стыдно смотреть в глаза Тонге. Ведь Манюня, как выяснилось, была ее младшей двоюродной сестрой, причем любимой, они с самого детства были неразлучны. А с десяти лет Тонга вообще заменила своей сестричке умершую мать. И вот теперь Манюни нет, причем исключительно из-за моего решения не сразу торпедировать галеон! Потешил, блин, свои гуманистические комплексы. Да наплевать, что племя было бы в шоке, взорви я корабль превентивно. Зато Манюня осталась бы жива, а уж вывести островитян из шока Поль смог бы очень быстро, да и у меня, мягко говоря, авторитет ничуть

не меньше. Но, с другой стороны...

А ведь теперь это навсегда, вдруг дошло до меня. Коль уж взялся вести людей к новой жизни, не раз придется принимать решения, от которых кто-то начнет оплакивать своих близких. И спокойно смотреть им в глаза, демонстрируя, что это была неизбежная жертва на пути к счастью, хотя у самого не то что полной, но даже половинной уверенности не будет! Да на фиг же я вообще взвалил на себя такой груз?

Тогда я еще не мог ответить себе на этот вопрос. Но потом смог. Правда, очень сильно потом.

Однако перед ремонтом следовало прояснить другой немаловажный вопрос, для чего я вновь посетил Москву. Где, сев к компу, написал письмо Жене Зябликову, в коем открыл страшную тайну – оказывается, я давно не только инженер, но и писатель. Причем довольно известный, хоть и в не очень широких кругах.

На самом деле мне просто нужна была консультация – ведь Женя не только кандидат медицинских наук, но и неплохой врач широкого профиля, одно время работавший в «скорой помощи». И я хотел узнать, чем нужно напичкать моих испанцев, чтобы гнездящиеся в их организмах бациллы сифилиса и прочей дряни сдохли мучительной, но быстрой смертью. Если самим испанцам тоже придется помучиться – не беда, лишь бы не дали дуба, по крайней мере, сразу.

Вот, значит, я и объяснил, что эти сведения мне нужны для пишущегося романа.

Самое интересное, что в случае возникновения интереса к моему творчеству я знал что ответить. Ибо, как и многие сотрудники нашего института, был знаком с одним самым что ни на есть настоящим писателем – он работал в соседнем отделе. Точнее, просиживал штаны за копейки, потому что как инженер являлся полным нулем, и его не выгоняли только из-за почти полувекового стажа. Как писатель, с моей точки зрения, он был отрицательной величиной. Я как-то раз прочел пару его книжек, и мне хватило.

Все герои этого инженера человеческих душ отправлялись в прошлое и начинали там колбаситься. Но как-то скучно и однообразно – раздобыл денег, свалил в ящик, зарыл. Потом получил по тычке, забыл, где зарыто, и пустился добывать новые деньги.

Этот незамысловатый сюжет был помножен на глубочайшую техническую неграмотность автора. Например, у него описывался интересный корабль – на мачте вместо паруса ветряное колесо с приводом на винт. Плывет, значит, эта посудина против ветра, колесо крутится, винт вращается быстрее, корабль ускоряется, напор ветра на колесо усиливается, и так до выхода на редан. Положительная обратная связь, если кто не в курсе. На таком корабле один его герой гонялся за пиратами по всем морям.

Но все же человек стеснялся публиковаться под своей фамилией и использовал псевдоним. Ну, а если Женя вдруг заинтересуется моим творчеством, я ему и признаюсь, что этот псевдоним мой.

Ответ пришел на следующее утро, и я сразу же сделал заказ в интернет-аптеке. Если окажется, что просто так бициллин и прочее не продают, то придется как-то выкручиваться. Но не пришлось: принесли почти все, кроме какого-то мурамистина. Помимо лекарств, я запасся шприцами. Зря, что ли, эти дармоеды сидят около моей мачты? Вот на них и научусь делать уколы, потом точно пригодится.

Кроме исправления нанесенных ядром повреждений, «Аврора» подверглась небольшой модернизации. Поверх рамы в носовой части была приварена изогнутая труба наподобие той, что я вкопал в землю около своего дома для приковывания скутера. Ненадолго, естественно, ибо если надолго, то его обязательно сопрут, несмотря на цепи, а милиция, хоть она недавно и стала полицией, искать его все равно не будет. Ну, а здесь задача проще: воровать моих пленников никто не собирается, нужно просто ограничить их подвижность на время плавания.

Так как теперь я с точностью до компетентности испанских матросов знал текущую

дату, то «Аврора» отправилась на Питкэрн ранним утром четырнадцатого февраля одна тысяча пятьсот восемьдесят первого года. Экипаж состоял из капитана Тонги и юнги Власа, которому еще только предстояло стать матросом. И меня, адмирала и по совместительству моториста. Напичканные антибиотиками пленники сидели на носу, радостные из-за окончания своих мучений. Потому как они были не только исколоты во все места. Каждый день перед обедом их загоняли в море, где заставляли по сорок минут оттирать друг друга стиральным порошком «Кеон». Ибо изречение «чистота – залог здоровья» до попадания на остров этим людям было совершенно незнакомо. Даже не знаю, какова была бы их судьба, дуй ветер не от дома к мачте, а наоборот.

В шесть вечера «Аврора» втиснулась в единственную бухточку Питкэрна, и мы полезли наверх, к лесопилке, где уже был построен шалаш для пополнения рабочей силы. Цепи с пленников пока не снимались, я хотел сделать это в соответствующей обстановке, для чего заранее привел свой гараж в приличествующий столь торжественному моменту вид. То есть завесил проплешины на стенах черными тряпками, понатыкал красных и фиолетовых светодиодов и раскопал в сети какую-то на редкость противную психоделическую музыку, которая теперь подвывала из левого дальнего угла.

Открытие перехода произвело на испанцев должное впечатление, они даже упали на колени и забормотали что-то, в чем я уловил только неоднократное обращение к деве Марии. И, вежливыми пинками подняв людей, открыл замки на их цепях. После чего предупредил, что в случае малейшей нелояльности к местному населению явлюсь из потусторонних измерений и заточу виновных вот в это самое мрачное подземелье, где они будут долго, но безуспешно молить меня о смерти. Затем слушателям было объявлено, что брать и куда тащить.

Для ускорения загрузки я сваял что-то вроде самосвальной тележки. Она на тресе выезжала из гаража, на нее клали брусья, и лебедка втаскивала тележку с грузом внутрь, где платформа наклонялась вправо. Когда все брусья сваливались, я выпихивал тележку за новой порцией.

Вскоре все пятнадцать платановых брусьев и тридцать пять еловых оказались в гараже. Я закрыл проход и приступил к оплате заказа. То есть презентовал собравшимся здоровую картонную коробку с пилами, ножами, топорами, леской, крючками, несколькими отрезами китайского ситца. А также купальными костюмами для дам, детскими погремушками и даже солнцезащитными очками для вождя. После чего мы всей толпой отправились на праздник в честь нашего прибытия.

Заметив, что некоторые женщины уже начали строить глазки испанцам, я еще раз предупредил оных о необходимости строжайшего соблюдения личной гигиены. Тесное общение без предварительного мытья рук и инструмента будет рассматриваться как нелояльность со всеми вытекающими, уточнил я.

В отличие от прошлого визита в этот раз ночь для меня прошла спокойно. Дамы были заранее предупреждены, что по интересующим их вопросам нужно обращаться к заместителям: вон они, целых две штуки. А мне вполне достаточно одной Тани, которая осталась на Хендерсоне, но ведь мы завтра туда вернемся.

Глава 19

То, что началось на верфи по возвращении с острова Питкэрн, моего постоянного присутствия не требовало. Копать канавы для желобов и распускать брусья на доски с последующим складыванием в сушилki островитяне могли и сами. Я же занялся исследовательской работой. Помните намек на еще одно изобретение, кроме сваезабойного механизма? Так вот, именно им. Зачем оно мне понадобилось? Ну, во-первых, просто из интереса. Во-вторых, некоторые вытекающие из него возможности металлообработки явно

не будут лишними. И, наконец, самое главное. В принципе информация по этому изобретению, если ее дозированно подать в нужные места, могла объяснить как траты, когда они совсем уж перестанут укладываться в легенду про забивание свай, так и появление у меня денег, если вдруг это потребует обосновать.

Только научившись открывать переходы, я исследовал свойства их границ. А то мало ли, вдруг они бесконечно острые! Сунешься туда, споткнешься – и привыкай потом жить в виде двух половинок.

Так вот, граница перехода имела вполне определенную толщину. А именно – площадь границы составляла чуть более процента от площади самого перехода. Вела она себя примерно как пружина с односторонним сжатием. То есть когда я прислонял железный прут к границе и давил на него, она немного поддавалась, но с нарастающим усилием. Однако назад прут не выталкивала. То есть при перемещении ее можно было спокойно задевать хоть плечами, хоть зеркалами автомобиля.

А вот плавно изменять свой размер переход не мог – этот процесс всегда был мгновенным. Просто иногда получалась очень частая смена размеров, выглядевшая как сужение или расширение, но это требовало тщательной подборки режимов генераторов. Гораздо проще было сразу открыть и закрыть переход. Но в этом случае он вел себя как идеальные ножницы, режущие по абсолютно идеальной и бесконечно тонкой плоскости.

Я уже не раз использовал это свойство – например, когда делал клетку. Вместо возни с болгаркой я подавал арматуру в переход на нужную длину, а потом просто выключал его. Опять включал, вновь подавал – быстро, удобно, и никакого летящего мусора.

Разумеется, для резки арматуры можно придумать и что-нибудь попроще. А например, алмаза? Или монокристаллического кремния?

Но тут есть тонкости, связанные с тем, что нужно очень точно выдерживать толщину отрезаемого. То есть двигать не деталь, а сам переход, что можно было сделать электронным способом.

Вот я и занимался модернизацией своей аппаратуры, чтобы она могла открывать портал на прецизионном расстоянии от кристаллов. Общие принципы были понятны, и теперь оставалось добиться требуемой точности импульсов. Теоретическим пределом являлось десять микрон, но пока у меня толком не получалось выдержать даже пятьдесят. В гараже уже валялась кучка тончайших сапфировых пластинок, на которые я потихоньку строгал имеющуюся у меня блямбу десятисантиметрового диаметра.

А дома лежала красивая папка с надписью «Универсальный торсионно-полевой отсекатель». Правда, пока она была пустой, хоть я уже пытался сесть за описание якобы сделанного на основе своего изобретения прибора. Оказалось, что писать бред тоже надо уметь. Пригласить, что ли, за небольшой гонорар писателя из соседнего отдела?

Вскоре пришлось сделать перерыв в исследовательской деятельности, потому что пришло уведомление о положительном решении про визу. В силу чего я быстро сделал еще один комплект аппаратуры перехода, специально предназначенный для путешествия в Штаты.

Взять с собой кристаллы будет нетрудно: они совсем небольшие и невзрачные. А вот генераторы к ним?

В принципе конечно, на какую-то аппаратуру непонятного назначения могут и не обратить внимания. Но могут ведь и обратить! Одно время была мысль вообще ее не брать, а сделать на месте по приезду. Но это означало потерять как минимум неделю, так что я сел уродовать свой сварочный инвертор «Селка». По мощности он раза в три превосходил электронику для перехода, по функциям отдаленно ее напоминал – и там, и там требовались высокоэнергичные импульсы сложной формы. Просто разные, вот и все. Вот, значит, я и заменил «Селке» начинку. Внешне она выглядела очень похожей на старую, отличия смог бы увидеть только специалист, причем хорошо знающий именно эту модель. Более того, аппарат по-прежнему мог варить – правда, довольно плохо, где-то на уровне очень дешевого

китайского аналога. Но зато у него появились столь необходимые мне дополнительные функции.

Дальше осталось только заказать билет, который обошелся в тридцать три тысячи, написать заявление об отпуске и собрать чемодан. Все это не заняло много времени, и вскоре самолет компании «Эр Франс» нес меня в столицу штата Юта.

Как и ожидалось, мой сварочный аппарат не вызвал никакого интереса у таможенников. Наши вообще не обратили на него внимания, а штатовские поинтересовались, собираюсь ли я его вывозить. Услышав положительный ответ, шлепнули печать и пожелали приятного отдыха. Действительно, погода тут стояла прекрасная, Женя не опоздал и сразу меня нашел, так что через полчаса мы уже ехали к нему домой. В принципе я мог бы остановиться и в гостинице, о чем и сообщил после первых приветствий, но Женя сказал, что он сейчас живет один и мое присутствие его несколько не стеснит.

– А жена где, в отпуске или командировке?

– Хуже, – вздохнул школьный приятель. – Подала на развод и съехала, теперь будем делить имущество.

Комментировать новость я не стал, хотя сильно подозревал, что в таком развитии событий виноват сам Женя. Его, мягко говоря, повышенная любвеобильность не была особым секретом, по крайней мере в России. Однако услышанное подвигло меня на подозрения, что семисотпятидесятиграммовая бутылка водки, лежащая рядом со сварочным аппаратом, понадобится сразу по приезде. Причем ее небось и не хватит.

Так оно и оказалось. По мере понижения уровня содержимого в посудине Америка в речах Жени опускалась все ниже и ниже. Если поначалу эта была вполне приличная страна всего с двумя не очень большими недостатками – наличием негров и адвокатов, то где-то после четырехсот граммов я услышал, что тут, кроме них, вообще ничего нет. А негров к тому же и нельзя называть этим словом, ибо чревато.

В общем, Женя подумывал о возвращении в Россию. Потому как очень сильно подозревал, что дом, в котором мы пьянствовали, жена у него отсудит. Ибо она, по его словам, только и ждала повода обвинить ни в чем не повинного Зябликова в супружеской неверности, чтобы тут же уйти к адвокату. И негру притом, что характерно. Или латиносу, что, по словам моего приятеля, было практически тем же самым.

Так как беседа шла за жизнь, то, ясное дело, ноль семьдесят пять оказалось мало. Но она была обстоятельной, с перерывами на закуску, в силу чего выяснилось это только в третьем часу ночи.

– Пора бежать за добавкой, – резюмировал я неудачную попытку собеседника выжать из бутылки хоть несколько капель. – Круглосуточный магазин далеко?

Оказалось, что их тут, кажется, вообще нет. Во всяком случае, Женя про такое не знал. Имелся ночной бар, до которого было пять миль. И то не факт, что он в это время работал.

– Ох, и дикая же тут страна, – вздохнул я, вытаскивая из чемодана «Селку». – Барометр у тебя есть?

– 3-зачем? – икнул Женя.

– Тебе водка нужна или нет? А без него может сдуть по дороге. Что, нет барометра? Тогда лезь в интернет и смотри, какое тут сейчас у вас давление.

– III-шестьсот семьдесят!

Я поначалу подумал, что Зябликов просто по пьяни перепутал порядок цифр и на самом деле имеет место семьсот шестьдесят. Но потом вспомнил, что Солт-Лейк-Сити находится существенно выше уровня океана. Так это что, разница получается почти в девяносто миллиметров ртутного столба?

Пару минут я тщетно пытался вычислить давление, которое разовьется на стенах моей хендерсонской оружейки, но для решения оной задачи выпито было все-таки многовато. Да ничего, я же ее на совесть делал! При разнице в пятьдесят уже ходил, и хоть бы что. Хотя...

– У тебя гараж прочный? Блин, а кто должен знать? Ладно, пошли. Не будешь возражать, если он вдруг случайно слегка развалится? Все равно ведь жена отнимет.

– Н-не буду, – мотнул головой Женя, – а з-зачем ты хочешь развалить мой гараж?

– Да я-то не хочу, это он сам может слегка того. Ладно, пошли.

В этот раз я открывал переход в три приема. Сначала – пятисантиметровую дырочку, из которой сразу засвистел воздух. Подождав, пока напор ослабнет, увеличил диаметр до полуметра. Уши заложило, а гараж начал потрескивать. Решив, что хватит телиться, я рывком увеличил переход до полного размера, впихнул Женьку в железный сарайчик, сам шагнул следом и вырубил аппаратуру. Правда, в последний момент мне показалось, что в гараже что-то затрещало, но мы были уже на Хендерсоне.

Выждав, пока давление в сарайчике поднимется до окружающего, я открыл дверь и показал на свой дом:

– Идем, там должно оставаться еще литра два.

– А почему здесь д-день? – удивился Зябликов. Тот факт, что он попал прямо из гаража и на берег океана, его почему-то не взволновал.

– Потому что так по календарю положено, – объяснил я. – Так ты идешь или как?

Женя пошел, хотя и с некоторым трудом. Мы проследовали на кухню, где я снял с полки большую зеленую бутылку и водрузил на столик, пояснив:

– Водка. Правда, теплая, но ты же там еще, надеюсь, не до конца обамериканился? Сейчас сообразим насчет закуси...

А вот с этим у меня было не очень. Имелась белорусская тушенка, зеленый горошек и конфеты «Белочка». Но, если мне не изменяет память, перед моим последним уходом в Москву островитяне жарили какую-то здоровую рыбину?

Подойдя к пульту на стене, я ткнул в кнопку «Таня», ухитрившись при этом не промахнуться.

– Закусь скоро будет, а мы пока примем по чуть-чуть, для аппетита, – предложил я. И только это было сделано, как Женя замер с открытым ртом, будто увидел привидение. Я оглянулся – ничего. Совсем ничего, только Таня пришла, и все. Это что же, она так потрясла Женьку? Странно. Обычная п-по... полинезийка, вот. И даже почти одетая.

Стараясь говорить трезвым голосом, я попросил Таню принести рыбы. Она вышла, и Женя обрел дар речи.

– С-сейчас я у тебя ничего спыр... спрашивать не буду! – объявил он. – Ибо нетрезвый. Но потом всс... все расскажешь!

– Обязательно!

Мы приняли еще по сто, закусили рыбой, после чего Женя упал на мой диван, а мне пришлось стелить коврик в углу.

Проснувшись ранним утром, в чем не было ничего удивительного, так как завалились-то мы с Женей часов в шесть вечера, я растолкал приятеля и погнал его к океану. Он слабо трепыхался и бормотал, что, по данным медицины, физические нагрузки с похмелья вредно отражаются на сердце и еще на чем-то там внутри организма.

– Для тебя окунуться в море – нагрузка? – удивился я. – Тогда действительно осталось только считать дни до инфаркта. Тебя же не просят таскать брусья на верфи! И не пудри мне мозги своим аспирином, рассол куда лучше. Вернемся – угощу.

Действительно, после купания и стаканчика рассола Женя ожил и поинтересовался, сколько времени мы дрыхли. И который теперь час в Солт-Лейк-Сити, потому как ему к двум пополудни надо в клинику.

– Вообще-то мне уже пришла бумага, что клиника воздержится от продления контракта, – вздохнул он, – но идти туда все равно надо.

В ответ я объяснил ему, что это за мир, какой тут идет год, ну и про разницу в скорости протекания времен.

– Это что же, – наморщил лоб Зябликов, – значит, здесь можно прохлаждаться еще два... нет, даже три месяца, и при этом там никто ничего не заметит? Знаешь, а ты не думал насчет заработать на этом деле? Желающих хорошо отдохнуть здесь у тебя и при этом не

потерять времени там может оказаться немало. И брать за такие услуги тоже можно будет соответствующе.

Ну вот, подумал я, началось. Вообще-то в моих планах не было так сразу раскрываться перед Женькой. Но, черт возьми, эти планы составлялись на трезвую голову! А реализовывались, блин, на пьяную. И теперь остается только надеяться, что Женя ляпнул свое предложение не подумав. Ибо если он действительно считает, что поступать надо именно так, то...

Увы, клиника тогда может не дожидаться своего сотрудника, от услуг которого она собирается отказаться. Он останется здесь. Но пока надо попробовать объяснить свою точку зрения на обрисованные перспективы.

– Замечательная идея. Итак, экспресс-отпуска для состоятельных людей. Подчеркиваю, весьма состоятельных, другие нас не интересуют. Так вот, если не первый, то как максимум третий отдыхающий сообразит – да тут же такие дела можно делать! Без всякого преувеличения на миллиарды. И ты очень скоро окажешься в каком-нибудь подвале, где тобой займются специалисты по интенсивным допросам. Естественно, перед смертью ты им все расскажешь, и бывший отдыхающий, взяв дело в свои руки, начнет грести искомые миллиарды. Но долго сохранить это в секрете у него не получится, и вмешается более мощный игрок – государство. Отдыхающий повторит твою судьбу, потому как верховенство закона, права личности и все такое прочее – они, конечно, работают, когда речь идет о копейках, а тут дело будет пахнуть уже десятками и сотнями триллионов. Если сомневаешься, почитай про убийства Кеннеди. Всех, а не только президента, а ведь их мочили за какие-то жалкие миллиарды. Это я описал самый оптимистичный сценарий. Если, например, разворачивать это дело в России, получится намного хуже. Согласен?

– Да, пожалуй... – вздохнул Женя. – А ты-то здесь чем занимаешься?

– Сложный вопрос. Поначалу, сразу после открытия первого перехода, все было просто. Построю себе дачу на берегу океана, думал я, и идите вы все на хрен! То есть просто хотел сбежать. Примерно как ты, только меня еще не припекло. Просто противно жить в стране, где власть захватили... эти... их недавно стали называть рентополучателями. Вот так, люди получают ренту за то, что прибрали к рукам страну. Я бы даже сказал – оккупировали.

Женя действительно сдернул в Штаты не просто так. Была попытка раздуть скандал, связанный с тем, что деньги, официально предназначенные для закупки медицинского оборудования, шли на строительство дворца некой шишки. Но неудачная. Один из правдолюбцев сел за мошенничество, другой скоропостижно скончался, а кое-кто, в том числе и самым краем причастный к этому делу Женя, успел слить.

– Так вот, – продолжил я, – поначалу была мысль просто сбежать сюда, и все. Но потом... ты только не смейся. Да, ту страну, что когда-то была у наших отцов и самым краешком у нас, мы уже потеряли. Но тут-то можно создать другую! С теми же целями. Где ценность человека будет определяться не тем, сколько он намошенничал, наворовал или наградил, а тем, сколько он сделал для людей! И создавать ее надо, учитывая печальную судьбу первой попытки. То есть так, чтобы эта новая страна никогда, ни при каких условиях не могла повторить судьбу отнятой у нас.

– И ты знаешь, что для этого нужно?

– Самое интересное – да, действительно знаю. То есть знаю – что, но пока не представляю в деталях – как этого можно добиться.

– И что же?

– В основе государства должен лежать очень простой принцип – разделения денег и власти. То есть если у человека много денег – власти у него быть не может. Если он обладает властью, то не может иметь много денег. Да, абсолют в природе не встречается, и, как ни крути, у миллиардера будет хоть и очень маленькая, жестко ограниченная, но все же властиска. А даже у самодержавного монарха в кармане может случайно завалиться рубль-другой. Но все же основным законом государства должен стать запрет конвертации власти в деньги и денег во власть. И никаких смягчающих обстоятельств в этом деле быть не может.

Как этого достичь, я не знаю. Но у меня еще много времени.

– Да-а, дела, – вздохнул Женя. – Я ведь действительно подумывал вернуться в Россию, но как-то оно довольно стремно, чревато сроком или несчастным случаем. Это самое... ты иммигрантов принимаешь? И кстати, действительно веришь, что у тебя может хоть что-то получиться?

– Глаза бояться, а руки делают, – усмехнулся я. – А ты, значит, захотел сюда? Но учти, что тут свирепствует совершенно однозначный приоритет общественного над личным. То есть честно предупреждаю, что от тебя очень скоро потребуется готовность к самопожертвованию. Не страшно? Тогда слушай задачу. Итак, неподалеку от этого острова есть еще один, которому до недавнего времени угрожала демографическая катастрофа...

Глава 20

Вот и опять «Аврора» режет носами чуть подернутую волнами поверхность океана, неся нас к Питкэрну. Ровно урчит генератор, а оба паруса ему помогают. Красота!

Женя так и вовсе был в восторге, ибо до этого момента вообще ни на чем не плавал, даже на речном трамвае. Кроме того, он предвкушал свой грядущий подвиг во имя демографии. Мне тоже не было причин расстраиваться – ветер умеренный, но он есть, погода прекрасная, а добыча за неделю пребывания в Америке радовала хомячьи инстинкты.

Патронами «9х19 Рага» для «глока» я затарился по самое дальше некуда, купив четыре с половиной тысячи штук. И, не удержавшись, приобрел под них бразильский «Таурис-92», лицензионный клон «беретты» с тем же номером, соблазнившись умеренной ценой в триста тридцать баксов. То есть покупал, конечно, Женя: у него для этого была какая-то карточка. А я только говорил, чего надо, и финансировал процесс.

Большая часть была приобретена на так называемом ганшоу – нечто вроде оружейной ярмарки, на которую нам пришлось ехать за сто с небольшим миль.

Место действия оказалось ангаром наподобие крытого рынка, за вход в который пришлось заплатить по доллару с носа. И внутри это тоже был самый обычный рынок, только очень чистый и не совсем привычный российскому человеку.

Продавалось тут все, что имело хоть какое-то отношение к оружию. И из всех стран мира, включая, естественно, Россию. На одном из прилавков с русским оружием я с удивлением увидел пневматический «кастрат», за которого просили всего тридцатник. Но его, понятное дело, мы покупать не стали. Зато приобрели две «моси», причем одну двенадцатого года выпуска и основательно ушатанную. Вторая была помоложе, всего семидесяти лет от роду, и поновее.

Эти винтовки я брал не как собственно оружие, а в качестве образцов, поэтому патронов к ним было приобретено немного. А для боевого применения тут же были взяты две девяносто восьмых маузерки, обе в очень хорошем состоянии. И две тысячи патронов к ним.

В принципе можно было купить и больше, но основной моей задачей было приобретение не столько самого оружия, сколько деталей, материалов и приспособлений для его самостоятельного производства. То есть стволов – как нарезных, так и гладких, гильз, капсюлей и даже небольших станочков для снаряжения патронов. Это вообще продавалось совершенно свободно, с возможностью заказа через интернет, чем мы и воспользовались. Порох тоже приобрели, но немного, килограммов десять. Потому как его сколько ни запасай, все равно не хватит, и выход только в развертывании производства на месте.

Ручных пулеметов на этом ганшоу не продавалось, но я и не очень расстроился – больно уж много патронов сожрет такая игрушка. Револьверов тоже не покупал, ибо как образцы они были не нужны, их устройство я и так знал неплохо. А вот гильз «.357 магнум» купил довольно большой мешок. И сотню готовых патронов, потому как Женя тоже решил вооружиться и на свои деньги приобрел здоровенный «Кольт Питон».

И, наконец, в качестве образцов я взял два помповых «ремингтона», потому как не

очень хорошо представлял себе устройство ружей подобного класса.

По завершении покупок и переправке их на Хендерсон я купил точно такую же «Селку», что привез сюда, специально ее покоцал для придания потрепанного жизнью вида, после чего Женя отвез меня в аэропорт.

Дальше я из Москвы перебрался на остров, а оттуда – вновь к Женьке, по наводке оставшегося у него «сварочного аппарата». Причем, как оказалось, очень вовремя. Не успели мы решить, когда отправляться на Хендерсон – сейчас или все-таки завтра, – как к дому подъехала полицейская машина, и вопрос снялся сам собой. Хрен их знает, зачем явились блюстители порядка. Наверное, кто-то стукнул, что брошенный женой и уволенный с работы Женя начал лихорадочно вооружаться. В общем, он в темпе написал записку, что на самом деле его уже почти бывшая жена связалась с явным бандитом, в силу чего он, Зябликов, сильно опасается за свою жизнь, и мы отчалили. Пусть теперь американская полиция разбирается, куда делся объект ее интереса.

Тем временем вождь с Питкэрна радировал, что готова вторая порция пиломатериалов, и мне пришлось срочно ехать за поросятами, ибо именно их я тамошним островитянам и обещал. Потому что на Питкэрне в отличие от Хендерсона им было чем прокормиться.

Пять мелких свинтусов обошлись в десять тысяч, но ехать за ними пришлось километров сорок. И на обратном пути они капитально обсвинячили мою машину. А ведь в гараже у меня не было даже клетки, так что и там они могут заняться тем же самым, если я начну телиться. Поэтому сборы были недолги, и уже следующим утром «Аврора» отправилась в путь. Я надеялся, что за десять – пятнадцать минут, которые при этом пройдут в гараже, он не провоняет до необходимости покупать противогаз, как несчастная «девятка».

Но, видимо, к полудню Жене надоело просто так сидеть и радоваться, в результате чего он покрутил головой и спросил:

– А ты уверен, что мы плывем именно туда, куда надо? Море же со всех сторон одинаковое, а на компас ты и не глянул, я уж не говорю про этот... как его... секстант. Или там астролябию.

– Днем? Ну ты оригинал. А на компас можно глянуть, но ничего интересного я там не увижу – мы идем довольно точно.

Тут Тонга вышла из рубки, переложила круглый белый камень, лежащий перед мачтой, сантиметров на пять влево, после чего вернулась на капитанское место.

– Вот тебе навигация в действии, – пояснил я Жене. – Всего-то надо править так, чтобы тень от мачты накрывала этот камень. А вот когда и на сколько его переключивать – про это у Тонги есть инструкция в виде веревочки с узелками, от деда досталась, а тому – от первых переселенцев. У нее есть еще шнурок с курсом на Мангареву, но тут или она его читает неправильно, или там от старости какой-то узел развязался. Или, что в общем-то тоже вероятно, Гугл врет.

– Ну, этого вовсе не может быть.

– Да? Я вот, когда только-только начал разбираться, на какой именно остров у меня открылась дыра, тоже так думал. И полез в Гугл Эртс, для обзора эта штука удобнее, чем Мапс. Так вот там мой остров назывался Питкэрном. Тот же, куда мы плывем, – Адамстауном. Хотя на самом деле это название якобы города на том острове, где в двадцать первом веке живет пятьдесят человек. А про Хендерсон там вообще ничего не было! Питкэрн, и все тут. И сейчас нет, я вчера не поленился посмотреть.

– Тогда тебе не о чем волноваться, – философски заметил Женя. – Как известно, бомбы в одну воронку дважды не падают. Если уж в этом районе Тихого океана допущена ошибка, то следующую надо искать не здесь, а где-нибудь подальше. Но ты что, и в Австралию вот так, по солнцу поплывешь?

– Так ведь угловой размер Австралии с Хендерсона даже больше, чем Питкэрна, – пояснил я, но по Жениному виду было нетрудно догадаться, что смысла он не понял. Пришлось уточнить: – В общем, Австралия очень большая, мимо нее даже без компаса не

промахнешься, а у меня их только на «Авроре» два – электронный и классический.

Услышав про электронный компас, Зябликов успокоился. Правда, где-то примерно через месяц случайно выяснилось, что он перепутал его с GPS-навигатором.

В этот раз мы поставили рекорд, войдя в бухту Баунти в половине шестого. И не только из-за свежего ветра: начало сказываться то, что мы научились более эффективно использовать паруса «Авроры». Поэтому визит на лесопилку состоялся сразу, а не следующим утром.

Здесь я пошел на нарушение своего правила, гласящего: предоплаты следует по мере возможности избегать, – и начал бартер с того, что пинками выгнал поросят из гаража, чуть не вляпавшись при этом в небольшую кучку, которую кто-то из них уже успел навалить. После чего примерно за час брусья были перетащены куда надо. Потом мы с Женей тряпками ликвидировали следы поросячьего пребывания там, и переход, к большому облегчению с опаской косящихся на меня испанцев, закрылся.

Однако сразу отправиться к месту праздника по случаю нашего прибытия не получилось, ибо на поляне перед лесопилкой довольно долго стоял бардак, сопровождаемый истошным визгом.

Визжали разбежавшиеся поросята. Еще громче визжали женщины, причем независимо от того, за свинтусом они бежали или от него. Но наконец в процесс вмешались испанцы, и будущие объекты животноводства были пойманы. У меня даже сложилось впечатление, что моряк, который постарше, явно когда-то имел дело с хрюшками.

Женя в это время пытался сосчитать дам, забыв вернуть на место малость отпавшую челюсть.

– Всего их тридцать одна, – облегчил я задачу, ибо приятель, если мне не изменяла память, никогда не был силен в математике. – Из них в продуктивном возрасте двадцать восемь, а минимальным требованиям по внешнему виду удовлетворяют двадцать.

– Сам же говорил: надо исполнять долг перед народом! Значит, никакой дискриминации по внешности допускать нельзя. Двадцать восемь, говоришь? Попытаюсь запомнить.

– Это нетрудно: берешь число бакинских комиссаров – и прибавляешь к нему количество основоположников марксизма.

Тут мне вспомнилось, что знание истории тоже никогда к числу сильных сторон Зябликова не относилось. В школе он частенько сбегал с нее, причем в основном в кино, и я привел задачу к более приемлемому для него виду:

– Или учетверишь оптимальное количество самураев.

После ужина я, используя Власа как переводчика, расспросил вождя про испанцев. Оказалось, что он ими вполне доволен. Правда, пара поводов побрюзжать все равно нашлась. Ибо поначалу, оказывается, моряки иногда отлынивали от работы на лесопилке, предпочитая трудиться на демографическом фронте. Но сейчас ситуация поменяла знак – собственно, поэтому программа заготовки и была выполнена на неделю раньше срока. Теперь испанцы даже ночью рвались пилить и таскать, и оторвать их от этого занятия было не так просто.

– Ничего, мы привезли подмогу, – утешил я несколько расстроенного своим рассказом вождя.

Кивнув, он посетовал, что на Питкэрне некому учить людей языку пришельцев с неба, но тут, кажется, появилась возможность разрулить проблему. Потому как для Власа не было пары на Хендерсоне, а сам он уже не раз с интересом поглядывал на особу лет шестнадцати, подававшую нам печеную картошку.

Несмотря на то что Влас временно остался на Питкэрне, население Хендерсона не уменьшилось, а увеличилось. Обратным рейсом «Аврора» захватила с собой трех дам, до которых не дошла очередь за время шестидневного пребывания нас на соседнем острове. Но Женя, как и обещал, начал с самых страшных, так что пассажиров можно было бы при

желании отнести к королевам красоты, если бы подобные конкурсы тут проводились. Среди них была и моя старая знакомая, которая с глазками. Забеременеть в прошлый раз у нее не получилось, но девушка не теряла надежды, а Женя обещал приложить все силы, как только они восстановятся.

Сразу после возвращения рядом с моим домом началось строительство, потому как до того Зябликов жил у меня на кухне. Но теперь, в связи с появлением подруг, это будет как-то не комильфо.

Дом должен был получиться практически как мой, только по упрощенной технологии, ибо время показало: я малость переоценил опасности ураганов. Поэтому сваи не бетонировались, а просто втыкались в скважины и фиксировались там клиньями из местных кустов. Эпоксидка тоже не использовалась, все крепления предполагались на гвоздях или шурупах. Учитывая, что Женя в общем-то неплохо держал в руках инструмент, а островитяне накопили немалый опыт, строительство шло быстро.

Как и мой, новый дом задумывался как здание двойного назначения. У меня жилыми были только два помещения – комната и кухня, а все левое крыло ушло под мастерские – электронную и механическую, где ныне, кроме токарного «Корвета», стоял вертикально-фрезерный «Джет». Женя, наоборот, зарезервировал под жилье именно левую половину, которая была на полтора квадратных метра меньше правой. В последней мы собирались устроить школу, ибо дело образования пора было переводить на более широкую ногу.

До сих пор из аборигенов условно грамотными могли считаться только четыре человека.

Ханя с Тимом знали буквы и цифры. Девочка помаленьку начинала читать, а ее другу это пока не давалось.

Поль тоже знал цифры, умел неплохо считать и сейчас сам пытался научиться чтению, используя в качестве букваря инструкцию к токарному станку. К фрезерному не годилась: китайцы делали его по немецкой лицензии, то есть исходник был сначала как-то переведен на язык страны-изготовителя. А потом его при помощи промта перегнали на русский, даже не удосужившись прочитать получившееся. В общем, бумага отлично подходила для поржать, но даже понять все функции станка по ней было проблематично, а учиться читать – невозможно.

Наконец, Тонга знала цифры в пределах от ноля до трехсот шестидесяти и понимала, что они означают на лимбе классического компаса. Электронного капитанша не любила.

Мы с Женей, посоветовавшись, решили, что базой для образовательной программы должна стать детская энциклопедия первого издания, которая у меня имелась почти вся, кроме девятого тома. В свое время отец привил вкус к чтению этих толстых оранжевых книг, и я помню, что до восьмого класса мне почти нечего было делать в школе, потому как все там преподаваемое я уже читал, причем в куда более хорошем изложении. Да и дальше заложенная энциклопедией база неплохо помогала. И, значит, теперь от меня требовалось раскопать где-нибудь еще один комплект, а получится – так и два. Именно первого издания: более поздние были, с моей точки зрения, хуже.

Параллельно вносились очередные последние изменения в проект будущего большого катамарана. Они, как и все предыдущие, сводились в основном к уменьшению размеров.

Поначалу на бумаге родился сорокатонный корабль. Но потом я решил, что сорок пусть будет максимальным водоизмещением, а стандартное лучше принять за тридцать. После чего, поточнее прикинув время в пути, численность команды и потребный запас горючего, скинул еще десять тонн. Но тут у меня возникла очередная мысль, в результате воплощения которой в жизнь корабль мог еще ужаться, причем здорово, и я приступил к ее проверке.

Ведь откуда взялась потребность в сравнительно большом судне? Я считал, паруса парусами, однако запас горючего должен позволять дойти до цели на одних дизелях. Но недавно подумал: а что мне мешает открыть переход прямо из океана и спокойно долить солярку в баки, если там она вдруг кончится? Из гаража, где надо будет создать небольшой

запас. Или с дачи, потому как хранение тонны или даже двух дизтоплива в гараже может вызвать ненужные сложности.

Вскоре выяснилось, что переход действительно можно открыть и с корабля. Но только в том случае, если океан абсолютно спокоен. Даже при волнении в два балла границы перехода начинали судорожно дергаться, а при четырех он и вовсе иногда самопроизвольно схлопывался. Но все же полученные результаты позволяли надеяться на дозаправку в пути. Если перережет шланг, не трагедия: ведь нетрудно сделать, чтобы насос при этом мгновенно выключился.

И значит, запас топлива можно брать не на весь путь от Хендерсона до Австралии, а с учетом промежуточных остановок, и то впритык, потому как на крайний случай останется возможность заправиться в океане. И теперь предполагаемый маршрут выглядел так: Хендерсон – Бассовы острова – Фиджи или Новая Зеландия – юг Австралии. Значит, вполне хватит дальности на одной заправке в четыре тысячи километров. То есть топлива потребуется всего тонны полторы, максимум две. А сам катамаран можно делать пятнадцатитонным.

На этом я закончил возню с проектом и объявил о начале строительства.

Глава 21

Через неделю после забития первых свай в землю дом для Жени был готов, и мы с ним сели слегка отпраздновать это событие. Островитян, понятное дело, не приглашали – нечего им привыкать к пьянству, праздник для всего племени с кока-колой и конфетами будет завтра. Впрочем, и мы в этот раз употребляли весьма умеренно, не сравнить с той попойкой, после которой Женя вдруг как-то незаметно для себя оказался в шестнадцатом веке. Но тем не менее основные традиции русской пьянки были соблюдены – она состоялась на кухне, это раз. И в процессе принятия алкоголя попутно решались мировые проблемы, это два.

– Все-таки нас слишком мало, – в порядке решения оных проблем выдал Женя.

– Для чего? Чтобы разболтать о возможности перехода между мирами всему свету – вполне достаточно. Как там говорил папаша Мюллер? «Вас виссен цвай, вист швайн» – «Что знают двое, знает и свинья». То есть тайна будет сохранена, пока туда-сюда шастает один. Она может быть сохранена, если к нему присоединится второй, только это уже не обязательно. Наконец, если ходоков станет трое, теоретически секрет может сохраниться, но это маловероятно. Если четверо – такой возможности нет даже в теории. Поэтому я не против привлечения сюда людей, согласных и даже желающих столь резко изменить свою жизнь. Но только при условии, что они согласятся на билет в один конец. Говорю сразу – среди моих знакомых кандидатов нет.

– А вот и ошибаешься! – возбужденно возразил Зябликов. – Помнишь, летом между седьмым и восьмым классом ты гостил у нас на даче? А потом туда приехал двоюродный брат матери, дядя Миша, и учил нас стрелять из здорового такого пневматического пистолета? Мы его еще и взводить-то не сразу научились, больно уж тугая пружина.

Действительно, было такое, припомнилось мне. Дядя Миша был майором, как он сказал – пехотным. И привез на дачу пистолет, переломку наподобие «крыса». И кажется, тоже с умощненной пружиной, потому что больно уж здорово он бил, даже отдача была вполне заметной. Да и взводилась эта пружина с очень большим усилием.

– Я ведь не терял с ним связи, – продолжил Женя. – Он сейчас живет в деревне один, у него сын погиб восемь лет назад. Тоже служил где-то там.

– То есть?

– Ну, мать говорила, будто дядя Миша из спецназа ГРУ, сам он про свою службу почти не рассказывал. Но что ему приходилось бывать во Вьетнаме и в Африке, это точно.

– Постой, но ведь он уже и тогда был немолод.

– Да, ему сейчас шестьдесят пять. И власть он не любит даже больше тебя, похоже, сын погиб не просто так. Вот и сидит в деревне, где, кроме него, живет человек десять, а свою

квартиру в Твери сдает.

– Да, интересно, – хмыкнул я, но тут Женя забеспокоился:

– Постой, это ты о чем сейчас думаешь? Уж не о том ли, как грохнуть дядю Мишу, если он узнает про этот мир, но не согласится переселиться сюда? Да ты что, совсем озверел на этом своем острове?!

– К сожалению, не совсем, и из-за этого недавно погибла хорошая тетка. Ногу ей ядром оторвало прямо на моих глазах. И мысль у меня такая мелькнула, но это так, сдуру. Потому как если твой рассказ соответствует истине, то не будет у меня против него ни одного шанса, пусть он и на тридцать лет старше нас с тобой. Оно и к лучшему, кстати. Не знаешь, в каком звании он в отставку-то вышел?

– Так и остался майором.

– Это хорошо, подонок на его месте давно бы стал генералом. Ну, значит, тогда так. Послезавтра с утра быстренько окунаемся в море, потом перемещаемся в гараж и приступаем к вербовке дяди Миши. Как с ним связаться, ты знаешь?

В полном соответствии с планами мы одним прекрасным утром покинули пахнущий морем остров и перебрались в гараж, воняющий бензином, свиньями и еще черт знает чем – кстати, я уже заметил, что после Хендерсона чувствую в Москве массу запахов, которых раньше не замечал. Жене был вручен мобильник, еще в прошлом году купленный на Царицынском рынке, – естественно, без предъявления паспорта. И вскоре я слушал обрывки разговора:

– Дядя Миша, это Женя Зябликов. Нет, я в Москве. Ну, не знаю, как дела пойдут... в общем, на несколько дней. Да, так я и сам хотел вас спросить. Значит, можно? Тогда во второй половине дня ждите. К вам сейчас на машине доехать можно? Нет, не «нива». А... Хорошо, давайте договоримся на четыре. У вокзала? Ладно. До свидания... Он говорит, что на «девятке» к нему сейчас не проедешь, и будет встречать нас на своей «ниве» в Пено, в четыре часа у вокзала. Успеем?

– Сейчас девять утра, – пояснил я, взглянув на появившиеся в гараже с самого начала моих скачков между мирами часы с календарем. – Времени навалом, несмотря на пробки, которые я к тому же знаю, где объехать. Но тянуть не будем, лучше маленько поскучаем в Пено. Пошли, моя «девятка» стоит снаружи.

Отперев дверь гаража изнутри, мы вышли, прошли метров сто и вскоре уже ехали по Профсоюзной в сторону области. На МКАДе в это время одна сплошная пробка, так что я собирался ехать по малому бетонному кольцу.

В два часа дня мы въехали на маленькую привокзальную площадь городка Пено. Приткнули «девятку» чуть в стороне и пошли обедать. Потом взяли по паре литровых банок пива, устроились на скамейке и только собрались приступить к ожиданию дяди Миши, как к нам подкатила серенькая «нива». Открылась дверь, и оттуда высунулась круглая, совершенно лысая и донельзя добродушная физиономия, в которой я с немалым трудом признал виденного в детстве дядю своего приятеля.

– Здравствуй, Женя, это ты здорово придумал навестить старика. А кто это с тобой, уж не Коля ли? Что же вы заранее не предупредили, я бы подготовился. Ну ничего, и так найдется чем встретить, так что лезьте, ребята, в машину.

Насколько мне припомнилось, дядя Миша был мужиком среднего роста, но с довольно массивной фигурой. Сейчас же перед нами предстал вылитый капитан Врунгель – только не из мультфильма, а из книжки с иллюстрациями Ротова.

Всю дорогу «капитан», а точнее, майор выпрашивал у Жени подробности про жизнь в Америке. Но при этом ухитрялся виртуозно вести «ниву» по полузатопленной грунтовке, где, судя по отпечаткам, ездил только трактор наподобие «Беларуси». Да уж, проехать на моей машине тут нечего было и думать. На этой бы не завязнуть, а то выталкивай ее потом из грязи. Но дядя Миша оказался хорошим джипером, и вскоре «нива», выбравшись из леса, приткнулась на околице совсем небольшой деревни.

– Проходите, ребята, почувствуйте себя как дома, – пригласил нас дядя Миша. – И ты, Коля, не озирайся – не видел вас никто. Тот дом пустой, в следующем Евсеич с утра так глаза залил, похмеляючись, что раньше ночи не проспится, а от всех остальных вас «нива» закрывает, да и забор тоже. В общем, заходите да рассказывайте, чего там такого случилось, что приходится разводить конспирацию. Только не надо мне говорить – мол, это ошибка! Ты уж, Коля, поверь – не ошибаюсь я в таких вопросах.

Ну, силен старик, мысленно восхитился я. Ведь действительно хотелось обставить визит как можно незаметнее! Мало ли как там потом начнут развиваться события. Вот согласится, например, дядя Миша перебраться на остров, скажет соседям, что куда-нибудь уезжает, а вдруг кому-то из, так сказать, компетентных органов захочется узнать, куда именно? И начнутся выяснения, кто к нему приезжал и когда. Ладно, раз уж такое дело, начнем без предисловий. Или, точнее, почти без.

– Дядя Миша, вы анекдот «купить фанеры, построить ероплан и улететь на нем к соответствующей матери» знаете?

– А где мы, по-твоему, сейчас находимся? В принципе можно было и подальше забраться, не спорю, но вряд там будет сильно иначе, чем здесь. Если же ты про границу, то уволь, это не для меня.

– Границы бывают разные. У вас тут где двести двадцать?

– Сейчас – только в Попово или дальше. Вечером, может, и здесь появится. Но если нужно, могу завести генератор.

– Да, будьте так добры, – кивнул я, доставая из рюкзака «Селку».

Вскоре из пристройки послышалось негромкое тарактенье, а потом дядя Миша внес в комнату удлинитель.

Настроив переход, я попросил настезь распахнуть окно и открыл маленькую, примерно дециметр в диаметре, дырочку на остров. После чего, отодвинувшись от нее, предложил:

– Любуйтесь. Если есть настроение, канал можно расширить и сходить прогуляться.

Дядя Миша невозмутимо посмотрел в другой мир, хмыкнул «надо же, море и пальмы», обернулся ко мне и сказал:

– Отчего же не прогуляться, перед ужином оно будет в самый раз. Но если генератор заглохнет именно в это время, что будет?

– Ничего интересного, приличное потребление идет только в момент открытия, а для удержания уже открытого канала нужно совсем немного, встроенного аккумулятора хватит часа на два.

– Ружье брать?

– Как хотите. Но вообще дичи там почти нет, она вся на другом конце острова. А народ здесь очень мирный и дружелюбный.

– Тогда, пожалуй, и без ружья обойдусь. Прямо сейчас будешь расширять это окно?

Вместо ответа я чуть изменил настройки, и мы, преодолевая встречный теплый ветер, по очереди перешли на пятачок перед моим домом, причем Женя не забыл захватить купленное в Пено, но так и не выпитое пиво.

– Ну и где это? – поинтересовался дядя Миша, осматриваясь.

– Южное полушарие, Тихий океан, остров Хендерсон, время – одна тысяча пятьсот восемьдесят первый год от рождества Христова, месяц март, число не помню, это надо в дом идти и смотреть. Пошли, что ли, под навес, посидим в тени, попьем пива, а я в процессе этого расскажу все поподробней и с самого начала.

– В два часа уложишься? А то генератор у меня уже старенький, на ладан дышит, может встать в любой момент.

– Так ведь переход закрыт, аппаратура работает в режиме маяка, в нем она две недели простоит без проблем. В общем, спешить нам совершенно некуда, про это я тоже расскажу. Вот, возьмите, это что-то вроде морской воблы, названия не знаю, но под пиво идет замечательно. Итак...

Мой рассказ продолжался сорок минут. Потом я отвечал на вопросы дяди Миши, но они вскоре прекратились, причем по независящим от нас с ним обстоятельствам.

Как уже упоминалось, Женя привез с Питкэрна трех девушек. Так вот, здесь он несколько переоценил свои силы. Или, точнее, недооценил их упадка после беспримерного шестиночного подвига. И, значит, одна из гостей, невысокая и пухленькая, до сих пор оставалась не обслуженной.

Кроме того, что на Хендерсоне, что на Питкэрне понятие мужской красоты было несколько своеобразным. Считалось, что она прямо пропорциональна объему талии. Наверное, так получилось из-за хронического недоедания обоих племен в течение веков – ведь позволить себе отрастить пузо в таких условиях мог или великий охотник, или не менее великий вождь. То есть наиболее предпочтительный объект для притязаний.

По такому критерию испанцы, конечно, на мужчин тянули с некоторой натяжкой – в долгих океанских плаваниях не растолстеешь. Я тоже, наверное, не выглядел в глазах островитянок Аполлоном. В этом смысле Женя, наевший на американских харчах аккуратное брюшко, смотрелся куда привлекательнее. Но только до того момента, как на острове появился отставной майор.

Увидев дядю Мишу, пухленькая так и застыла с вытаращенными от восторга глазами. Но потом сбросила оцепенение и опрометью кинулась к пляжу, только пятки засверкали. Я поначалу решил, что она испугалась, но вскоре выяснилось, что дело обстоит с точностью до наоборот. Девушка скоро вернулась, но уже в сопровождении Тани и громко тараторя при этом. Таня, с сомнением глядя на нас, что-то отвечала. Хотя я и не был особым знатоком полинезийского, но суть все же понял – как-никак, живу на острове уже больше двух лет.

– Подруга, – убеждала Таня пухленькую, – поймей терпение! Не видишь, люди делом заняты. Вот закончат они его, подobreют, тогда я и переведу прекрасному пришельцу твои просьбы.

– Что это они? – обратил внимание на оживление неподалеку от навеса дядя Миша.

Я охотно пояснил:

– Та, которая пониже, хочет признаться вам во внезапно возникшей большой и чистой любви небывалой интенсивности. Но не может, потому что пока не знает русского. А которая повыше – это Таня, моя подруга. Говорит, что надо подождать, пока мы допьем пиво, и тогда она все переведет.

И тут до сих пор невозмутимый дядя Миша малость растерялся.

– Точно? – непонятно зачем спросил он, ибо достаточно было просто взглянуть на пухленькую, и все становилось ясно. – Надо же... А что ты девушек за стол-то не приглашаешь?

– Нельзя им пива. Хотя на кухне должно остаться немного колы, сейчас принесу. А вы пока усаживайте дам.

– Прошу, красавицы, – привстал майор, – украсьте собой наше по какому-то недоразумению чисто мужское общество.

Даже Таня поняла не больше половины произнесенных слов, а вторая – еще меньше, но смысл они уловили правильно. И вскоре, благосклонно хихикая, причем, что интересно, в нужных местах, уже принимали ухаживания дяди Миши.

В общем, я совершенно не удивился, когда на мое приглашение погостить на острове подольше Женин дядя ответил безоговорочным согласием. А вот поселиться в моем доме отказался, сказав, что при такой погоде тут можно жить и просто на улице, так что палатка «Килкенни» его вполне устраивает. Мол, по армейским меркам она вообще прекрасно подойдет для отделения.

С появлением нового гостя работы на верфи пошли заметно интенсивнее – все-таки работать руками дядя Миша мог куда лучше своего двоюродного племянника, не говоря уж об островитянах. Кроме того, он подверг ревизии мой арсенал, особое внимание уделив самодельным образцам.

Начал он с восьмьсот четвертого «крыса», и вскоре мне было представлено резюме:

– Грохает оно у тебя, конечно, здорово, просто загляденье слушать. Отдача тоже как у настоящего ружья. В общем, если бы оно еще и стреляло хоть самую малость приличней, ему бы цены не было!

А вот шестьсот третья винтовка дяде Мише очень понравилась. Мало того, он изготовил для нее пули, которые были почти вдвое легче моих, и с четырехсот метров проделал в ростовой мишени шесть дырок с одного барабана. Одна, правда, оказалась с самого края в районе плеча, но все равно я офигел.

– На такое ружьишко можно уже и оптику ставить, – подвел итог майор. – А кто учил стрелять Ханю с Тимом?

– Да они в основном как-то сами...

– Оно и видно. Но пока еще не поздно переучить, так что могу заняться.

В результате дядя Миша пробыл на Хендерсоне почти два месяца. А потом, еле заметно улыбаясь, сообщил:

– Знаешь, пора мне немного погостить в двадцать первом веке. Дней десять, как раз деньги за квартиру придут, потом еще пару дней на покупки – и сюда. Насчет не болтать напоминать не будешь? Вот и ладушки. Кстати, про то, что дом не нужен, я, кажется, малость погорячился. Маша вчера сказала, что у нас будет ребенок.

– Какие деньги, за какую квартиру? Дам я вам сколько нужно, вы же все равно их не на себя станете тратить. И, значит, вы тоже решили с нами?

Впрочем, последний вопрос был чисто риторическим.

Глава 22

Когда мы с отставным майором вернулись в его деревню, там уже темнело. Немедленно ехать в Пено особого смысла не было: не украдут там мою «девятку», – поэтому мы еще уточнили, чего дядя Миша закупит и за какое время. Решили, что двух дней вполне хватит. Мне надо будет сходить на работу, а майор, довезя меня до вокзала, отправится в Тверь, потому как в Пено все равно всего не купишь. Если в Твери тоже чего-нибудь не окажется, он позвонит мне, и мы задержимся еще на сутки.

Закупать предполагалось в основном связанные с оружием вещи. Гильзы для двух ружей дяди Миши, шестнадцатого и двенадцатого калибров. Капсюли, немного пороха. Дробь, пули и картечь. Патроны для его карабина «КО-91», то есть гражданского варианта мосинской винтовки. Оптические прицелы, среди них два довольно дорогих ночных «Зенита». И, наконец, охотничий карабин «Тигр-9». Раз уж у майора есть лицензия на нарезное оружие, то можно купить самое мощное из того, что продается в России. И, естественно, запас патронов к нему.

Мне же после работы предстояло побегать по аптекам и магазинам медтехники, выполняя заказ Жени. Причем он предупредил, что это только начало, самый необходимый минимум, без которого все разговоры о медицине на Хендерсоне будут просто сотрясением воздуха.

И вот рано утром «нива» отвезла меня к «девятке», а потом мы разъехались. И через два дня я, переправив коробки для Жени на Хендерсон, открыл переход в дом на краю деревеньки, откуда на остров прошеествовал дядя Миша, толкая впереди себя тележку с барахлом, включая «Селку».

Сразу после закрытия перехода мы отправились присматривать место для нового дома отставному майору, его подруге и их будущим детям. Ибо там, где я когда-то высадился на остров, возник уже самый настоящий поселок.

От верфи на откосе до моего дома шла уже не тропинка, а улица. Она кончалась небольшой площадью с кошковой пирамидой в центре, а по бокам располагались мой и Женин дома. Дальше по обе стороны улицы стояли две одинаковые зеленые палатки

«Килкенни». В одной жили сначала привезенные с Питкэрна подруги, а потом там поселился дядя Миша со своей Машей. Другую занимали Света с Таней.

Еще ближе к верфи встали две бежевые «Кампак тент» – палатки в общем-то похожие на предыдущие, но чуть подешевле, не так аккуратно сделанные, зато почти на метр шире. В правой жили Ханя с Тимом, в левой – Поль. Потом начинался более бедный кусок улицы, состоящий из отечественных изделий «Тайга» и «Тунгуска». Те, кто работал на верфи, имели право временно жить в такой, а добившиеся успехов в труде получали палатку в собственность.

Дядя Миша выбрал самое дальнее от берега место – между моим домом и прудом. Дороги туда еще не было, но тропинка уже имелась. По сложившейся теперь традиции в каждом доме должно быть не только чье-то жилье, но какие-то общественные помещения, и в новом строении мы решили разместить арсенал и библиотеку. Причем дядя Миша собирался построить нечто более основательное, чем мой или Женин домики.

Выбор места майор объяснил тем, что хочет разбить огород, и я вспомнил, что в деревне он точно был, и немаленький. Но на всякий случай предупредил:

– С водой тут сейчас сравнительно неплохо, на пленку собираем, а в случае чего в пруд ее и долить недолго. Но только не растет здесь ничего, кроме гороха! Даже сорняки, и те толком не всходят. У меня, по крайней мере.

– Вот и посмотрим, что у меня получится, – усмехнулся дядя Миша, и мы приступили к разметке будущих скважин под сваи.

Новый дом был построен всего за восемнадцать дней. От моего он отличался наличием крыльца с верандой и вторым этажом над ней, причем с балконом, обращенным в сторону океана. Действительно, с него открывался неплохой вид – ведь весь остров был совершенно плоским, и даже подъем на высоту три метра существенно расширял обзор. Кроме того, дядя Миша покрасил свое жилище в белый цвет, а изнутри оклеил стены обоями.

Я тоже занимался строительством, причем не только дома для майора и верфи, но и в двадцать первом веке, на своем участке неподалеку от райцентра Пруды.

Началось оно с аренды бульдозера, причем вместе с трактористом – отдельно мне машину почему-то не дали. Но, поглядев на красно-сизую физиономию этого трудяги, я успокоился. Мы договорились, что к обеду он пригонит свой механизм ко мне на участок, после чего мой путь пролег в ближайший магазин, где был приобретен ящик водки и полкило одесской колбасы. А потом мне пришлось на себе переть это последние сто метров до бытовки, потому как «девятка» подъехать ближе не могла.

Бульдозер объявился на участке даже чуть раньше, чем договаривались, и я поставил задачу, точнее, две:

– сделать через подлесок дорогу до бытовки;

– и срыть к чертям все, что выступает на участке за уровень ее крыльца, включая два небольших холмика и край молодого леска, проросшего тут за четверть века бесхозного стояния.

Первая часть работы была выполнена за полчаса, и тут тракторист узрел икебану перед крыльцом бытовки. Для большей художественности я еще и подстелил под ящик с колбасой наверху пару газет и поставил рядом пластиковый стаканчик. Естественно, после такого зрелища мое признание в том, что я очень хочу научиться управлять трактором, было встречено в высшей степени благосклонно.

Дело действительно оказалось нехитрым – первые два деревца я снес вообще незаметно для себя, пытаясь развернуться. Правда, задел при этом маневре и угол бытовки, но не обратил особого внимания, потому как было не до того. Мощный механизм, кажется, начал меня хоть немного слушаться, да и тракторист, ненадолго оторвавшись от своего занятия, сообщил, что у меня отлично получается. В общем, я засел за рычаги всерьез и к вечеру превратил свой участок в ровную площадку без каких-либо признаков посторонней растительности.

Убедившись, что бульдозерист спит богатырским сном, я наскоро поужинал, дождался темноты, подогнал трактор, а потом открыл портал за здоровенной кучей, образовавшейся на краю участка в результате моих дневных усилий. И в три захода пропихнул всю эту почву пополам с мусором и обломками деревьев на Хендерсон, к тыльной стороне дома дяди Миши. Но не успокоился на этом, а вновь сел за рычаги, благо одна фара у бульдозера все-таки светила, а у меня имелся мощный фонарь-прожектор.

И значит, я прокатился примерно за полкилометра, где уже давно начали рыть какую-то яму, но так и бросили это занятие на полдороге, навалив здоровенную кучу земли. Не чернозема, конечно, но и далеко не тех известковых камней, из которых состоял мой остров.

Здесь уже пришлось повозиться подольше, но в три утра и эта гора земли оказалась где надо. Я поставил бульдозер на краю участка и отправился спать. Хороший механизм! Принадлежи он какому-нибудь президенту или на худой конец мэру, я бы с удовольствием переправил на остров и его.

Утром же с удивлением увидел, что мой гость не только давно проснулся, но и успел размножиться делением. То есть около уже уполовиненного ящика сидели три тракториста – с моей точки зрения, практически одинаковых. Мне пожелали доброго ура и спросили, не нужно ли еще чего-нибудь срыть или выкопать. Я сказал, что пока нет. И добавил, что остатки ящика мне в общем-то тоже без надобности, чем привел слушателей в состояние глубокого удовлетворения. Взяв с меня обещание, что при малейшей нужде я обращусь именно к ним, троица погрузилась на свой бульдозер, прихватила трофей и отчалила.

Но свято место пусто не бывает, и к обеду на мой участок приехал грузовик с досками и всем прочим, необходимым для быстрого возведения гаража, включая бригаду из пяти человек. Что делать, они уже знали: обычный гараж на каркасе из стального уголка, но только длиной восемь с половиной метров. Это не вызвало особого удивления – мало ли, вдруг человек собирается ездить сюда на свадебном лимузине? В общем, люди принялись за работу, а я отправился в Пруды получить документы о том, что отныне я частный предприниматель. И узнать в технопарке, как там мой заказ, то есть детали для сваезабойного механизма.

Гараж понадобился мне для переправки длинномерных предметов в шестнадцатый век, в основном металлического проката. Ибо снимать ангар в технопарке было слишком дорого, а прочие помещения не обладали нужной длиной. В частности, мой якобы офис, который я там уже арендовал, имел размер три на пять метров.

Заказанные детали были уже готовы, и я, расплатившись, погрузил их на крышу своей «девятки» и отвез на участок, где теперь все занимались делом – строители строили гараж, а я собирал свое изобретение.

Закончили мы практически одновременно, но бригада, получив расчет, специально задержалась посмотреть, что у меня вышло и как оно будет работать.

Мое устройство конструктивно напоминало миномет с двухметровым стволом и патронами МПУ-3 в качестве вышибных зарядов. Они помещались в обойме, то есть стальном параллелепипеде размером триста пятьдесят на сорок на двадцать миллиметров, с пятнадцатью гнездами-патронниками. В общем, почти барабан, только плоский. Снизу к обойме была привинчена зубчатая рейка.

Газы от выстрела через короткую трубку, вваренную в основную, подавались в небольшой объем между снарядом весом в сорок кило и подвижным затыльником-поршнем. Сверху в стволе был сделан ограничитель. Хотя по расчетам и выходило, что снаряд доберется только до верхней части ствола, но мало ли, вдруг я немного ошибся и он улетит? Вот этому и воспрепятствует ограничитель.

Автоматику перезарядки я недолго думая сделал электрической. То есть первый электромагнит мог смещать обойму на один шаг, а второй приводил в движение боек. Управлялось все это простенькой схемой на таймере и двух транзисторах.

И вот я уткнул в землю трубу, изображающую из себя забиваемую сваю, поставил

треногу с казенной частью своего орудия, поднатужившись, поднял и сунул туда сорокакилограммовую болванку. Потом мы с одним из рабочих водрузили на это дело ствол, я повернул зацепы и, вставив обойму и взяв в руки пульт, велел зрителям отойти метров на десять. После чего нажал кнопку «пуск».

Бумкнуло хоть и глухо, но достаточно громко. Затем раздалось «клац!» – это снаряд ударился об ограничитель, и сооружение подпрыгнуло на треноге. Значит, КПД получился несколько выше предполагаемого, но это не страшно: на снаряде есть штырь для навешивания дополнительных гирек.

И наконец, раздался звонкий «пш-ших-бзанг!» – это в нижней части ствола открылся клапан, и железка, свалившаяся с двухметровой высоты, через затыльник ударила по свае. Та сразу ушла в землю сантиметров на десять. Опять «бум-м!», потом «клац!» и «пш-ших-бзанг!» – еще дециметр.

После четвертого выстрела я нажал на «стоп» – во-первых, сваю можно было считать уже забитой, а во-вторых, из-за прыжков от ударов снаряда в ограничитель мое сооружение слегка сдвинулось и при следующем выстреле вообще могло промахнуться.

Зрителям очень понравилось шоу – наверное, потому что они постоянно занимались дачным строительством и хорошо представляли себе, сколько пришлось бы прыгать около этой трубы с кувалдой, чтобы загнать ее на требуемую глубину. Поэтому мы зашли в бытовку обмыть окончание работ и договориться об аренде моей сваезабивалки.

Я сказал, что мне нужно еще дня два на устранение мелких недостатков, а потом готов сдавать механизм за штуку в сутки, и патроны покупает арендатор. Судя по всему, мужики ожидали более серьезных цифр, потому как мгновенно согласились и даже попытались всучить мне аванс.

Устранение недостатков свелось к подбору веса снаряда, чтобы он только слегка касался ограничителя, и все. Правда, у моего изобретения имелась еще одна функция – оно, как это и положено порядочному устройству, было двойного назначения. То есть если кто-то вздумает нарушить мирный труд его операторов, те быстро уберут с треноги одну ногу, вытащат тяжеленный снаряд, поставят ствол под углом градусов в сорок пять к горизонту и подложат под затыльник стальной блин размером примерно с крышку канализационного люка. И устройство превратится в гранатомет, способный швырять двухкилограммовые подарки метров на четыреста, а то и все пятьсот. Для этого в обойме была предусмотрена возможность выстрела из трех гнезд одновременно.

Но пальбу все-таки желательно производить не в двадцать первом веке, ибо тут за это недолго и сесть, а на Хендерсоне. Дачу же лучше оставить для созидательного труда. Впрочем, не очень результативного, иначе вероятность сесть появится без всякой стрельбы. Достаточно всего лишь развить свое дело настолько, чтобы оно по эффективности начало выделяться из среднего уровня, и власти предрасположены тут же заинтересуются им с целью подгрести под седалище. А уж за что именно вас посадят – за контрабанду, неуплату налогов или просто мошенничество – дело десятое. Ведь все эти законы и написаны специально для того, чтобы их можно было смело применять к любому, чьи деньги вдруг покажутся хозяевам жизни достойными их внимания.

Так что если вы планируете развернуть какое-то дело с высокой рентабельностью, будьте готовы к описанным выше телодвижениям власти. Не готовы – и кто же вам тогда злобная буратина, если не вы сами?

Хоть сваезабивалка вроде и не тянула на то, чтобы мной заинтересовались, я все равно был готов к такому развитию событий. Тем более что это только первое мое изобретение, но никак не последнее.

За испытаниями на даче последовали более основательные на Хендерсоне. По их результатам я несколько изменил конструкцию треноги для большего удобства предварительной установки высоты и добавил в клапан возможность открываться не полностью, что расширило возможности устройства в обоих режимах. То есть гранатомет получил более удобную наводку по дальности, а забивалка теперь могла при необходимости

наносить ослабленные удары.

Забив нужное количество столбов на верфи и у нового дома, мы в виде гранатомета развернули устройство в океан и маленько постреляли – пока пустотелыми снарядами, без взрывчатки. И пришли к выводу, что для гарантированного поражения корабля на расстоянии в полкилометра нужно пять выстрелов, которые мое устройство при расчете из двух человек могло произвести секунд за двадцать. Быстрее не получалось: больно уж неудобно было засовывать снаряды в длинный ствол.

– В общем, очередной раз подтвердилась старая истина про универсальное оружие, – подвел итог испытаний дядя Миша. – Чем больше функций у изделия, тем хуже оно выполняет каждую из них.

– Ну почему же, – возразил я, – для учебы это ушлепище вполне сойдет. Если уж расчеты научатся поражать цель из него, то какие чудеса они продемонстрируют, получив в руки нормальный миномет! Который, я надеюсь, вы мне поможете спроектировать, потому как брать готовую конструкцию нельзя – больно уж у нас специфические производственные возможности. И прикиньте, чем можно набивать снаряды, учитывая, что нам нужны осколочно-фугасные и зажигательные.

Глава 23

К началу того времени года, что на Хендерсоне условно считалось весной, то есть к сентябрю, новый корабль уже приобрел почти законченные очертания. Он строился по той же технологии, что и «Аврора»: сначала собираются корпуса, потом они соединяются сварной рамой, после чего начинается установка двигателей, обшивка перемишки, прокладка коммуникаций и отделка. То есть в отличие от принятой для более крупных судов практики на воду будет спущен практически готовый корабль. Вот на эту стадию мы и вышли в сентябре, и теперь, если все пойдет по плану, где-то в начале ноября у островного флота появится новый флагман.

Дядя Миша полностью вписался в местную жизнь, быстро перезнакомился со всем племенем и теперь в свободное от строительства время прививал ему вкус к огородничеству.

Естественно, что на полуразобранный «порше» он наткнулся почти сразу по прибытии на остров, но спрашивать ничего не стал, а просто иногда помогал аборигенам советами, что и как с него удобнее откручивать. Решив, что в данном случае нет причин разводить повышенную секретность, я рассказал ему историю появления на острове этой машины. После чего пришлось показать генератор тока, питающийся от аккумулятора, и спрятанную в кустах до следующей надобности клетку.

– Ты, Коля, дилетант, – вздохнул дядя Миша. – Сам-то хоть это понимаешь?

– Подозреваю. Но вот что конкретно было сделано не так, пока не понимаю. На основании чего именно вы пришли к выводу о моем дилетантизме? Скорее всего правильному, но хотелось бы подробностей.

– Тогда начнем с начала. Как работает профессионал? Он прилагает необходимый для решения конкретной задачи минимум усилий, достигает максимального результата и получает за работу деньги. Любитель же делает все строго наоборот. Усилия у него максимальны, иногда даже диву даешься, чего только люди не напридумывают. Вот не лень тебе было эту прорву гвоздей приваривать? Да аккуратно-то как, меня аж зависть берет. Зато результат близок к минимуму. И в конце работы любитель обходится моральным удовлетворением. Или ты считаешь взятое у этого несчастного опера деньгами?

– А что, нет?

– Разумеется. Давно они появились, и много ли от них осталось? С карточек ты взял всего лишь ту мелочь, что он решил отмыть через кредиты. Да еще разорил заначку на совсем уж непредвиденный случай, вот и все.

Тут дядя Миша присмотрелся к одному из гвоздей, хмыкнул, взялся за него, крякнул и в два движения отломал от клетки.

– Ну вы и даете, – восхитился я.

– Да, кое-что еще могу, но дело не в этом. Здесь я только продолжил, а начал работу твой опер. Ты же ухитрился сразу отнять у него всякую надежду, но при этом не подавил волю! Вот он, собака, вместо раздумий о том, как бы передать тебе побольше денег, и строил далекоидущие планы. А это, знаешь ли, отвлекает. Но я к чему веду речь – нам еще деньги нужны?

– Да, в общем-то не помешают. Очень даже не помешают, если честно. Я тут уже потихоньку начал задумываться о продаже квартиры.

– Ну, она твоя, так что тебе и решать, но я бы с этим не спешил. Переходы же еще можно будет открывать больше года по времени того мира?

– По крайней мере, вроде не меньше.

– Так вот, есть там один весьма неприятный человек. То есть на самом-то деле он далеко не один, но остальные меня не очень волнуют. А этот – честно тебе, Коля, признаюсь – очень. Крови на нем уж всяко побольше, чем на твоём бывшем клиенте, причем намного. Ну как, даешь добро, командир?

– Даю. Что от меня требуется и когда приступим?

– Главное – не суетиться. Вот вечером за чаем сядем и начнем потихоньку мозговать. Без спешки, надо будет месяц готовиться – так и сделаем. И, пожалуй, на посиделки лучше сразу пригласить этого твоего Поля. Очень способный молодой человек, далеко пойдет, если его направить в нужную сторону.

Мы действительно не торопились – первые конкретные действия начались через неделю. И состояли они в том, что я отправился в турфирму, а в конце мая уже любовался собором святых Екатерины и Мориса в Магдебурге, причем от души и с легким сердцем. Ибо успел с утра съездить на окраину города, где в указанном дядей Мишей месте, недалеко от автобана Е30, замаскировал свой дюралевый шест с аппаратурой перехода. Так что теперь предстояло еще два дня глазеть на местные достопримечательности, вполуха слушать гида и потихоньку попивать баварское пиво, которое тут было заметно вкуснее, чем в Москве, хоть и продавалось в почти таких же бутылках.

Когда мы это только планировали, я поинтересовался у майора, уверен ли он, что разрабатываемый мерзавец хранит свои деньги именно в Германии.

– Разумеется, нет, – последовал ответ. – Как минимум придется ехать на Балканы. А в Магдебурге просто живет один мой друг, так что стартовать в любом случае будет удобней оттуда.

Вернувшись на родину, я купил еще один подержанный скутер, но не «хонду», а китайскую копию «Кимко Кобры». Вполне приличный скутер, и довольно быстрый, потому как стараниями его предыдущего владельца объем движка был не пятьдесят, а почти девяносто кубов. Старый же скутерок уже один раз мог засветиться в предыдущей операции, с него хватит.

Я проехался по Новой Риге и где-то в десяти километрах от МКАД свернул на дорожку, в конце которой было два элитных коттеджных поселка. Проехал примерно до середины и убедился, что в описании этого места дядя Миша был абсолютно точен. Прикинул, где тут будет удобнее всего открыть переход, развернулся и отправился назад, но медленно, внимательно смотря по сторонам. Меня интересовали кусты, причем требовались густые, неподалеку от дороги и точно такие же, как на выбранном для операции месте. Таковые нашлись у самого выезда на Новую Ригу. Я запомнил место и отправился в гараж, а оттуда – на Хендерсон.

Там под руководством отставного майора уже кипела работа: аборигены ломami и лопатами делали две колеи глубиной сантиметров пятнадцать и шириной по сорок. Вскоре они были готовы, и мы с дядей Мишей начали таскать, укладывать и закреплять доски. К вечеру колеи уже имели вид деревянных желобов.

Главное требование, которое отставной майор предъявил к операции, чтобы она ни

одной деталью не напоминала мою предыдущую. Там машина исчезла? Значит, теперь она должна остаться в том мире. Мой первый клиент тоже бесследно испарился? Дяди Мишин тогда просто обязан остаться в пригодном для сколь угодно тщательной экспертизы виде. Трупа, ясное дело, а не живого организма.

Вот мы и оборудовали место, где автомобиль, попав на Хендерсон, ни на секунду не коснется местной почвы своими шинами или днищем. А чтобы доски не так напоминали заранее приготовленную ловушку, перед самой операцией они будут завалены ветками кустов из двадцать первого века. Место, где их можно наломать, я уже нашел. Оставалось только дожидаться вечера пятницы, когда отставной полицейский генерал наверняка поедет в свою загородную резиденцию, а заодно сходить на работу, пока окончательно не забыл, как выглядят мои сослуживцы и как, блин, кого из них звать.

В пятницу еще с полудня зарядил дождь, что было просто прекрасно. Натянув непромокаемый комбинезон, я оседлал скутер и отправился на северо-запад. Где сначала наломал веток, нарвал травы, перекинул все это на остров, а потом, замаскировавшись у самого поворота, приготовил аппаратуру и начал ждать. Так, кто-то едет... нет, это не БМВ, а «мерс». Проезжай, хоть твой хозяин скорее всего ничуть не лучше того, которого я жду, но сегодня не его очередь. Опять кто-то приближается. Блин, «москвич»! Этот-то здесь откуда взялся? И дымит, зараза, как самосвал, не заглож бы в самом неподходящем месте. Нет, проехал. Ага, а вот это точно «бимер». Номер? Совпадает!

Я отложил бинокль и взялся за тумблер.

Как и ожидалось, перед поворотом автомобиль немного притормозил. Это хорошо, что нога у водителя будет на тормозе, тогда в случае резкого изменения обстановки человек инстинктивно нажмет на педаль. Включаю... есть!

Убедившись, что исчезновение БМВ прошло в запланированном режиме, я передал через переход команду на тамошнюю аппаратуру о смене адреса. Теперь новое окно откроется не на прежнем месте, а метрах в пятидесяти западнее, среди густой растительности, уже выросшей на берегу пруда. Закрыв переход, открыл новый и вместе со скутером перебрался на Хендерсон. После чего, малость раздвинув листву, принялся наблюдать за развитием событий.

Генерал сидел в своем лимузине довольно долго – примерно полчаса. Поначалу он попытался выехать из колеи, но безуспешно: ведь у него был все-таки не джип, а спереди и сзади колеи упирались в мешки с песком. Потом машина встала. Что происходило внутри, я не видел из-за тонированных стекол – наверное, клиент пытался звонить. Наконец, убедившись в бесперспективности этого занятия, он вылез из своей бээмухи. Причем с пистолетом в руке, сволочь! Впрочем, такой вариант дядя Миша рассматривал как наиболее вероятный и потому был к нему готов.

Попавшуюся в ловушку машину окружали кусты высотой примерно с нее, и только в одном месте они слегка расступались, открывая вид на пляж. Где в данный момент стояло два шезлонга, а на ярких ковриках загорали пять обнаженных девушек. Понятно, что наш гость отправился именно туда. Но очень осторожно, не убирая своей пушки. В кого ты собрался стрелять, козел, здесь же райский уголок, само воплощение всеобщего мира и полной безопасности!

Но тут, естественно, наконец-то восторжествовало добро, и клиент вдруг упал на колени, причем с вывернутой рукой, в которой уже не было пистолета. Оставалось ждать – дядя Миша сказал, что мое присутствие при допросе не обязательно, но он вряд ли надолго затянется, так что сильно соскучиться мне не удастся.

Я, честно говоря, ожидал, что от машины сейчас начнут доноситься нечеловеческие вопли, но все было тихо и благостно. Правда, один раз послышалось что-то вроде сдавленного мычания, но скорее всего это мне просто показалось.

Не прошло и часа, как дядя Миша свистнул. Это означало, что допрос окончен, пора готовить обратный переход. Я прошел чуть вперед и проверил аппаратуру – все в порядке, настройки вернулись прежние, и сейчас будет открыт канал в то место, с которого пятнадцать секунд назад исчез проезжающий по дороге к поселку автомобиль. Мне же около него появляться было нельзя. Хотя дядя Миша и проверил машину на предмет отсутствия видеорегистратора или просто скрытых камер, он не Бог, может и ошибиться. Но пусть тогда засветится только он, потому что, по его словам, подозрение все равно может возникнуть. Просто оттого, что у отставного майора есть мотив. Хотя, если подумать, откуда в такой машине возьмется регистратор или камеры? Если ее хозяин влетит в ДТП с обычным человеком, то виноват все равно окажется этот невезучий, а регистратор тут только помешает. Если же случится такое, что второй участник окажется не совсем простым, то опять же все будет решать степень его крутизны, а вовсе не какая-то запись. А учитывая, что в салоне машины могли вестись и разговоры с очень серьезными людьми, которым вряд ли понравится, что их пишут...

Но дядя Миша действовал по принципу «береженого бог бережет, сказала монашка, натягивая второй презерватив на свечку» и сейчас аккуратно вытирал влажной тряпкой ботинки клиента, уже засунутого на водительское место. Вот он закончил со своим занятием, пропихнул ноги генерала на педали и, обойдя машину, присел около передней пассажирской двери. С моего места было не видно, чем он там занимается, но я это и так знал – переобувается. Как снаружи машины, так и внутри нее по возможности не должно остаться ничего с острова Хендерсон.

Вот майор встал, махнул мне рукой и залез в машину. Мигнули стоп-сигналы, и я включил генераторы. БМВ тронулась, выехала на дорожку, но не стала входить в поворот, а продолжила движение прямо. Перевалилась через кювет, въехала в придорожные кусты и пропала из вида. Но через несколько секунд оттуда появился дядя Миша, трусцой добежал до окна в шестнадцатый век и начал снимать куртку – уже на нашем острове. Я закрыл портал и, стараясь не выказывать нетерпения, поинтересовался:

– Все нормально?

– Вроде да, – пожал плечами майор.

– А отчего он помер, если не секрет?

– Как положено – от сердечной недостаточности. Причем если экспертиза будет проведена не в ближайшие несколько часов, то она ничего другого и не покажет. Но про свои деньги человек рассказать успел, причем довольно много. Цифры пока называть не буду, их еще получить надо. Ну, а теперь приступаем к следующему этапу, то есть вдумчивому отдыху перед заграничным путешествием. Сегодня у меня к чаю будет клубничное варенье со здешнего огорода, так что не опаздывай, а то не достанется. Завтра, значит, я копаю свои грядки, послезавтра мы с тобой ставим рули на катамаран, а потом можно будет и посетить город Магдебург.

Так все и получилось. Посмотрев, как дядя Миша поднимает шест, я выключил аппаратуру. До дома, где, по его словам, жил тот самый друг, оставалось метров пятьсот. Майор пообещал, что генератор не попадет в чужие руки, – на самый крайний случай у него с собой был килограмм аммонала с детонатором. Мне теперь оставалось только ждать, причем в Москве, чем я и занялся.

Вечером в четверг на сайте любителей скутеров появилось условное сообщение, что переход надо открывать в час ночи по Москве, причем имея в виду, что дядя Миша будет с габаритным грузом. И вот в половине первого я перебрался на берег океана, потом подождал, пока тут тоже стемнеет, и, настроив аппаратуру на маяк, открыл окно.

По ту сторону тоже было темно. И, что удивительно, оттуда потянуло теплым воздухом, хотя обычно было наоборот. Значит, дядя Миша сейчас в каком-то теплом и низком месте.

Вспыхнул фонарик – это майор осветил себя. Он сидел за рулем какого-то маленького

колесного трактора, а сзади угадывался прицеп. Прикинув габариты, я в ответ тоже мигнул – мол, можно ехать, не застрянешь. Зачухал движок, и трактор вкатился на площадку перед домом дяди Миши.

– Все в порядке, – сообщил он, заглушив мотор. – Привез я денежку – налом почти восемьсот тысяч евро, еще миллион с копейками на анонимном счету, но это на Кипре, и девятьсот тысяч, которые по первому сигналу могут быть вполне официально переведены на счет твоего ИП в качестве доли за прошлые и будущие изобретения. Все уже после вычетов за барахло, естественно.

– И что там, в прицепе?

– Оснастка для дорнирования стволов, только без станины, горизонтально-фрезерный станок, кой-какое экзотическое снаряжение, три югославских калаша, цинк патронов к ним и одежда для маленького. А то ты в прошлый раз такой кошмар принес, что я его даже не стал Маше показывать.

Глава 24

Так как вокруг стояла ночь, мы не стали сразу разбирать привезенные дядей Мишей вещи. Он вручил мне сумку с валютой, сам взял мешок с тряпками, и мы разошлись по домам. Но если кто думает, что с утра я кинулся рассматривать автоматы или станок, то он ошибается. Больше всего из доставленного майором имущества меня заинтересовало то, что его привезло, а именно сам трактор. И восторг вызвали не его размеры, хоть он и был карикатурно мал, а конструкция.

Надо сказать, что в своей инженерной деятельности я по возможности придерживался принципа здорового примитивизма. То есть мне всегда было противно придумывать сложные устройства, хоть иногда и приходилось. Так вот, в неведомом конструкторе стоящего за моим домом механизма я сразу увидел родственную душу. Причем настолько родственную, что прямо хоть падай! Анекдот про лишние детали был абсолютно неприменим к этому трактору – они в нем отсутствовали как класс. Но даже то, что вроде считалось необходимым для таких машин, тут тоже отсутствовало больше чем наполовину!

Рама представляла собой просто букву «Т», грубо сваренную из могучего профиля. Подвеска всех четырех колес – жесткая. Вал двигателя располагался поперек и заканчивался здоровенным открытым маховиком чуть ли не полуметрового диаметра. А с него шла ременная передача ко входу коробки передач, заблокированной с задним мостом, из-за чего влезать на водительское место можно было только слева.

То есть этот тракторенок являлся идеальным тягачом. Ведь порвать ему кардан не получится никогда и ни у кого! Просто из-за отсутствия этой детали. Ремни же в самом крайнем случае будут просто проскальзывать. Но даже если какой-то выдающийся идиот ухитрится порвать ремень, новый стоит копейки, а заменить его – минутное дело.

Кроме того, такая компоновка делала машину универсальным локомотивом, то есть передвижным двигателем. Например, если на перекладину для передних колес присобачить генератор от БелАЗа, то, перекинув на него один из ремней привода, мы получим самоходный сварочный агрегат. Да мало ли что еще можно придумать! Во многих случаях ременные шкивы куда удобнее классического вала отбора мощности, который, кстати, трактор тоже имел.

Потом я сообразил, что не вижу радиатора, несмотря на то что движок явно водяного охлаждения. Куда могли засунуть этот агрегат, если его нет спереди, – назад, что ли, или вовсе вниз?

В общем, поиски продолжались минут пять, и все это время искомый радиатор пребывал прямо у меня под носом, на самом заметном месте. Просто выглядел он совершенно не так, как я ожидал увидеть. Самовар вы себе представляете? Вот он и торчал на левой стороне движка, напротив выхлопной трубы. Самый настоящий, примерно на ведро, с трубой, увенчанной домиком, только без краника – и черного цвета. Насколько я

понял, работала эта система примерно так, как у пулемета «максим».

То есть в самовар заливало ведро воды. От работающего двигателя она сначала нагревалась, а потом начинала кипеть. И пока вода не выкипала до конца, температура на внешней поверхности цилиндра не поднималась выше ста градусов. После же выкипания требовалось налить новое ведро, только и всего. Причем можно было не беспокоиться про отложение солей, потому как единственная труба этой системы имела толщину с мою руку. Пока там что-то отложится, пройдет лет десять, а прочистить это дело не сложнее, чем ликвидировать накипь на чайнике.

Двигатель, ясное дело, имел только один цилиндр. И мог крутиться, делая всего два оборота маховиком в секунду! Фантастика, блин. Максимальные обороты я на слух определил где-то в две с половиной тысячи – естественно, никакого тахометра на тракторе не было и в помине.

Мне тут же захотелось узнать, где продаются такие движки, и приобрести по крайней мере десяток. Благо дорого стоят они не могут, ибо китайские. А уж если вспомнить, какими суммами я теперь могу оперировать, то и тем более.

Вскоре на площадку, потягиваясь, вышел дядя Миша, и мы с ним начали прикидывать, как и куда волочь фрезерный станок. Ибо он был еще советским, весил, наверное, за тонну, а в дверь моего дома скорее всего не прошел бы. Впрочем, мы быстро убедились – даже если получится его туда как-то пропихнуть и он при этом не провалит пол, все равно работать в мастерской будет проблематично – там банально не останется места. Так что мы решили просто сгрузить станок, где стоит, а потом построить вокруг него сарайчик. Но этим займется дядя Миша, мне же предстояло или спать преобразователь из одной фазы двести двадцать на три по триста восемьдесят, либо просто купить трехфазный четырехсотвольтовый генератор. Наверное, последнее будет правильнее, но тогда пора решать и более общий вопрос. А именно: на какие движки делать ставку – дизельные, бензиновые или и те, и те?

Причем задумываться нужно о далекой перспективе, когда перестанут открываться проходы и мы сможем рассчитывать только на собственные силы. А это означает, что придется как-то решать вопрос с топливом. Выглядит же он так.

В тех местах, куда я хочу переселить племя, нефти нет. Она есть в пределах пяти тысяч километров, но добывать ее не так просто, сама не фонтанирует. То есть для добычи потребуется достаточно развитая промышленность, а откуда ей взяться без топлива? Получается, некоторое время придется использовать его биологические разновидности.

Для карбюраторных двигателей это спирт. С технологией его производства никаких проблем не предвидится – самогонный аппарат знаком, наверное, любому русскому человеку, а ректификационную колонну неплохо представляет себе каждый десятый, и я вхожу в это число. Сырье – сахарный тростник, свекла, картофель, а то и пшеница: на месте разберемся, что выгоднее выращивать. Кроме горючего, двигателям требуется смазка. Насколько я в курсе, среди растительных масел лучшим является касторка, причем по сумме полезных свойств она превосходит многие минеральные. Значит, надо купить семян клещевины, из которой и делается касторовое масло, его же в готовом виде и спирта. После чего перевести на них какой-нибудь из моторов – например, сварочного агрегата, он довольно интенсивно используется. А трехфазный генератор тогда лучше купить дизельный. И посмотреть, как он будет работать на биотопливе из подсолнечного масла с той же касторкой в качестве смазки. И по результатам испытаний уже принимать решение.

Мне представлялось, что дизельный генератор будет стоять заметно дороже бензинового, но это оказалось справедливо только для совсем небольших мощностей. А шестикилловаттные – что такой, что этакий – оба немного недотягивали до сорока тысяч. Правда, дизельный был на десять кило тяжелее, и вскоре мы с дядей Мишей выволокли из гаража на остров эту почти стокилограммовую железяку на маленьких колесиках.

Фрезерный станок уже обзавелся построенным вокруг него сараем с местом для генератора в углу, куда мы его и отволокли. Теперь майору предстояло запустить новый участок нашего механического производства, а мне – опять заняться инженерно-конструкторской деятельностью. Попытка спихнуть это дело на дядю Мишу успехом не увенчалась.

– Не инженер я, Коля, – вздохнул он. – Причем не только по образованию, но и по складу характера. Тот же КПВТ я тебе могу нарисовать чуть ли не до последней детали, а вот самому что-то придумывать – уволь.

Вот поэтому мне и пришлось вновь начать изображать из себя оружейника-изобретателя. Ибо пушку я собирался поставить еще на «Аврору», но то одно, то другое... да и некуда ее было там воткнуть, если присмотреться. Но сейчас-то делается куда более крупный корабль! Который скоро выйдет в открытый океан, где возможны встречи с испанцами, англичанами под руководством небезызвестного сэра Френсиса Дрейка, мусульманскими пиратами и еще черт знает какими недружелюбными людьми. И значит, наш новый катамаран просто обязан нести полный набор устройств и приспособлений, необходимых для плодотворного диалога с кем угодно.

Кое-что уже было готово – например, пара пенопластовых лодок-торпед второй модификации, то есть с дублированием радиоуправления и возможностью дистанционного подрыва. Но эти изделия могли применяться только в сравнительно спокойную погоду и против одной-двух крупных целей. Кроме торпед, я собирался сделать еще пару радиоуправляемых моделей-бомбардировщиков, но их преимущество перед торпедами только в том, что они многоразовые, а прочие ограничения оставались такими же. Но ведь совсем не обязательно придется воевать с большим кораблем! Например, нас могут атаковать десять или двадцать лодок – что делать тогда? Вот тут я и вспомнил про пушку. Произошло это перед визитом в Америку, так что там я уже представлял себе, что искать.

Оно, как это ни странно, нашлось, причем оказалось даже лучше, чем я надеялся. У меня была мысль прикупить там стволов охотничьего десятого калибра – именно стволов, а не ружей целиком. Но вдруг оказалось, что десятый – это вовсе не предел! Имеется еще и четвертый. Черт его знает, для каких условий он предназначался – наверное, на тот случай, когда вес стрелка с гакком переваливает за сто килограммов, а дичи – за тонну. Потому как четвертый калибр означал, что из фунта свинца можно отлить всего четыре круглых пули для этого оружия. То есть каждая будет весить по сто десять граммов! А внутренний диаметр ствола составлял двадцать шесть с половиной миллиметров.

Так вот, я купил пять таких заготовок длиной по восемьсот миллиметров. Хотелось, конечно, больше, но в готовом виде нашлось всего столько, а времени и желания делать заказ у меня, понятное дело, не было.

И вот теперь на базе этих железяк мне предстояло создать скорострельное орудие для поражения сравнительно небольших, но подвижных и множественных целей.

Я взял карандаш, бумагу и задумался. Какая схема оружейной автоматики самая простая? Разумеется, со свободным затвором. Правда, ее можно использовать только со сравнительно маломощным пистолетным патроном. А почему? Потому что иначе потребный вес этого самого затвора окажется слишком большим, а гильзы начнет раздувать. Да, но я же сочиняю морское орудие, которое может быть достаточно тяжелым, то есть остается только проблема с гильзами. Раздувает? Значит, нужно сделать такие гильзы, чтобы раздуться они не могли при всем желании!

Рука уже сама набросала схему. Снаряд, примем его вес за двести граммов, проходит восемьсот миллиметров по стволу. В качестве граничных условий постулируем, что гильза за это время должна высунуться из казенника не больше чем на двадцать миллиметров, а силы сжатия затворной пружины и трения снаряда по нарезам посчитаем в первом приближении равными. Получается, что свободный затвор должен быть в сорок раз тяжелее снаряда. Всего восемь кило? Да мне для морской пушки и шестнадцати не жалко.

Ну, а с гильзой совсем просто. Их же все равно придется точить из труб! Сталь

тридцать, давление газов возьмем как у патрона для КПВТ, хотя на самом деле оно наверняка будет меньше... толщина стенок восемь миллиметров? Вполне приемлемая цифра. А донце сделаем вообще сантиметра полтора, и хрен с такой гильзой что-нибудь случится.

Вскоре схема кинематики была готова. Семь подвижных деталей, две пружины и ствол со ствольной коробкой. Плюс магазин. И не нужно думать об откате, потому как эту функцию тоже выполнит свободный затвор. Красота! Если оно еще и заработает, надо будет учредить на Хендерсоне какой-нибудь орден и наградить им себя, подумал я, откладывая карандаш.

Дядя Миша, увидев мой проект, сначала долго и весело смеялся, но потом признал, что скорее всего как-то стрелять оно будет. Но сразу приступить к реализации планов по созданию артиллерии нам не дал доктор Зябликов.

Он еще неделю назад поставил меня в известность, что к Хендерсону хоть и не со скоростью урагана, но все же приближается демографический взрыв, в силу чего ему, Жене, необходимо срочно посетить Питкэрн. Ибо заверения тамошнего вождя о том, что в настоящий момент там беременны всего две женщины, вызывают сомнения. И значит, мне нужно все бросить и отвезти его на соседний остров.

– Тонга – отличный моряк, – просветил я своего приятеля. – И плавать она начала задолго до моего появления здесь. Опять же все ее предки плавали, так что прекрасно она тебя отвезет и без меня. Привыкай к самостоятельности, нас же тут слишком мало, чтобы на каждое дело накидываться всем скопом. Тем более что, как я уже говорил, Тонга отлично справляется с «Авророй», да и вообще она замечательная тетка.

Тут Женя малость смутился, а я офигел. Это как понять, он и ее уже успел?.. Фантастика. Выходит, в свое время не зря говорили, что в жизни всегда есть место подвигу.

Так вот, Зябликов вернулся с Питкэрна и сообщил, что кандидаток в мамы там сейчас не две, а восемь. Плюс пять на Хендерсоне, не считая дяди Мишиной Маши, которой вообще скоро будет пора рожать. Поэтому надо срочно строить клинику, если мы не хотим, чтобы малыши мерли тут, как мухи, что было до нашего появления. Кроме того, Женя вручил мне еще один медицинский список, который следовало в ближайшее же время отоварить.

Правда, моя подруга Таня пока не являлась кандидаткой в пациентки, и я даже не знал, радоваться мне по этому поводу или наоборот. Впрочем, какие наши годы – если смотреть по паспорту, всего тридцать пять. А если по морде, так и вообще не больше тридцати – долгое пребывание на Хендерсоне явно пошло мне на пользу.

При знакомстве с Жениным списком сразу выяснилось, что покупать надо несколько больше, чем у него написано. Просто потому, что в самом начале его бумаги шли холодильник и кондиционер. А электричество где брать? Поначалу, конечно, можно от генератора, но потом же замучаешься таскать бензин через переход. Значит, для них нужен какой-то местный источник энергии. Один ветряк не потянет, это не как у меня – несколько светодиодных светильников плюс ноутбук. Значит, нужны еще и солнечные батареи, которые прямо в процессе строительства будут установлены на крыше клиники. Плюс преобразователь из двадцати семи в двести двадцать.

Всю середину списка занимали какие-то недорогие и небольшие по объему вещи, из которых я обратил внимание только на глюкометр. Не потому, что думал, будто он меряет галлюцинации: я знал, что оный прибор измеряет содержание глюкозы в крови, хоть многим это не очень очевидно. Впрочем, есть и другие примеры – скажем, курвиметром меряют совсем не то, о чем подумает большинство, услышав это слово. Здесь же меня просто заинтересовало: неужели на наших островах есть диабетики или глюкометр нужен еще для чего-то?

В конце бумаги был раздел «информация к размышлению», состоящий из двух пунктов. Первый гласил: «Понимаю, что миллион рублей – это немалые деньги, но, может быть, ты их все же найдешь? Потому как нам очень не помешает портативный УЗИ».

Найду, подумал я. Точнее, дядя Миша уже нашел. Вот только что в медицине

подразумевается под портативностью – на скутере мне за ним ехать, на «девятке» или сразу брать на прокат «газель»?

Второй пункт, образно говоря, звал нас с дядей Мишей в сияющие высоты. Ибо там Женя просил обдумать, как в случае экстренной надобности он сможет быстро, максимум за пару часов, переместиться с Хендерсона на Питкэрн или обратно, изображая из себя «скорую».

Ну что же, мечта дяди Миши, которой он уже успел со мной поделиться, скоро вынуждена будет осуществиться. Ибо майор хотел, выйдя на пенсию и удалившись от людской суеты, построить себе самолет и третий год изучал теорию этого дела. Я тоже кой-чего понимал в означенном вопросе, да и полетать был весьма не против. Остров Хендерсон нетрудно вообще превратить в один огромный аэродром, для этого, кроме бульдозера, ничего не нужно, а дядя Миша сказал, что знает, где его можно найти. Правда, сильно подержанный, но на ходу, зато всего тысяч за десять плюс пару ящиков водки. На Питкэрне тоже имелось сравнительно ровное место около лесопилки, где при желании можно будет соорудить полосу длиной метров триста. А уж на новом месте авиация нам тем более не помешает, так что в ближайшее время мне предстояло попробовать себя еще и в роли авиаконструктора.

Глава 25

В начале октября катамаран получил имя «Мечта» и был спущен на воду. Неделю я плывал на нем сначала вдоль пляжа, а потом и вокруг острова, выискивая недостатки, но хоть сколько-нибудь серьезных так и не вылезло. То есть был один, вполне ожидаемый – из-за малой для такого водоизмещения площади парусности без помощи движков мой корабль не потрясал воображение скоростными качествами. При ветре порядка восьми метров в секунду он еле-еле разгонялся до десяти километров в час. Получилось же так потому, что я не рискнул снабжать его высокой мачтой (из соображений, как бы не перевернулся), а обошелся шестиметровой. Кроме увеличения устойчивости, это облегчало работу с парусами – ведь опытных яхтсменов на островах не могло быть по определению. Но зато при включенных движках и с голой мачтой «Мечта» разгонялась до пятнадцати, а при постановке еще и парусов – до двадцати километров в час.

После прибрежных испытаний мы с Тонгой сплавали на Питкэрн и забрали оттуда Власа, потому как свою роль преподавателя русского языка он уже выполнил. Причем парень возвращался не один, а с молодой женой Кириа, уже приученной откликаться на имя Кира.

В общем, настала пора последней репетиции перед броском через океан, то есть экспедиции на Мангареву. И тут встал вопрос, кто из нас будет в ней участвовать.

С одной стороны, нужны были все трое. Ведь там вполне могут воевать, а значит, присутствие на борту человека с реальным и немалым боевым опытом лишним никак не будет. Причем если дело действительно дойдет до столкновений, то не исключено, что кого-нибудь ранят и тогда понадобится врач.

Но у проблемы, как это всегда бывает, имелась и другая сторона. Женя и слышать не хотел насчет уплыть куда-то на целую неделю, если не больше. А вдруг тут без него начнут рожать? Тем более что Маше в общем-то было уже почти пора.

Из этих же соображений у меня просто не хватило совести настаивать на участии в экспедиции дяди Миши, чему он был явно рад, хоть и старался этого не показывать. В общем, на Мангареву я отправился в компании капитана Тонги, матроса Власа и недавно поженившихся стрелков Хани и Тима, для которых это плавание получалось свадебным путешествием. Корабль был вооружен двадцатисемимиллиметровой пушкой моей конструкции, которая, как ни странно, после небольших доработок начала вполне прилично стрелять. Правда, я рассчитывал на дальность в полтора километра, а получился всего один, но и это было очень неплохо. Кроме нее, на борту имелся восьмидесятимиллиметровый

миномет, тоже с дальностью стрельбы примерно в километр, одна пенопластовая лодка-торпеда и одна двухмоторная летающая модель, способная с пикирования сбросить двухлитровую бутылку из-под пепси, наполненную самодельным напалмом и снабженную взрывателем. Из стрелкового оружия наличествовали две маузеровских винтовки и два югославских калаша. Кроме того, я взял с собой «глок». Наган, к этому времени окончательно превратившийся из оружия в символ власти, был временно оставлен дяде Мише.

Мы двинулись к цели не совсем прямо, а небольшим зигзагом, сразу взяв на четыре градуса севернее, чем это требовалось для плавания на Мангареву. В двухстах пятидесяти километрах от Хендерсона находился совсем маленький островок Оэно, и было решено по дороге ненадолго заскочить туда.

Это был классический атолл, то есть коралловый остров, окруженный кольцевым рифом, образующим лагуну, и я хотел посмотреть, нет ли там чего-нибудь интересного. Да и вообще расширить кругозор, потому как до сих пор атоллов мне видеть не приходилось.

Ветер нам благоприятствовал, то есть дул с юга со скоростью порядка семи метров в секунду, что позволяло на экономичном режиме дизелей держать скорость пятнадцать километров в час, при кратковременных усилениях ветра разгоняясь до восемнадцати. В общем, хоть до Оэно было и немного подальше, чем до Питкэрна, мы, выйдя в поход ранним утром, достигли промежуточной цели своего путешествия в половине шестого вечера. Никаких особых облаков над этим клочком земли не было, да и откуда им взяться, если он представлял собой сильно уменьшенную копию Хендерсона. Та же известковая плешь, покрытая кустами и редкими пальмами у берегов, только выпирающая не на двадцать метров, как наш остров, а самое большее на пять-шесть.

Я приник к биноклю, и мне показалось, что примерно из центра острова вроде поднимается слабый дымок, но вскоре или перестало казаться, или он, если даже был, исчез.

По картам двадцать первого века выходило, что в лагуну есть проход с северной стороны, и мы, огибая риф, направились туда. Но, получив возможность взглянуть на этот якобы проход вблизи, я велел становиться на якорь метрах в пятидесяти от рифов и доставать надувную лодку. Вот на ней тут можно будет проплыть, да и то соблюдая определенную осторожность.

Только тем, что мы с Тонгой смотрели не на берег, а на рифы, оценивая проход в них, и можно объяснить, что первой заметила на острове нечто необычное Ханя.

– Там, кажется, корабль, – не очень твердо сказала она. А потом добавила гораздо определеннее: – И человек. Совсем старый, на нашем острове таким был только Увака-ау, но он давно умер. Или как вождь на Питкэрне.

Глянув в сторону берега, я убедился в правоте девушки.

Кроме собственно острова Оэно, в лагуне присутствовала совсем небольшая песчаная коса длиной около километра, а в ширину где-то от пятидесяти до семидесяти метров, расположенная как раз между нами и большим островом. Кое-где на ней торчали заросли чахлого кустарника, которые и помешали сразу увидеть то, что находилось в мелком проливе между косой и островом.

А торчала там полузатонувшая лодка, причем довольно большая, примерно с один корпус «Мечты». Собственно, она и не тонула только потому, что явно лежала килем на дне. А рядом с ней на берегу действительно стоял человек, опирающийся на довольно длинную палку.

В бинокль сразу стало видно, что лодка вся в каких-то заплатах, но в ней один черт полно воды. А человек действительно довольно старый по местным меркам, потому как тут мало кто доживал до седых волос. И опирается он не на палку, а на совершенно явное копьё.

Тем временем лодка была надута, и Влас уже крепил к ее транцу мотор «Салют». Затем мы с ним спихнули лодку на воду, я перебрался туда, подождал, пока моему примеру последуют Ханя с Тимом, вооруженные калашами, и дернул за шнур. Моторчик заурчал, и лодка двинулась в лагуну.

Поначалу я смотрел в основном вперед и вниз, опасаясь напороться на что-нибудь, но скоро мы преодолели опасное место и, прибавив скорости, двинулись вдоль косы. Я опять взял бинокль, и увиденное мне не очень понравилось.

Старик стоял не просто так. Вот ей-богу, по нему было видно, что человек смотрит на приближающуюся лодку и прикидывает, как бы подороже продать свою жизнь! Кроме того, он был явно ранен. Правая нога, выше колена обмотанная какими-то большими зелено-рыжими листьями, ниже повязки посинела и опухла. В чем дело? Он что, уже видел европейцев, потому как Ханя с Тимом в своих шортах, футболках и бейсболках как-то не очень походили на полинезийцев? Или тут что-то другое?

На всякий случай я решил до прояснения ситуации не приближаться к берегу менее чем на тридцать метров, но когда до него оставалось примерно вдвое больше, старик вдруг на глазах расслабился, положил копье и даже не сел, а практически упал на песок. Да он небось только сейчас рассмотрел, кто плывет, понял я и направил лодку прямо к островитянину, на всякий случай пересел и, перехватив румпель левой рукой, правую положил на рукоятку «глока».

Вскоре наша посудинка ткнулась носом в песок, и Ханя, оставив автомат, бросилась к старику и что-то затараторила по-полинезийски. Старик отвечал, но редко и односложно – кажется, ему было трудно говорить. Впрочем, девушка это тоже сообразила, потому как метнулась к лодке, достала бутылку с водой и начала поить островитянина. После чего тот малость прибавил красноречия, и вскоре я уже слушал историю беглецов с Мангаревы в пересказе Хани.

Очень давно, когда старик был еще полным сил мужчиной, на Тараваи, втором по величине острове архипелага в лагуне, расположенном на юго-восток от Мангаревы, люди объединились под началом великого вождя Тамароа-Ику, вооружились и напали на Мангареву, где в то время жило четыре рода без единого руководства. Быстро выяснилось, что агрессоры – очень хорошие воины, с которыми невозможно справиться. А кроме того, они едят людей. В общем, война продолжалась несколько лет, и в результате два рода просто исчезли, один принял людоедство и признал над собой власть Тамароа, а последний сбежал на Акамару, небольшой островок на краю архипелага. Еще несколько лет у беглецов получалось успешно обороняться от набегов с Мангаревы, потому что в этом роду были потомственные моряки и кораблестроители, которые могли строить лодки из тех не очень больших деревьев, что еще оставались на острове. Кроме того, им удалось захватить с собой самое большое судно архипелага – последнее каноэ, оставшееся от далеких предков. Поэтому несколько морских сражений закончилось поражением людоедских эскадр.

Но все на свете когда-нибудь да кончается, и недавно большую лодку пришлось поставить на очередной ремонт. А на Мангареве какой-то умник додумался соединять небольшие каноэ по два шестами с настилом, так что получалось что-то вроде катамарана. В общем, хотя последний штурм и был отбит, это стоило беглецам слишком дорого – погибли почти все мужчины, а двое оставшихся были ранены, да и среди женщин и детей осталось в живых меньше трети. Новое же нападение могло последовать в любой момент.

И тогда остатки рода, наскоро залатав дыры в своем большом каноэ, направились в океан, понимая, что на архипелаге их все равно съедят. На пятый день пути, когда лодка уже совсем было собралась окончательно потонуть, они наткнулись на атолл Оэно. И вот уже третий день жили здесь, понимая, что если в ближайшее время не пройдет дождя, то все они умрут от жажды. Правда, эти люди умели собирать росу с пальмовых листьев, но полученной таким образом воды не хватало даже детям.

И кстати, дым мне не померещился. Беглецы жгли костер, чтобы получить золу для обработки ран своих мужчин, но увидели приближающуюся «Мечту» и попрятались. А старик остался у полузатонувшего каноэ, потому что спрятать его было невозможно, взяв единственное оставшееся у беглецов копье с обсидиановым наконечником.

– Так тут что, полно больных, женщин и детей? – уточнил я. И, получив утвердительный ответ, велел старику звать всех на берег, где людям дадут воды и пищи. Сам

же прыгнул в лодку и направил ее к «Мечте»: вид раненой ноги старика мне очень не понравился. Его явно надо было как можно быстрее показать Жене, а ведь тут вроде был еще как минимум один раненый. В общем, я хотел открыть переход с Оэно в гараж, а оттуда – на Хендерсон, чтобы не тратить времени, тем более что обратно ветер будет помогать меньше, и значит, плавание затянется.

Когда я вернулся, на берегу уже собралась небольшая толпа, перед которой, размахивая руками, ораторствовала Ханя, а Тим стоял чуть в стороне, направив ствол автомата в землю. Я еще успел услышать «Ник-ау» и «пришелец с неба», а потом, выбравшись на берег, начал разворачивать аппаратуру, параллельно пытаясь сосчитать людей. Так, четыре женщины, две старухи, десятка полтора детей в возрасте от грудного лет до двенадцати и молодой парень чуть постарше Тима, без сознания лежащий на сплетенных из чего-то вроде листьев папоротника носилках. И вид у него даже хуже, чем у старика, прикинул я, открывая переход.

В гараж народ пришлось загонять чуть ли не пинками, зато, увидев хендерсонский пейзаж, оттуда они ломанулись сами. Затем на остров перешли Ханя с Тимом, а последним – я с аппаратурой. Тонге и Власу предстояло пригнать «Мечту» на наш остров: в свете только что полученной информации путешествие на Мангареву теряло смысл.

Клиника, хоть и с недоделками, но была уже построена, и Женя скомандовал тащить обоих тяжелобольных туда, а всем остальным, в том числе и тем, кто считает себя здоровым, располагаться неподалеку, никуда не ходить и ждать, когда о них позаботятся, что должен был сделать дядя Миша. Мне Зябликов сказал, что для всего этого народа нужно две больших палатки, ибо давать гостям свободно общаться с коренными хендерсонцами еще рано. После чего удалился в клинику, а я отправился в Москву за теми самыми палатками.

За время моего отсутствия на острове не прошло и десяти минут, так что мне пришлось еще почти полчаса ждать, пока Женя освободится.

Наконец он вышел.

– Если мы не хотим, чтобы парень умер, а старик остался без ноги, в Москву надо идти мне, – сообщил он. – Ты просто не сможешь достать и трети того, что требуется, а мне, кроме всего прочего, необходимы консультации.

– Не вопрос – переодевайся и идем. Сколько это займет времени и сколько денег с собой брать?

Ни одного, ни другого ответа Женя толком не знал, так что я, прихватив с собой полмиллиона, провел его в гараж, а оттуда – к себе домой. В Москве было восемь утра, а понятие «начало рабочего дня» в нашем институте давно являлось весьма растяжимым. И, значит, я ждал, пока Зябликов сначала напишет несколько электронных писем, а потом составит список – куда и в каком порядке ему надо, а также сколь весомые вещи оттуда придется тащить. В общем, оказалось, что ни я, ни моя машина Жене не нужны, Москву он еще не забыл и к вечеру постарается управиться сам.

В полном соответствии с уже упомянутым следствием из закона всеобщей подлости мой приятель бегал по Москве не день, а три, завершив стаскивать какие-то пакеты и коробки в мою квартиру только вечером в пятницу. Правда, растратил он всего двести тридцать тысяч. И заявил, что теперь можно возвращаться.

Я за это время приобрел, то есть просто набрал в институте деталей для преобразователя напряжения солнечных батарей и ветряка в двести двадцать, развел платы, заказал их срочное изготовление и даже успел получить. Это не встретило со стороны начальника ни малейших возражений, потому как теперь из каких-то высших соображений требовалось освоить энные суммы по статье «опытно-конструкторские работы», и мои поползновения оказались очень кстати.

После ужина я сходил в гараж за машиной, мы с Женей погрузили туда все коробки и отправились обратно, а оттуда – на Хендерсон. Парню, которого мы привезли с Оэно, предстояла операция. Делать ее будет доктор Зябликов, а ассистировать уже согласился дядя

Миша. И это хорошо, потому как от меня там точно не вышло бы никакой пользы, кроме вреда. Хотя, конечно, я был заинтересован в том, чтобы парень выжил: с подачи Хани у меня уже появились на него кое-какие планы.

Ведь сейчас двое молодых людей оказались в центре внимания всего племени. Мало того что они привезли далеких братьев с легендарной Мангаревы, так еще и побывали на небе! Тим до сих пор ходил как пришибленный, не в силах полностью осознать все величие этого события. А вот на его молодую жену оно особого впечатления не произвело. Единственное, что она смогла сказать про это самое небо, – что там темно, холодно и вонюче. Но зато у нее родилась идея помочь мангареванцам сбросить иго людоедов. Разумеется, она это и придумала, и описывала своими словами, но суть была именно такой. И значит, мне пришлось внести ясность в поднятый ею вопрос.

– Кому ты собралась помогать? Ведь все, кого ели, или убиты, или уже здесь, на нашем острове. Там остались только те, кто ест.

– Но они же не все плохие! Убить самых злых, остальным дать много еды, и все будет хорошо.

– А почему это должны делать мы? Ведь нам же неизвестно, кто там действительно злой, а кто кушает человечину просто потому, что ему вовремя не дали картошки. Если на Мангареве еще остались нормальные люди, то пусть они этим и занимаются, а мы им только поможем. Если же нет – помогать поздно, ибо некому. Потому как чем скорее они там сожрут друг друга, тем раньше их станет настолько мало, что заниматься людоедством будет бессмысленно, и ситуация сама собой выправится.

Ханя, кажется, не совсем поняла, что я хотел сказать, но зато Поль точно понял. И пообещал все объяснить.

Надо сказать, что он действительно оказался очень способным парнем, это дядя Миша подметил совершенно правильно. Поль уже давно от корки до корки прочитал свой букварь, то есть инструкцию к токарному станку, и сейчас делил время между третьим томом детской энциклопедии с математикой, физикой и химией и трудом Макиавелли «Государь».

Глава 26

Жене все-таки удалось вылечить раненых мангареванцев, хоть это и было, судя по его виду, совсем не просто: он даже малость спал с лица и похудел в талии. Трое суток, пока шла борьба за их жизни и здоровье, все остальные беженцы сидели перед клиникой, не выходя за пределы огороженной флажками площадки. Сначала Ханя объяснила им, что это нельзя, ибо табу, а потом Поль конкретизировал, что на Хендерсоне обычно случается с теми, которые это самое табу нарушают.

Но наконец наш доктор, отоспавшись после трехсуточного дежурства, добрался и до них. В результате один малыш остался в клинике, у него было что-то с животом. Вместе с матерью, ясное дело. Еще нескольким было велено приходить к клинике через день, а остальные объявлены здоровыми и, следовательно, свободными. Мы же с дядей Мишей потихоньку начали за вечерним чаем обсуждать дальнейшие планы.

– Значит, предлагаешь еще немножко поработать по прямой специальности, – хмыкнул он, узнав про мои планы относительно парня и старика с Мангаревы. – Почему прямой? Да потому что готовить повстанцев – оно и было моей основной работой. Правда, в Полинезии делать этого еще не приходилось. Но тогда заранее реши, чем ты их будешь вооружать и какие рации выделишь.

– Рации сам скоро спаяю, а оружие пусть забирают самодельное, шестьсот третий «крыс» и восемьсот четвертый. Можно добавить «макаров», оставшийся от генерала, но ведь к нему всего две обоймы.

– Это как раз не проблема, таких патронов за пару дней достану, и почти даром. Заодно и ножики надо купить, а то твоими кухонными воевать хоть и можно, но как-то неудобно. И

крахмала, потому как я уже подумал насчет начинки для мин и гранат. Шимоза, которую ты предлагал, оно, конечно, хорошо, но только больно уж опасно при кустарном производстве. А вот нитрокрахмал – самое то, что надо. И прикинь, как попроще сделать огнемёт: против плотов и долбленых лодок он хорошо подойдет. Лучше, конечно, чтобы работал на каком-нибудь местном сырье вроде пальмового масла.

– Эх, дядя Миша, – вздохнул я, – пальмы бывают разные. В частности, из тех, что растут у нас, ни капли масла не выжмешь, я уже проверял. Отчего, думаете, все пытаюсь разводить подсолнухи? Ладно, сочиню что-нибудь, на новом месте тоже пригодится.

– Кстати, насчет нового места, – сменил тему майор. – Ты ведь не собираешься вывозить туда всех подчистую?

– В общем-то, да, там нужны в первую очередь молодые, причем те, которые сознательно пойдут в новые земли. Консерваторы, конечно, пусть остаются здесь, но только мне как-то жалко их внуков. У них небось не будет никакой перспективы.

– Это ты зря. Остров вполне способен прокормить человек сто, а вместе с Питкэрном – и двести. А такого количества уже вполне хватит, чтобы эффективно защищаться вплоть до середины девятнадцатого века. Потом, конечно, начнутся трудности, но ведь они могут возникнуть и у переселенцев, если те не создадут мощную в военном отношении страну. Причем даже чуть раньше. Если же создадут – ей наверняка понадобится база в этой части океана. Хендерсон – почти готовый аэродромный комплекс: самую малость поработать бульдозером и катком – и сажай сюда хоть стратегические бомбардировщики. И мол за северным мысом сделать не очень трудно, тогда получится неплохой порт. А Питкэрн – отличное место для РЛС, там вершина выступает почти на полкилометра. И кстати, Поль тут недавно высказал довольно интересную мысль. Говорит, что его народу нельзя бросать место, откуда все началось, а следует сделать из него святыню, объект паломничества будущих поколений. Тут тебе и пирамида священного зверя, и дом, который своими руками построил великий Ник-ау, и место, откуда вышли в океан первые корабли. Да, к чему все это говорится... Знаешь, Коля, я ведь в душе тоже консерватор, причем довольно старый.

– Так что, вы не хотите участвовать в переселении?

– Что значит «хочу – не хочу», если надо. Но все-таки желательно вахтовым методом. Поработал, а потом сюда, домой. Тебе же спокойней будет – никто не тронет острова, пока осваивается Австралия.

– Может, так будет и лучше, – согласился я. А про себя подумал, что наверняка тут не обошлось без влияния Маши. Похоже, лимит ее готовности к переездам был исчерпан переселением с Питкэрна на Хендерсон.

Пятого декабря одна тысяча пятьсот семьдесят первого года у дяди Миши родилась дочь, названная Надеждой. Впрочем, в ее документах, когда таковые появятся, дата рождения наверняка будет записана несколько иначе. Ибо Поль, разобравшись с летоисчислением, заявил, что счет от рождества Христова его народу решительно не подходит. Поэтому сейчас на островах заканчивался третий год новой эры, начавшейся с явления на Хендерсоне пришельца по имени Ник-ау. Правда, я сюда прибыл не первого января, но такой мелочью было решено пренебречь во избежание путаницы с календарем.

Через неделю на свет появился еще один малыш, на сей раз Женин, а сразу после новогодних праздников, которые мы отметили весьма скромно, всего лишь одним днем загула, начался давно ожидаемый демографический взрыв. Причем не только у нас, но и на Питкэрне, из-за чего Зябликов вынужден был сплывать туда аж два раза. Несмотря на то что теперь рейсы совершались на «Мечте», то есть более комфортабельном, безопасном и быстроходном судне, чем «Аврора», оба раза он, едва сойдя на берег, первым делом напоминал про обещанный ему самолет. В силу чего пятого января мы с дядей Мишей сели конструировать аэроплан.

По поводу прототипа особых дискуссий не было – разумеется, за него следовало принять Ша-2. Потому как полеты на сухопутном самолете над океаном никого не

прельщали, а чистый гидроплан был бы неудобен при хоть сколько-нибудь заметном волнении, особенно при посадке у Питкэрна. Другое дело, если она будет аварийной, но штатно лучше все-таки взлетать с суши и садиться на нее же. Поэтому наш будущий самолет должен являться амфибией.

Но вот с движком так просто вопрос не решался. Во-первых, идея летать над океаном на одномоторном самолете мне как-то не нравилась. А во-вторых, не очень понравился выбор дяди Миши.

Он тоже считал, что моторов должно быть два, но выбрал «Ротакс-582».

– Замечательный мотор, – без особого энтузиазма согласился я, – довольно простой, надежный и мощный. Но вот стоит он, зараза, одиннадцать тысяч евро. Умножаем на два – и получаем совсем нехорошую сумму.

«А запчасти-то, запчасти! – завопила моя вроде бы вставшая в спячку после финансовой операции дяди Миши жаба. – Да где же мы столько генералов наберем, чтобы покупать эти железяки по таким ценам?»

Я, естественно, тут же озвучил майору ее соображения, а потом выложил свои:

– Пару моторов мы, конечно, купим и не разоримся. Но дальше-то что? С десятком уже возникнут трудности, а про сотню лучше даже и не мечтать. Но ведь хочется сразу создать базу для развития авиации на десятки лет вперед! Поэтому я предлагаю взять за основу самый мощный из движков для генераторов и мотоблоков, хондовский «джи-икс шестьсот девяносто». Даже в фирменном исполнении он стоит в шесть раз дешевле «Ротакса», а китайская копия вообще тянет где-то на тридцать тысяч рублей. Запчастей полно, и они копеечные. Причем если такому движку поставить коммутатор без ограничителя и прошарошить каналы, его мощность как минимум удваивается, то есть получим мы где-то сил пятьдесят. Значит, два «джи-икса» дадут как раз ту мощность, что имел «эм одиннадцатый», изначально устанавливаемый на Ша-2, а весить будут почти в полтора раза меньше. Кроме того, к ним выпускаются готовые редукторы один к двум, причем с упорным подшипником на выходном валу.

Подумав, дядя Миша согласился с моими доводами, и где-то за неделю основные чертежи были нарисованы. То же, что там не отразилось, мы будем делать по месту, как довольно часто поступают самодельщики.

Основные отличия от прототипа заключались в конструкции шасси – все-таки сейчас в Москве не конец двадцатых годов прошлого века, в силу чего имелась возможность сделать этот узел заметно прочнее и с куда лучшей амортизацией при том же весе. Кроме того, наш самолет имел совершенно другую мотораму, потому как моторов предполагалось два вместо одного и они были с иными креплениями. Все остальное мы собирались делать практически один к одному.

Но перед этим пришлось пройти по острову с целью найти наилучшее место для будущего аэродрома. Кстати, выбор был не самой простой задачей, ибо, как уже говорилось, для сооружения взлетно-посадочной полосы годилось практически любое место. В общем, кончились все эти поиски тем, что мы решили не мудрствовать и начинать полосу сразу за огородами дяди Миши. И тянуть ее на юго-запад, вдоль преобладающего направления ветров, до упора, то есть того места, где остров кончался, а начинался океан. В таком варианте ее длина должна была составить километр триста метров.

Разумеется, для Ша-2 отродясь не требовалась ни столь длинная полоса, ни даже вдвое короче. Вполне хватило бы трехсот метров, причем с запасом, но ведь мы собирались строить не обычный, а испытательный аэродром. При испытаниях же очень желательно иметь возможность разогнаться, чуть взлететь, потом опустить хвост и сесть, причем никуда не сворачивая.

Постройка полосы началась с посещения двадцать первого века, где утром я отвез дядю Мишу к его райцентру Пено, а потом до ночи ждал его в условленном месте. Майор, как и предполагалось, явился туда на гремющем и копящем бульдозере ДТ-75, к которому сзади был прицеплен еще и каток. Правда, с ценой он малость погорячился – машина обошлась

нам в двадцать пять тысяч, но это было вполне терпимо. И, что меня особенно удивило, дядя Миша по дороге успел разжиться патронами для «макарова», где-то надыбав полторы сотни штук.

Я быстро пропустил на Хендерсон пополнение в семействе тракторов, а потом сам проехал туда на «девятке», ибо тащиться триста километров до Москвы мне было просто лень.

И вот патриархальная тишина острова посреди океана, веками нарушаемая только криками птиц да рокотом прибоя, а с моим появлением – еще и шумом инструментов да плюс иногда выстрелами, была окончательно опохаблена рыком дизеля притащенного дядей Мишей древнего советского трактора. На водительском месте после нескольких дней учебы уверенно обосновался Поль, хоть я поначалу и сомневался, что у него хватит сил ворочать тугие рычаги, да еще и управляться с педалями, имея по сути дела полторы ноги, но мои опасения оказались напрасными. Если парню и было трудно, то он никак этого не показывал. Впрочем, могу сказать по себе: ей-богу, есть что-то завораживающее в управлении пусть и медлительной, но мощной машиной, которая без особых усилий сносит не только кусты, но и небольшие деревья.

Однако пополнение нашего машинного парка явно требовало создания чего-то наподобие нефтебазы. Ибо таскать канистрами бензин и дизтопливо мне решительно надоело, из чего следовало: пора навестить дачу.

Но перед этим я подал заявку на патент про сваезабойную машину – нужно же было чем-то оправдывать существование своего ИП. Затем заказал в специализирующейся на подобных делах компании доставку на свой участок двух бочек бензина и пяти – солярки, после чего сам отправился туда.

Как выяснилось, моего появления ждали. Бригада, бравшая на прокат трехногий механизм, мало того что осталась им очень довольна, но и сделала рекламу. И вот ко мне приехал мужик аж из Коломны, который уже захотел купить эту помесь копера с минометом. Я не поддался искушению задрать цену – и вскоре стал беднее на две трубы с тремя ногами, зато богаче на четырнадцать тысяч рублей. Учитывая, что изготовление вместе с работой обошлось мне в одиннадцать, можно было начинать говорить про огромную экономическую эффективность таких приспособлений, чем я и занялся на следующий день в технопарке райцентра Пруды. Там было заказано комплектующих еще на четыре сваезабивалки плюс под шумок на столько же настоящих минометов, то есть без дополнительных возможностей. Отличались они в основном тем, что эти трубы были вдвое короче и имели другое расположение отверстий.

Вообще, конечно, технопарк оказался очень полезной организацией. Например, мне захотелось монтажных патронов МПУ-3. Без него бы пришлось долго лазить по интернету, ибо это не такое уж распространенное изделие, потом договаривался бы с посредниками, потому что завод-изготовитель со мной дела иметь не будет, и так далее. Здесь же потребовалось просто зайти в контору, ранее бывшую отделом снабжения завода, и сказать, что мне нужно. Меня угостили кофе и пирожным, а когда я с ними расправился, сообщили, что десять цинков, в каждом из которых по тысяче патронов, обойдутся мне в сорок шесть тысяч рублей со сроком доставки дней десять. Офигеть и не встать! Я, конечно, и раньше подозревал, что на самом деле патроны стоят куда дешевле, чем за них просил мужик на строительном рынке, но не думал, что настолько.

Жаба была потрясена не меньше своего хозяина и всю дорогу до дачи убеждала меня отныне покупать всякие железяки и прочее исключительно через этих приятнейших людей. Да так на одних только кофе и булочках выйдет огромная экономия!

Вечером приехала машина с горючим. Экспедитор даже не стал спрашивать, зачем это все мне понадобилось, потому как участок представлял собой яркую картину строительного разгрома, чуть в стороне от которого приткнулась бытовка, а точно посередине торчал

длинный гараж. Правда, увидев в нем полтора десятка больших огнетушителей, привезший бочки одобрительно сказал, что я правильно делаю, что забочусь о противопожарной безопасности. Но в добавление к этим лучше приобрести еще и пенные, потому как они эффективнее при тушении бензина. И был столь любезен, что даже написал мне, как они называются.

На самом деле о пожаре при покупке данных изделий думалось в последнюю очередь. Я собирался использовать углекислотные огнетушители как реактивные двигатели для своих пенопластовых торпед, а то монтировать винт на стартер, а потом еще и крепить все это дело мне надоело уже на третьей торпеде. С огнетушителем же все куда проще – открыть кран, и он начнет толкать грозную пенопластовую хреновину. Метров на четыреста его хватит, и скорость при этом выйдет больше, чем на стартере от «жигулей». Опять же огнетушитель – это довольно массивная стальная труба, которая наверняка выдержит прямое попадание мягкой средневековой пули.

Получив топливо, я запер гараж и отправился в Москву – следовало сходить на работу, а в свободное время посмотреть в интернете, какие бывают луки, из чего и как их делают, приемы стрельбы и все такое прочее. Потом пробежаться по магазинам и купить того, что необходимо для сравнительно массового производства этого неогнестрельного оружия, чего нет ни на Хендерсоне, ни на Мангареве. Ибо то самодельное устройство, что я сваял для Марика, отнюдь не потрясало воображение своими данными, да и лыж у меня больше не было.

Вообще-то на нашем острове росли деревца с прочной и упругой древесиной красного цвета, но практически все хоть сколько-нибудь крупные из них пошли на изготовление «Авроры» и «Мечты». Но от строительства осталось много сучьев, которые вполне можно будет пустить на вооружение будущих повстанцев.

Дядя Миша уже третий месяц тренировал парня и старика, причем, по его утверждению, они будут более или менее готовы примерно через полгода, так что мы успеем забросить их еще до отплытия в сторону Австралии, которое планировалось на ноябрь.

Кстати, парня, вытащенного Зябликовым с того света, звали Че. Я уж не знаю, кем надо быть, чтобы с таким именем да не поднять народ на освободительную борьбу! Естественно, старику тут же было присвоено имя Фидель, которым он очень гордился, и сейчас эта пара усиленно готовилась к высадке на родной остров. Нам же оставалось надеяться, что она пройдет успешнее, чем в свое время штурм казарм Монкада у Фиделя Кастро.

Глава 27

Не секрет, что последние двадцать лет население России медленно, но верно сокращается. Параллельно с этим столь же неуклонно, но далеко не так медленно растет поголовье чиновников. Если кто-то думает, что это разные, никак не связанные между собой явления, то мне его просто жаль. Потому как на самом деле тут мы имеем две стороны одного процесса, и между ними есть жесткая причинно-следственная связь. По моим прикидкам, появление одного лишнего управленца в среднем приводит к уменьшению населения на семь человек. Они либо не рождаются, либо умирают гораздо раньше срока. Желаящие могут взять цифры «роста» населения и прикинуть, сколько же там, наверху, нелишних. У меня получилось процентов десять, да и то я считал с запасом.

Ибо вообще-то государство – это аппарат принуждения. Оное принуждение осуществляют госслужащие, то есть чиновники. И если над ними не висит дамоклов меч – не столь важно, как он устроен, – делать они это будут исключительно в собственных интересах. То есть только и искать, что бы еще запретить, а потом, если конкретно этот запретитель не ворует, что хоть и маловероятно, но возможно, получить благодарность и премию от начальства. А уж оно, будьте спокойны, разберется, как из самого вроде бы безобидного запрета извлечь материальную пользу, и немалую.

Например, когда Женя бегал по Москве за медикаментами, он вдруг с удивлением выяснил, что марганцовку очень трудно достать! Ее продают по двухграммовому пакетику в одни руки, да и то далеко не во всех аптеках. Ибо данный препарат подлежит строгой отчетности, и мало кто хочет с ним связываться. Почему? Да якобы потому, что марганцовка используется при изготовлении некоторых наркотиков и взрывчатых веществ. Блин, да я с ходу могу назвать реактив, который позарез необходим для приготовления любой наркоты! Без марганцовки при желании как-то можно обойтись, а без него никак. Это вода. Вам кажется, что я преувеличиваю и ее никак не получится отпускать по специальному разрешению? Ну-ну...

Понятное дело, марганцовку я в конце концов нашел, но по такой цене, что жаба проснулась и, зевая, сказала: теперь лично она вполне готова к принятию концепции классовой борьбы.

Или, например, наш недавно всенародно избранный, еще не успев вступить в должность, заявил, что пневматическое оружие пора запретить. Интересно, это в его окружении кто-то придумал, как даже на такой ерунде погреть руки, или он сам по результатам избирательной кампании решил еще уменьшить вооруженность народа, а то мало ли до чего он додумается в ближайшем будущем.

Но конкретно сейчас меня подвигла к действиям несколько иная инициатива слуг народа. Недавно один довольно высокопоставленный деятель заявил, что пора навести порядок в торговле химреактивами. А то, представляете себе, каждый может купить не только калиевую, но даже аммиачную селитру! Без всякого разрешения свыше и даже не предъявляя паспорта – вот где простор для терроризма-то.

Разумеется, сам он наверняка ничего не выращивал на своем участке. Ему такое не надо, ибо отягощенный властью организм жрет в ресторанах, причем в таких, где тем, кому действительно нужны эти удобрения, годового дохода хватит разве что на один завтрак, да и то не очень плотный.

Так вот, пока упомянутая инициатива не приобрела силу закона, следовало затариться всеми видами нитратов и кое-какой органикой наподобие толуола.

Понятное дело, сколько я ни притащи, надолго этого все равно не хватит. И запасы планировались из соображений минимального развития нашей химической промышленности лет примерно на двадцать – тридцать, а там видно будет. Хотя, конечно, кое-какие стратегические прогнозы можно было делать уже сейчас.

Вряд ли кто из знакомых с предметом станет отрицать, что почти вся взрывчатая химия стоит на двух китах – серной и азотной кислотах. Нитровать можно едва ли не любую органику, после чего она приобретет способность взрываться или даже детонировать. Но если серную кислоту нетрудно получить из довольно распространенного в природе сырья, коим является сера, то с азотной дело обстоит сложнее. Для ее производства нужна какая-нибудь селитра, то есть нитрат калия, натрия или кальция. А эти вещества образуются только в результате долгой и кропотливой работы бактерий с экскрементами.

К примеру, в Чили, на плоскогорьях, птицы гадили сотни тысяч лет подряд, в результате чего там сейчас богатые месторождения натриевой селитры. В Европе с этим дела обстояли существенно хуже. Нет, насчет навалить кучу где ни попадя народ был очень не против, но больно уж недолго по историческим меркам он там этим занимался. В результате хоть сколько-нибудь приличные месторождения образовались только в Испании, где раньше всего появились люди. Да и то селитра получилась самой дрянной, то есть кальциевой – наверное, из-за скудного рациона тамошнего населения.

А вот в Индии и в Китае народ живет очень давно. И, похоже, все это время неплохо питается и не страдает запорами. Поэтому там можно добывать самую ценную селитру – калиевую.

Так вот, пользоваться любым из этих источников для моего (да, уже моего!) народа еще, наверное, лет сто будет довольно затруднительно. Ну, Испанию можно отбросить

сразу – больно она далеко. Южная Америка поближе, но тоже не под носом, и до тех плоскогорий еще нужно добратся, а там уже сейчас воюют. В Индию с Китаем путь тоже неблизкий, да и просто так копать селитру там никто не даст, ее придется покупать. А если я не хочу, чтобы моих правнуков завоевывали какие-нибудь новые Кортесы, то они, эти самые правнуки, не должны испытывать дефицита в самых разнообразных взрывчатых веществах.

Но не зря в самом начале рассуждений было употреблено слово «почти». Ибо не все пороха и взрывчатки базируются на производных азотной кислоты! Есть целый класс, в коем имеются и метательные составы, и детонирующие, для получения которых требуются только морская вода, зола и электричество. Кстати, интересно, что из этого набора первым запретят к свободной продаже?

Разумеется, я веду речь о хлоратитах, то есть составах на основе хлората калия, более известного под именем «бертолетова соль». С ней можно делать и порох, за исключением разве что артиллерийского для особо мощных орудий, и минную взрывчатку, и промышленную.

Но, могут возразить мне, такие попытки уже были, однако не дали приемлемых результатов. Так стоит ли изобретать заведомо не самый лучший велосипед?

Ответ будет – разумеется, стоит. Потому как востребованность любого изобретения сильно зависит от условий.

Бертолетову соль начали пытаться применять довольно давно, когда никакого электричества в распоряжении экспериментаторов еще не было. И знаний – когда она, зараза, взрывается от малейшего чиха, а когда практически безопасна – тоже. Со временем все это появилось, но тогда у человечества уже имелась возможность производить пироксилин, нитрофенол, тринитротолуол и прочие подобные плоды прогресса химии. Насчет же опасностей хлоратных смесей – что, сера от спичек у кого-нибудь самопроизвольно взрывалась? А ведь это простейший хлоратный порох, который давно используют в своих поджигках многие поколения мальчишек, в числе которых лет двадцать с небольшим назад был и я.

Вот потому-то на острове в специально отрытых углублениях, проложенных полиэтиленовой пленкой, уже третий день упаривалась морская вода, а с подветренной стороны острова горели костры, где жглись кусты, срезанные при строительстве аэродрома.

Я проехался по хозяйственным и сварочным магазинам. В первых мне нужно было купить пару ведер – пластмассовое, а к нему в комплект металлическое, чуть поменьше. Так, чтобы оно входило в пластмассовое с минимальным зазором. Это оказалось нетрудно, но, в полном соответствии с законом подлости, одно нашлось на площади Гагарина, а второе – на Электрозаводской.

Кроме собственно емкости для электролиза, в роли которой выступали ведра, требовались графитовые электроды, но они широко применяются в сварочном деле, так что их оказалось нетрудно купить. Уже при подъезде к гаражу я затарился упаковкой больших бутылей пепси. Правда, и по моему мнению, и по предпочтениям островитян она уступала кока-коле, но зато ее бутылки имели более подходящую форму.

Сразу по возвращении на Хендерсон я ненадолго включил автомобильную сигнализацию, что означало – есть общественно полезная работа для добровольцев. Сделавшие ее получают не только дополнительное уважение, но и какое-то материальное вознаграждение. Правда, конкретно в этом случае оно состояло в самом процессе.

Вскоре к дому начали сбегаться аборигены, и я поставил задачу – в течение получаса освободить бутылки, употребив внутрь их содержимое. Сам же сел сооружать установку для производства хлората калия.

Для этого купленные ведра были вставлены друг в друга. К железному ведру я привернул провод: сюда будет подаваться минус. Затем отрезал донышки у трех бутылок, вставил в каждую из них по графитовому электроду с уже подведенными изолированными проводами для плюса и закрепил их. В крышках просверлил дырки и вставил туда шланги

полутораметровой длины.

Наконец, смотав три обрезанных бутылки изолентой, я впихнул их в двухведерную конструкцию и закрепил горлышками вверх так, чтобы они оказались примерно на уровне краев ведер. Вот, собственно, и весь реактор для получения хлора, не считая источника тока для него, в каком качестве будет работать сварочный генератор. Теперь оставалось только залить в реактор упаренной морской воды, включить ток – и из шлангов пойдет хлор.

Сама же бертолетова соль получится при пропускании хлора через нагретый градусов до семидесяти – восьмидесяти раствор золы. Поэтому неподалеку уже были сложены дрова для костра, на перекладине висело высокое и узкое ведро, а рядом в ожидании сидел абориген с термометром. В случае успешного проведения работ ему была обещана медаль «заслуженный химик островной федерации», которую я уже нарисовал, распечатал и подклеил на поликарбонатную линзу.

Если кто думает, что это делалось в порядке насмешки над наивными дикарями, то его ждет облом. Мы с дядей Мишей решили, что пора вводить систему почетных званий и наград. Потому как оба считали, что равные для всех права – это бред. Например, если один рисковал здоровьем или жизнью ради процветания племени, а другой в это время жрал бананы под пальмой, то какие такие равные права у них могут быть? Никаких, это и ежу понятно.

Однако во всяком деле лучше начинать с модели, в силу чего медаль «заслуженный химик» станет первым шагом к будущей системе званий, а то и титулов создаваемой нами страны.

В конце апреля, как часто случалось в нашей области Тихого океана, задули сильные ветры, временами по силе приближающиеся к штормам, и «Мечта» была вытащена на берег. Сейчас она стояла рядом с верфью, ибо сама верфь была занята. Там доделывался третий океанский корабль нашего острова, уже имеющий название «Тритон». Просто потому что его водоизмещение составляло три тонны. Сам же он являлся улучшенной модификацией «Авроры», которая уже настойчиво просила капремонта, да и вообще была сконструирована не очень удачно. Много лишнего веса, но при этом недостаточная прочность рамы, соединяющей корпуса: там по сварным швам кое-где уже пошли трещины. Все-таки сказалось, что это суденышко проектировалось электронщиком, а не корабельным инженером. Да и выбор силовой установки, сделанный из соображений минимальной стоимости, подразумевал весьма умеренные ходовые качества.

Теперь у меня появился какой-никакой опыт, да и финансы стали позволять более затратные решения. В силу чего основу каркаса нового корабля составляли профильные трубы из двадцатой стали, его конструкция подверглась изменениям в тех местах, которые показали свою слабость на «Авроре», а в качестве силовой установки уже были приобретены два (установочный и запасной) хондовских подвесных мотора BF-20 в самой навороченной комплектации, то есть с дистанционным управлением всеми параметрами и длинным дейдвудом.

Кроме верфи, на острове появился еще один промышленный объект, на котором в основном работал дядя Миша при посильной помощи Поля и Марика, – авиазавод. Столь громкое название имела поликарбонатная теплица «Урожай ПК-8», укрепленная от ветров дополнительными растяжками. Из нее получился просторный и светлый ангар, где потихоньку приобретал законченные очертания фюзеляж нашей амфибии. Когда он будет закончен, мы поставим рядом еще одну такую же теплицу, где начнется сборка крыльев. Легко разбирающаяся конструкция позволяла не строить большой ангар для сборки и хранения самолета в собранном виде. Его прототип, Ша-2, изначально проектировался для перевозки в трюмах кораблей и быстрой сборки прямо на палубе или рядом с ней.

То есть теперь связь Хендерсона с Питкэрном, а в будущем – и с Мангаревой получится достаточно надежной: ее обеспечат нормально сделанные морской и воздушный

корабли. Ибо соображения дяди Миши о том, что эти острова не следует бросать на произвол судьбы, представлялись мне правильными.

Действительно, не все захотят переселяться на новые земли сразу. Но это же не значит, что у них не появится такого желания вообще никогда! Кроме того, революцию на Мангареве, даже если она состоится, нельзя оставлять без поддержки и присмотра, иначе она рискует выродиться черт знает во что. Опять же там вполне могут появиться люди, желающие сменить место обитания. Ведь даже сейчас чуть ли не на самой нижней точке развития архипелага его населения было никак не меньше двух тысяч человек. А возможно, и больше, просто Фидель и Че имели довольно смутные представления об арифметике.

Наконец, у меня имелось и еще одно дело, начать которое следовало на Хендерсоне, а закончить в Москве. Точнее, в расположенном неподалеку от нее городе Фрязино, построенном вокруг мощного оборонного завода, в числе прочего занимающегося и выпуском полупроводниковых приборов.

Во исполнение своих планов я доработал-таки генераторы открытия переходов так, что новый канал мог открываться на прецизионном расстоянии от только что закрытого. Мне удалось достичь точности в десять микрон, и вскоре, после дня напряженной работы, я стал обладателем двух десятков пятидесятимикронных пластин из монокристаллического кремния.

Ведь его мало получить с требуемой степенью чистоты и регулярности решетки. Надо еще и ухитриться не опохабить эти параметры при распиловке на тонкие пластинки, являющиеся основой для транзисторов и микросхем. Это весьма непросто, а мой способ, как я надеялся, позволит достичь очень хороших результатов.

И вот, значит, вскоре моя «девятка» ехала по Щелковскому шоссе, направляясь в город Фрязино. В тамошней лаборатории согласились взять на исследование пластины, порезанные методом последовательного открытия и закрытия межмировых переходов. Правда, в сопроводительных документах этот метод именовался совершенно иначе.

Потому как деньги улетали со страшной силой, пора было задуматься о том, под каким соусом средства из Германии, как обещал дядя Миша, будут переведены на счет моего ИП. То, что это вполне может вызвать у определенных кругов желание прибрать к рукам якобы столь доходное предприятие, нами учитывалось как вполне вероятное развитие событий. Из которого, если не щелкать клювом, можно будет извлечь очень нелишнюю в сложившейся ситуации материальную выгоду.

Глава 28

Как и следовало ожидать, первым из текущих проектов был завершен «Тритон» – его спуск на воду состоялся в самом конце мая четвертого года новой эры. Я, честно говоря, с нетерпением ждал этого момента, ибо походы на «Мечте» показали, что укорачивание мачты и уменьшение площади парусов явно вышло за пределы разумной осторожности. Даже при боковом ветре в семь баллов, то есть пятнадцать метров в секунду, катамаран под гротом и стакселем не то что не переворачивался, но даже толком и не кренился. Поэтому пауза в мореплавании была использована для изготовления заготовки под новую мачту и пошива нового комплекта парусов. Но испытывать такую оснастку мы решили сначала на «Тритоне», отчего мне и не терпелось побыстрее спихнуть его на воду, пока дуют довольно сильные ветры.

Третий корабль островного флота имел, как уже говорилось, стандартное водоизмещение в три тонны при длине семь с половиной метров. И на нем стояла семиметровая мачта с возможностью удлинения еще на три метра.

Парусное вооружение, хоть и оставалось бермудским, то есть состоящим из треугольных грота и стакселя, тоже изменилось по сравнению с «Авророй» и первым вариантом на «Мечте». Там грот крепился к мачте на кольцах, что позволяло легко рифить

парус, то есть опускать его вниз на сколько надо и подвязывать тесемками. Но с точки зрения аэродинамики данная конструкция была совершенно ублюдочной, в чем я убедился, сделав несколько моделей.

Между мачтой и передней кромкой паруса образовывалось завихрение, сильно снижающее эффективность работы паруса, и это снижение было тем сильнее, чем круче к ветру шла модель. Уже при курсе галфвинд работали, считай, только две трети паруса, а при более острых углах картина ухудшалась просто лавинообразно.

Обнаружив такое явление, я сел чесать репу. По всему выходит, что щель между парусом и мачтой недопустима. Так, может, просто обернуть передний край паруса вокруг мачты, причем зашить его не сразу за ней, а немного отступив? Тогда сам собой получится профиль, в первом приближении напоминающий птичий.

Сказано – сделано, и вскоре пруд начала пересекать из конца в конец модель с гротом улучшенной аэродинамики. Причем она сразу поплыла куда быстрее, а когда я подобрал форму подшива передней кромки, и вовсе начала демонстрировать отличные результаты. Мало того что скорость модельки увеличилась почти на четверть, так она теперь могла плыть навстречу ветру под углом в сорок пять градусов!

Так вот, на «Тритоне» уже стоял именно такой грот. Правда, рифить его можно было только на полтора метра вниз, а дальше сминаемый карман не давал опускать парус. Так что пришлось изменить систему убирания паруса. На «Авроре» он просто полностью наматывался на гик, а на новом корабле этот самый гик, то есть горизонтальная рея, к которой крепилась нижняя кромка паруса, мог подниматься вертикально. Далее складка паруса оборачивалась вокруг мачты и гика, после чего подвязывалась. Как ни странно, такая схема уборки и постановки паруса оказалась даже удобнее предыдущей.

Испытания продемонстрировали, что за время пребывания на Хендерсоне я заметно вырос как кораблестроитель. Несмотря на высоченную мачту, «Тритон» не пытался переворачиваться даже при сильных порывах бокового ветра. Правда, он поднимал наветренный корпус так, что тот почти выходил из воды, но, во-первых, это было именно «почти». А во-вторых, катамаран кренился достаточно медленно, и рулевой успевал среагировать.

Скоростные данные «Тритона» тоже внушали уважение. Под парусами мне удалось разогнаться до двадцати двух километров в час, а с подключением мотора скорость возросла до тридцати. Небо и земля, если сравнивать с «Авророй» или тем более с первым моим блином по имени «Богатырь». То есть можно было спокойно удлинять мачту «Мечте», чем мы и занялись.

Теперь высота мачты на нашем океанском лайнере составляла двенадцать метров, а стакселей стало два. Один крепился на месте старого – просто он стал повыше. Но появился второй, а если смотреть спереди, то первый, для чего, кроме мачты, пришлось удлинить и бушприт. Не заморачиваясь поисками, как они теперь называются, я просто велел называть их большим и малым стакселями.

В результате модернизации площадь грота у «Мечты» составляла сорок восемь квадратных метров, большого стакселя – двадцать и малого – двенадцать. Чуть поменьше, чем у серийного парусного катамарана двадцать первого века примерно такого же класса, но уже не в разы, как это было раньше.

Испытания продемонстрировали, что «Мечта» буквально преобразилась. Раньше паруса могли использоваться только как помощь работающим дизелям, а теперь кораблик мог развивать вполне приличный ход и с заглушенными моторами. Причем, что интересно, он двигался под парусами даже при ветре в полтора-два балла! В старом варианте имело смысл поднимать паруса только при вдвое более сильном ветре.

В качестве заключительного аккорда испытаний было произведено плавание вокруг острова Хендерсон, во время которого дизеля вообще не включались. Дул свежий северо-западный ветер, и мы, стартовав от пляжа, сначала взяли курс строго на север. Хотя и не очень быстро, но катамаран плыл под углом почти в сорок пять градусов к встречному ветру!

Развивая при этом порядка восьми километров в час, а скорость бокового сноса я оценил в полтора.

Потом «Мечта» сделала левый оверштаг и начала огибать остров против часовой стрелки. Скорость сразу возросла до двадцати километров, и минут через тридцать пять мы, повернув влево, обошли южную оконечность Хендерсона.

Там гремели взрывы, вспухали облака серого дыма, а из них периодически летели то камни, то ветки. Это дядя Миша так отдыхал от авиаконструкторских работ, тренируя своих революционеров в практическом метании ручных гранат.

Делал же эти гранаты я – а иначе зачем, спрашивается, было произведено десять кило бертолетовой соли? Мы смешали ее со стеарином и расфасовали по двухсотграммовым картонным цилиндрикам с заранее просунутой сквозь них пластиковой трубой диаметром двадцать пять миллиметров. Поперек трубы стояла подпружиненная охотничья спичка, упирающаяся головкой в терку от коробка с привязанным к ней шнурком, заканчивающимся кольцом в торце рукоятки. При дерганье за кольцо спичка воспламенялась и горела секунды три-четыре, пока огонь доходил до взрывчатки. Потом, естественно, следовал бабах.

В каноническом виде, то есть без рубашки, мои гранаты давали в основном вспышку, дым и грохот, а их убойное действие было весьма умеренным. Но если поверх картонного цилиндра надевалась рубашка из надпиленной мелкими квадратами водопроводной трубы, получалось совсем другое дело.

Вот, кстати, опять рвануло. Причем, судя по разлетающимся с окрестных кустов листьям, граната была боевая, с рубашкой. Здорово они там развоевались, не пришлось бы по новой запускать производство хлората калия, подумал я, командуя очередной поворот.

Теперь «Мечта» шла вдоль восточного побережья Хендерсона, но не параллельно ему, а постепенно отклоняясь в открытый океан, иначе пришлось бы держать слишком круто к ветру. А так мы шли примерно шестидесятиградусным бейдевиндом, развивая скорость порядка тринадцати километров в час. Этот курс «Мечта» держала чуть больше часа, уйдя в океан километра на три от северного мыса, после чего сделала заключительный поворот и на всех парусах понеслась к пляжу. Испытания были закончены, и пока я не имел к кораблю никаких претензий. Теперь мне можно будет более основательно заняться самолетом, потому как перед дальним плаванием хотелось все-таки посмотреть, как он поднимется в воздух. А то, глядишь, и успеть слетать самому.

Действительно, когда к сборке самолета подключилась и моя пара рук, процесс пошел значительно быстрее, и в середине июля наша «Шаврушка» была по частям вытащена из ангаров и собрана на краю аэродрома. Пару часов мы с дядей Мишей проверяли ее на месте – и наконец пришли к выводу, что можно начинать пробежки.

Майор еще раз обошел амфибию, сказал себе: «Ну, с богом, Михаил Владимирович», – после чего залез в кабину и запустил движки – в отличие от прототипа, они были снабжены электростартерами. Дал им прогреться, потом прибавил оборотов.

Самолет резво тронулся с места и побежал по полосе со скоростью километров пятьдесят, слегка раскачиваясь и периодически отрывая от земли хвостовое колесико. Таким макаром дядя Миша докатился до середины полосы, где в будущем предполагалось начать строить еще одну, перпендикулярную первой, а пока там была просто площадка, достаточная для разворота нашей амфибии. Вскоре самолетик прикатился обратно, майор заглушил движки, и мы с ним отправились к его дому, где нас уже ждал накрытый обед. Ну, а после него небольшой отдых, еще одна проверка самолета – и можно пытаться взлетать.

На втором этапе испытаний дядя Миша сразу после прогрева двинул секторы газа до упора. Движки взревели, и «Шаврушка» рванула вперед. Я не очень преувеличиваю, именно так оно и выглядело. Точно замерить мощность движков, получившуюся после моей форсировки, у нас было нечем, но статическая тяга у одного мотора составила сто пятнадцать кило, а у второго – сто восемнадцать. Сама же амфибия весила полтонны, а с бензином и дядей Мишей в кабине – порядка шестисот килограммов. То есть

тяговооруженность получилась очень неплохая.

Пробежав метров пятьдесят, самолетик поднял хвост. Еще семьдесят – и его колеса оторвались от полосы. На высоте метра четыре майор немного прибрал газы, это было слышно по изменившемуся звуку движков, и амфибия прекратила набор высоты. Так она и полетела, слегка покачивая крыльями и то опускаясь, то поднимаясь на метр-другой. Это дядя Миша пытался составить самые первые впечатления об управляемости нашего детища.

Пролетев примерно километр, машина снизилась и села неподалеку от конца полосы, где была сделана площадка для разворота. Самолетик повернулся боком ко мне и скрылся за кустами, но вскоре вновь появился, уже моторами в мою сторону.

С полутора километров было не слышно, как они работали, но зато хорошо видно подробности взлета. Сейчас дядя Миша не стал четко разделять его по операциям, как в предыдущий раз. Вот заднее колесико оторвалось от земли, но фюзеляж еще не успел принять горизонтального положения, как хвост пошел вниз и самолет начал набирать высоту. В этот раз майор поднялся метров на пятнадцать, покачал крыльями, потом сделал что-то вроде змейки, улета в стороны метров на пятьдесят. Затем, когда я уже начинал беспокоиться, не пора ли садиться, «Шаврушка» опустила нос, над самой полосой выровнялась, плавно опустила хвост и села на три точки. Пробег закончился метрах в десяти передо мной, майор выключил движки и не очень ловко выбрался из кабины.

– Отличная вышла машинка, – поделился он впечатлениями, а потом добавил: – Так что зря я мандражил перед полетом. А то ведь думал: мало того что летать толком не научился в свое время, так и было это лет тридцать назад! Но, оказывается, ничего я не забыл, а «Шаврушка» просто замечательно ведет себя в воздухе.

– Так вы же говорили, что умеете летать!

– А разве нет? Четыре часа налета на Ан-2, пять взлетов, полторы посадки. Правда, для летчика-испытателя это маловато, но ничего – видишь же, обошлось.

– Полторы посадки – это как? – поинтересовался я.

– Да очень просто. Я с ходу заделал «козла», а дальше пилот успел перехватить управление и не дал кукурузнику скапотировать. Ох, и матерился он, когда мы шасси чинили! Пришлось пожертвовать человеку литр целебной вьетнамской водки, но зато следующая посадка получилась более или менее прилично. Так вот, скажу я тебе, нашим аэропланчиком управлять проще, чем Аном.

Потом мы попили чаю с вареньем, и дядя Миша слетал еще раз, теперь поднявшись метров на двести и сделав два нормальных круга над островом. Правда, посадка получилась не столь безукоризненной, как до того, и амфибия, коснувшись полосы, еще пару раз подпрыгнула примерно на метр, а только потом покатила по земле.

Мы договорились, что еще неделю дядя Миша летает один, шлифует свои пилотажные навыки и только потом начинает учить меня. Причем я как в воду глядел – мне было предложено за это время сделать еще как минимум двадцать пять, а получится – так и пятьдесят гранат. Мол, предыдущая партия уже почти совсем кончилась.

Через пару недель у меня сложилось впечатление, что дядя Миша на себя наговаривал. Ведь если он действительно почти не умел летать, то вся его квалификация являлась плодом недельных тренировок, причем в одиночку. Я же летал с инструктором, то есть за ту же неделю вроде бы должен был достичь примерно тех результатов, какие демонстрировал майор при первых полетах со мной. Однако хрен – хоть сколько-нибудь прилично сесть у меня до сих пор не получалось. Один раз нам даже пришлось слегка подремонтировать шасси, несмотря на то что по сравнению с оригиналом этот узел был сделан существенно прочнее. А уж сесть так, чтобы закончить пробег у черты, нарисованной поперек взлетно-посадочной полосы неподалеку от ее начала, нечего было и думать. Я промахивался как минимум на пятьдесят метров, причем до самого конца не мог сообразить, с перелетом снижаюсь или недолетом. Но, с другой стороны, ничего особенно страшного в этом не было. Пробег «Шаврушки» составлял метров сто, если не пользоваться тормозами. Значит,

двухсотметровой площадки хватит даже такому пилоту, как я.

Старт экспедиции был назначен на конец октября: с этого времени и до начала марта штормы на двадцатых широтах Южного полушария случаются довольно редко, да и ветры летом по идее должны быть более благоприятными. У нас почти все было готово, оставалось немного – установить радиомаяк на Питкэрне и приготовить мачту, чтобы по дороге снабдить таким же устройством атолл Оэно.

Два маяка мне понадобились потому, что я реально оценивал свои возможности как штурмана. Если повезет, то у меня получится определить широту и долготу по солнцу с точностью до нескольких градусов. Но в случае пасмурной погоды, а уж тем более шторма, не получится определить вообще ничего. А радиомаяк можно слушать когда угодно, хотя, конечно, в шторм точность измерений упадет.

Но по одному маяку можно определить только направление. Чтобы вычислить расстояние, нужен второй. И угол между ними, ясное дело.

Так вот, по отношению к нашему предполагаемому курсу острова Хендерсон и Питкэрн лежали практически на одной прямой, поэтому маяк имело смысл ставить только на одном из них. А вот линия, соединяющая Питкэрн и Оэно, была перпендикулярна курсу экспедиции, что создавало наилучшие условия для измерения наблюдаемого угла между маяками на них. От одного острова до другого было сто пятьдесят километров, то есть, даже пройдя две трети пути до Австралии, я все равно смогу определять расстояние до этих островов.

Питкэрн был выбран из-за того, что на нем имелась гора высотой почти четыреста метров.

На Оэно придется ставить вышку: этот атолл даже более плоский, чем Хендерсон.

Вот я и сплавал на Питкэрн, поставил на горе передатчик и загрузил «Мечту» десятиметровыми брусками, специально подготовленными на тамошней лесопилке для вышки под маяк на Оэно. Фокус с быстрой переправкой пиломатериалов через двадцать первый век сейчас не проходил, потому как гараж в Москве, где стоял комплект открывающей аппаратуры, имел в длину шесть с половиной метров. Не подходил и тот, что недавно появился на даче, так что «Мечте» перед стартом в дальние страны пришлось маленько поработать лесовозом.

И вот наконец ранним утром двадцатого октября «Мечта» под музыку и фейерверк вышла в открытое море. Все свободные члены команды махали руками провожающим, и я в том числе. Но как-то механически, потому что с самого подъема мне не давала покоя неизвестно откуда появившаяся мысль.

Неужели я герой? Если да, то как это меня угораздило? А если нет, то почему спокоен как удав, отплывая на самодельной посудине черт знает куда? Ведь если она начнет тонуть, то явно не в штилевую погоду, и открывать переход будет весьма чревато его самопроизвольным закрытием. А уж в шторм рискнувшего воспользоваться переходом точно ждет судьба кремниевой заготовки, которую я не так давно шинковал на пятидесятимикронные пластинки.

Глава 29

Посмотрев на безлунное ночное небо Южного полушария, я зевнул и отправился в свою каюту. Все сопутствующие задания были выполнены, и теперь оставалось только плыть на запад, пока впереди не покажется Австралия. Или любой из промежуточных финишей, если возникнет необходимость дозаправиться, а то и просто отдохнуть на твердой земле.

Покинув Хендерсон, к вечеру мы встали около Оэно, после чего пять дней возились с вышкой, сначала вплавь переправляя бруска к месту строительства, а потом собирая там

пирамидальную решетчатую конструкцию высотой двадцать пять метров с пятиметровым штырем антенны наверху. По расчетам вышка должна была выдерживать напор ветра до тридцати метров в секунду, а передатчик питался от солнечной батареи с аккумулятором, то есть теоретически мог непрерывно работать лет пять. Пока прошло четыре дня, и он исправно пищал, ни разу не запнувшись.

От Оэно мы направились к Мангареве, подгадав скорость так, чтобы подойти к архипелагу ночью. С «Мечты» был спущен надувной катамаран «Валдай-6» – два здоровенных баллона по кубометру с небольшим каждый на дюралевом каркасе. Это изделие имело паспортную грузоподъемность семьсот кило, и мы нагрузили его под самый предел. Будущие командиры повстанцев везли ножи, тетивы и наконечники для стрел, десятков уже собранных луков, три десятка гранат, порядка полуцентнера холодного оружия – от охотничьих ножей до заточенных кусков арматуры, – две небольших надувных лодки, аптечки первой помощи и много чего еще.

Архипелаг, до ближайшего островка которого оставалось примерно с километр, был почти не виден в темноте, но у Фиделя и Че имелось по ночному биноклю на каждого, да и зрение у молодого человека оказалось отличным. У старика, правда, в силу возраста оно было уже так себе.

И вот, значит, «Валдай», движимый двумя веслами, начал удаляться, потихоньку растворяясь в темноте, а через двадцать пять минут со стороны архипелага сериями по две вспышки замигал светодиодный фонарик, что означало – высадка прошла успешно. Я кивнул Тонге, она скомандовала поднимать паруса, и вскоре «Мечта» под слабым северным ветром начала удаляться от Мангаревы. Мне же, в общем, делать было особенно нечего, так что я решил просто отоспаться в своей адмиральской каюте.

Это громкое наименование носил закуток вроде купе проводников, только немного поменьше и пониже, с потолком там, где в купе вторая полка. Опять же вместо большого окна там наличествовал круглый иллюминатор диаметром тридцать сантиметров. Но все-таки это было единственное на «Мечте» помещение для одного человека. Кроме него, на катамаране имелся матросско-капитанский кубрик и кают-компания, совмещенная с рубкой управления.

В дальний путь на борту «Мечты» отправились семь человек. Капитаном, понятное дело, была Тонга. Зато на должности старпома пребывал Поль, который убедил-таки нас с дядей Мишей, что, несмотря на покалеченную ногу и общую субтильность сложения, польза от него будет. Он хоть и не мог принимать участия в возне с парусами, неплохо знал устройство дизелей и мог как-то стоять, то есть сидеть, за штурвалом. И, главное, вполне прилично стрелял из двадцатисемимиллиметровой пушки моего производства.

Еще в команде было два матроса – Влас и Марик. Последнего я взял за его физическую силу – после того как год назад ему были подарены пудовые и двухпудовые гири, парень сильно накачал мускулатуру, хоть и до того не отличался хилостью. Ну, а что с сообразительностью у него было так себе – не страшно: умных на «Мечте» и без него было достаточно.

В качестве морской пехоты на борту присутствовали Ханя с Тимом. Впрочем, перед экспедицией они прошли краткий курс обращения с парусами и теперь при необходимости могли подменить Власа.

И, наконец, я – руководитель экспедиции и адмирал.

Мы шли под одними парусами и на четвертый день пути оказались у острова Рапа-Ити, который был раза в два побольше Питкэрна и весь утыкан горами в те же самые два раза повыше. То, что он обитаем, стало видно примерно с километр, но на нас никто не обращал особого внимания. Я внимательно осмотрел островок в бинокль. Признаков явного неблагополучия не видно, значит, проходим мимо. Мы же не исследовательская экспедиция, так что надо плыть к цели, пока погода благоприятствует. А соскучиться по твердой земле еще никто не успел.

Проводив взглядом удаляющиеся вершины двух самых высоких гор острова, я вздохнул. Теперь, если продолжать идти прежним курсом, впереди у нас четыре тысячи километров океана без единого клочка суши на нем.

Тихий океан оправдывал свое название еще две недели. Все это время дул слабый северный ветер, и «Мечта» потихоньку ползла на запад, немного смещаясь к югу, каждый час оставляя за кормой от восьми до десяти километров. Потом ветер начал свежеть, что было хорошо, и менять направление на восточное – а вот это уже не очень. Дело в том, что вопреки многим поговоркам про попутный ветер для нашего корабля он вовсе не был самым выгодным. Быстрее всего «Мечта» шла при боковом ветре. Но даже и при попутном скорость увеличилась до двенадцати километров в час.

Потом ветер опять сменился и задул с юга. Я беспокоился: не тайфун ли это? Мало ли, что в этих широтах они наблюдаются редко, нам и одного хватит. Но барометр устойчиво стоял на семистах семидесяти миллиметрах и не думал падать, а под свежим ветром с левого борта «Мечта» прибавила еще три-четыре километра скорости. Я уже прикидывал, продолжать ли нам старый курс, при котором мы выходили на Северный остров Новой Зеландии, или сразу чуть повернуть на север, чтобы обойти его, но тут настал штиль. Причем не классический, а какого-то совершенно издевательского характера.

Представьте себе: плывете вы по абсолютно спокойному океану на дизелях, и вдруг сбоку начинает дуть ветерок. Разумеется, следует команда «поднять паруса!», но, пока она выполняется, ветер меняется на встречный. Паруса приходится убирать, ветер исчезает, чтобы через часок-другой задуть вновь, теперь уже с кормы. И так три дня подряд!

А потом началось какое-то странное явление, которое я, подумав, определил как мертвую зыбь. При полном безветрии по океану с запада на восток ровно шли волны – длинные, пологие и совершенно одинаковые. А мы на дизелях перекачивались с одной на другую, продолжая путь на запад.

Вскоре небо заволокло облаками, появился с каждым часом усиливающийся западный ветер, к вечеру набравший силу баллов примерно до восьми. Мы продолжали идти навстречу волнам и ветру, но теперь я не был уверен, что нас не сносит назад, а определить координаты не представлялось возможным. На небе – сплошные облака, а в наушниках не слышно ничего, кроме треска грозовых разрядов. Тонга уже распорядилась было надувать плавучий якорь, но тут впереди показалась огромная волна – раза, наверное, в два выше обычных. Катамаран, задрав носы, вскарабкался на нее, потом устремился вниз, и я увидел, что за первой гигантской волной идет вторая. Точно такая же, если не больше!

Удар стихии был страшен. «Мечта» содрогнулась всем корпусом, что-то затрещало, на полу кают-компания появилась вода, и за толстым поликарбонатом иллюминаторов была она же. Тонга быстро вертела штурвал влево.

Наконец волна схлынула, и стало видно, что мы все-таки вынырнули, а впереди пока обычные волны.

Я был полностью согласен с капитаншей в том, что курс надо срочно менять на поперечный по отношению к волнам, что бы ни писалось на эту тему в морских справочниках. Ведь видно же, что вдоль волн катамаран идет более или менее нормально, а попытка переть им навстречу скорее всего закончится на дне.

К вечеру шторм усилился. Мы продолжали идти на дизелях градусов под семьдесят к волне, переваливаясь с одного борта на другой. И при этом наблюдалась не очень оптимистичная картина – носовые оконечности шевелились, как у надувного «Валдая» на волнах. То есть каркас перемишки где-то треснул, и она потеряла жесткость. Вроде бы это явление пока не прогрессировало, но плыть на корабле, который готов в любой момент разделиться на два, мне как-то не очень улыбалось. Прикинув, где могли быть повреждения, я послал на разведку Ханю, как самого мелкого члена экипажа.

Каркас, соединяющий корпуса «Мечты», был объемным, обшитым фанерой. И к подозрительным местам можно было подобраться только изнутри, иначе пришлось бы

отдирать обшивку. Но сделать это мог только очень тощий и маленький человек – я, например, там почти наверняка застрял бы.

Мы открыли люки в задних торцах кубрика, и Ханя, как ящерица, полезла внутрь стального каркаса. Вскоре она вернулась, и с не самыми радостными сообщениями.

Повреждения есть в трех местах. Но справа они не очень серьезные, просто треснули сварные швы. А вот слева диагональная перемычка вообще лопнула, косынку, соединяющую продольную и поперечную балки, изогнуло, и весь этот узел шевелится.

Вздыхнув, я попытался протиснуться в указанном направлении. Мне удалось продвинуться примерно на метр, так что стала видна картина, только что описанная Ханей. Никакого оптимизма она не внушала. И, главное, даже если я и смог бы как-то просочиться к поврежденному месту, заварить его у меня бы точно не получилось.

– Идти надо мне, – предложил Поль, когда я с трудом выполз из тоннеля. – Ты, Ник, слишком большой, а больше никто не умеет варить. Но сначала нужно сделать накладки, которые я там приварю.

Они были изготовлены за пятнадцать минут, потом Поль, присмотревшись к маске, взял ножницы и решительно обкорнал ее так, что осталось практически одно стекло с небольшим отростком картона вниз. Его парень изогнул под прямым углом и зажал зубами. Ухватил в левую руку шнур, к которому были привязаны провод с держакom и связка электродов, в правую – еще один, от изготовленных накладок, и пополз. Как-то протиснулся к нужному месту, потянул веревку с держакom и электродами. Повозился, устраиваясь поудобнее, и потащил к себе заготовки.

– Готов! – донеслось из глубины каркаса. Я повернул ключ сварочного генератора, мотор завелся, Поль дернулся – видно, его ударило током. Никуда не денешься, он же внутри стальной клетки, к которой подсоединен минус, в руках у него плюс, а вокруг все мокрое, да еще и в соленой воде. Остается только надеяться, что семьдесят пять вольт даже в таких условиях окажутся не смертельными. Эх, и что мне, дебилу, мешало оснастить генератор блоком снижения напряжения холостого хода? Хотя, пожалуй, Поль его все равно отключил бы – ведь он затрудняет зажигание дуги.

– Сто пятьдесят! – крикнул Поль. Я повернул регулятор тока до соответствующей цифры. Засверкали отблески дуги, само место сварки с моей позиции не просматривалось.

– Двести!

Ага, значит, Поль уже прихватил детали и сейчас начнет приваривать накрепко.

Я перевел регулятор тока в крайнее положение – двести ампер было максимальным значением для этого генератора.

Сварка продолжалась минут десять. Периодически катамаран заливало водой, дуга гасла, Поль шипел, но потом вновь продолжал свой нелегкий труд. Но наконец крикнул:

– Сделано!

Я выключил генератор, за провод вытащил держак и помог Полю выбраться в кубрик. Выглядел парень просто ужасно. Его трясло, он часто моргал и, кажется, почти ничего не видел – похоже, наловил зайцев в процессе сварки.

– С-с-с-сейчас, – с трудом пробормотал он, – вот т-только видеть начну, и з-заварю справа.

– Нет уж, помоги Тиму с генератором, а туда и я дотянусь, с тебя хватит.

Действительно, ближнее повреждение находилось в полутора метрах от люка, дальнее – в двух, и это были трещины, которые достаточно просто проварить по швам без всяких накладок.

Стянув куртку, чтобы она не застряла в щели, я зажал в зубах отгрызок маски и пополз в узкий решетчатый тоннель. Все, дальше не могу, но и не надо, дотягиваюсь вытянутой рукой до дальней трещины. Прихватывать тут ничего не требуется, регулятор уже стоит в положении «двести».

– Заводи!

Сзади затарахтел генератор, и через рукоятку держакa, даром что она пластмассовая,

стало пощипывать током. Я приступил к сварке. Катамаран тем временем накренился на правый борт, я повис чуть ли не вниз головой, и тут место сварки заодно с моей рукой залило водой. Дернуло уже всерьез, я сразу вспомнил и женщин легкого поведения, и какую-то мать, а после второй волны – еще и полярную лисицу. Хорошо, что я правша, а то через левую руку ток мог бы пройти и по сердцу. Но, наконец, дальняя трещина заварена, пора пятиться раком. Это оказалось не таким уж легким делом, но, подлаживаясь под крены катамарана, мне удалось подвинуться на метр назад. Еще две минуты – и вторая трещина тоже ликвидирована, а через пять я протиснул сначала задницу, а потом плечи с головой в кубрик. На полу его плескалась вода, с герметичностью перемычки было покончено, и Влас уже прилаживал шланг водяного насоса.

Глянув на Поля, я велел ему раздеться, растереться спиртом, закутаться в спальник, пристегнуться к койке и лежать там, никуда не выпаясь, а сам отправился в рубку.

Теперь носы нашего суденышка вели себя терпимо, то есть не колыхались друг относительно друга. Правда, катамаран в результате ремонтной операции малость окривел, это было видно даже на глаз, а Тонга подтвердила, что его тянет вправо и для компенсации штурвал должен быть повернут примерно на четверть оборота. Так как она несла вахту уже двенадцать часов, я сменил капитаншу, отправив ее отдыхать.

Всю ночь продолжался шторм, катамаран, переваливаясь, карабкался поперек волн, которые периодически заливали суденышко до иллюминаторов рубки. Но новых трещин вроде не появлялось, а насос пока справлялся с прибывающей в кубрик водой, так что не было причин особенно волноваться.

Наконец к утру ветер чуть утих, а в облаках стали появляться разрывы. Передав штурвал Власу, я сел за приемник и где-то минут через пятнадцать поймал маяк Питкэрна. А вот тот, что на Оэно, услышать не получилось, так что в результате стало известно только направление прямой, соединяющей наше теперешнее месторасположение с радимаяком на острове. Но, как я уже говорил, в разрывы облаков периодически проглядывало солнце, и мне удалось засечь время местного астрономического полдня. Сравнив его с хендерсонским, вычислил, что мы находимся на сто семьдесят седьмом градусе западной долготы. Проведя же на карте линию, полученную по радио, получил примерно сорок градусов южной широты.

Координаты означали, что примерно в шестистах километрах на запад от нас находится Новая Зеландия, а в трехстах к югу – архипелаг Чатем.

Куда нам плыть, никаких сомнений у меня не возникло. Разумеется, к Чатему! Во-первых, до него вдвое ближе, а наш катамаран требует ремонта, и побыстрее. То, что мы с Полем приварили на живую нитку, может в любой момент отвалиться. Во-вторых, хоть мы при этом и будем удаляться от цели нашего путешествия, но триста километров при нормальной погоде не расстояние, наверстаем меньше чем за сутки – зато не придется держать курс навстречу волнам. И наконец, мне очень не нравилось состояние Поля. У парня поднялась температура, периодически он впадал в забытие, и его надо было как можно быстрее показать доктору Зябликову.

Так что дизели ревели на полной мощности, в помощь им был поставлен задний стаксель, и катамаран продолжал свой путь поперек волн и ветра, со скоростью двадцать километров в час приближаясь к выбранному для промежуточной стоянки архипелагу.

Глава 30

Когда стемнело, я отправил Ханю на мачту. Здесь опять сыграл роль небольшой вес девушки, а также ее отличное зрение. Новая компоновка грота имела и еще одно полезное свойство – в сложенном положении на верхнем конце гика само собой получалось довольно удобное место для наблюдателя. По расчетам, до архипелага Чатем оставалось от пятидесяти до ста двадцати километров, и мне не хотелось снижать скорость, чтобы подойти к цели утром. Ведь Поля следовало побыстрее переправить на Хендерсон, и, кроме того, при малой

скорости нас начнет сильнее сносить ветром, и за ночь можно вообще уплыть черт знает куда.

Так что Ханя взяла уже знакомый ей бинокль ночного видения, при помощи которого остров можно будет увидеть километров за двадцать даже ночью, оделась потеплее и отправилась наблюдать.

Где-то часа в три по местному времени с мачты раздался ее доклад:

– Что-то темное на горизонте, на два часа!

Вообще-то я пытался привить хендерсонцам привычку измерять углы в градусах, но эту науку пока постигли только Тонга и Польша. А с часами все оказалось просто – стоило подарить Хане первые, причем стрелочные, как Тим тут же захотел такие же. И получил их, когда смог навскидку определять направления по циферблату. Его пример оказался заразительным, и вскоре мне пришлось разориться еще на несколько часов.

Кстати, майор сказал, что все правильно, в тактических целях указание направлений по циферблату удобнее градусного.

Я прошел в рубку, где несла вахту Тонга, и услышал:

– Справа, примерно на семьдесят градусов и километрах в пятнадцати от нас, земля.

– А ты-то откуда знаешь?

– Волны изменились, причем только что. Смотри – они стали меньше, беспорядочней и понемногу загибаются на юг, хотя ветер остался прежним. Значит, впереди справа достаточно большая земля, которая начинает закрывать нас от океанских волн.

Вот так, подумалось мне, а дядя Миша еще предлагал купить радар. Но я похоронил этот вопрос в зародыше, пообещав, что как-нибудь сам соберу его из микроволновки: нам сильно сложный не нужен. А за те деньги, что стоит самый дешевый «Фуруно», жаба меня не только задушит, но и сразу прикопает под ближайшим кустом. И будет совершенно права!

Потому как если бы у Тонги был радар, хрен бы она сейчас смотрела на волны. И уж точно не учила бы этому Власа. А когда радар в конце концов сдохнет, что делать – топиться?

– Правь к земле, сейчас дам ее приблизительную карту, – сказал я капитанше.

Самый большой остров архипелага, от которого и произошло его название, то есть Чатем, был похож на кривую и разлапистую букву «Т» с утолщением в нижней части. Перекладина имела в длину пятьдесят километров, а вертикальная палка – сорок с небольшим, и в ее северной части имелась лагуна со входом с востока. Но мы не рискнули ночью лезть в этот узенький проливчик, а встали на якоря напротив него, благо остров полностью защищал нас от волн и довольно основательно – от ветра. Во всяком случае, до берега можно было спокойно добраться на надувной лодке с мотором, что я и сделал. Со мной отправились Ханя с Тимом и закутанный в спальник Польша. Естественно, была взята аппаратура открытия перехода: мы и высаживались ночью именно для ее использования.

Вскоре я с Полем на руках шагнул в гараж на даче, куда заранее был переправлен кристалл, остающийся в двадцать первом веке, а оттуда – на Хендерсон. Там уже светало, и нас ждали: перед высадкой мне удалось связаться с дядей Мишей. Женя так и стоял в белом халате, а рядом в полной готовности пританцовывали от нетерпения два аборигена с носилками. Я сгрузил туда больного, и вся медицинская команда галопом помчалась в клинику.

– Как там у вас? – поинтересовался майор. – Помощь не нужна?

– Да вроде нет, мы же толком еще ничего не видели. Как осмотримся, сразу сообщу или по радио, или прямо сразу через переход. Ладно, извини, дядя Миша, там до рассвета еще часа три, пойду чуток вздремну, а то не спал уже двое суток.

Так как спать хотел не один я, то в лагуну мы двинулись довольно поздно, часов в девять утра. Реальный вход в нее в отличие от изображенного на гугловских картах оказался довольно широким, порядка тридцати метров, и с фарватером глубиной метра два с половиной – три. Учитывая, что осадка нашего суденышка составляла метр, мы попали в

лагуну без особого труда. И сразу двинулись к ее южной части, где просматривалось какое-то небольшое поселение у впадения в лагуну небольшой речушки.

Катамаран смог подойти к берегу почти вплотную и встал, упершись киями в песок. Мы с «морскими пехотинцами» вновь высадились на берег – примерно в трех километрах от того места, где делали это ночью. Осмотрели деревню – она оказалась пустой.

Это поселение состояло из семи примерно одинаковых домиков, расположенных по окружности, и навеса на двух кольях у самой воды. Дома были конической формы, из жердей, перевитых какими-то гибкими прутьями и обложенных снаружи длинными и узкими сухими листьями. Все, как я уже говорил, пустые. В центре поселка имелось кострище. Холодное, но золу еще не разнес ветер.

Я подошел к навесу. Под ним тоже был след костра, но значительно более старый, и слегка пахло рыбой. Интересно, сколько может сохраняться запах? Уж наверняка не годами. В общем, Шерлок Холмс из меня тот еще, но все же мне казалось, что поселок был покинут совсем недавно. Но организованно, без паники, потому что в домах не было вообще ничего, даже циновок или что тут еще могло изображать пол. То есть люди забрали все, что смогли унести, и ушли. От шторма? Вряд ли он им хоть сколько-нибудь мешал. А раз не от него, то, получается, от нас. Интересно, чем же мы так не понравились здешним аборигенам?

Но сейчас это был не самый животрепещущий вопрос, поэтому я, велев Хане смотреть по сторонам, занялся аппаратурой открытия перехода. Здесь, в защищенной от волн и ветра лагуне, можно будет не торопясь отремонтировать «Мечту», а перед этим надо сходить в гараж на даче и кой-чего оттуда притащить.

Вскоре на берегу заухал сваезабойный механизм, потому как на борту имелись только нормальные минометы без дополнительных функций. Мы хотели вытащить катамаран на берег, для чего в шестнадцатый век, кроме копера, были доставлены стальные сваи, лебедка и два желоба.

К полудню катамаран оказался на берегу, и мы приступили к подготовке обеда. Не абы какого, а на твердой земле! Последние три дня экипаж вообще питался всухомятку, да и до этого корабельное меню не потрясало воображения. Так что Тим с Мариком, взяв сеть, на надувной лодке отправились в лагуну порыбачить, а Тонга с Власом поставили греться два больших котелка.

Ничего похожего на дрова в радиусе трехсот метров от поселка не наблюдалось, пускать на топливо чужие дома было как-то некультурно, так что мы разожгли два солярогаза. Один, мощностью около двух киловатт, имелся на «Мечте», а второй, трехкиловаттный, я притащил из гаража. Воду мы взяли из речки, она там оказалась вполне прозрачной, и теперь я при посильной помощи Марика ставил большую палатку, потому как с неба начинало помаленьку моросить.

Местность вокруг просматривалась примерно на километр во все стороны, кроме севера, где до горизонта простиралась лагуна. И ничего интересного мы пока не увидели. Ни деревьев, ни даже кустарника, ни животных, ни птиц, ни людей. Песок, сквозь который очагами пробивается трава, – вот и все. Где же местное население? Ладно, время еще есть, разберемся. К нашему лагерю незаметно не подобраться, так что особо волноваться по поводу возможного внезапного нападения, пожалуй, не стоит.

Через час с небольшим вернулись рыболовы, и почти без улова. Поймано было всего три каких-то небольших рыбки вроде бычков и одна покрупнее, похожая на скумбрию. Да, выходит, люди тут есть, и не в таких уж малых количествах, подумал я. Они успели съесть всю рыбу в лагуне. Но все же отчего аборигены попрятались? К ним что, часто приходят корабли, причем такие, от которых надо бежать со всех ног?

На всякий случай я велел наблюдать не только за сушей, но и за морем. Сам же задумался. Как дать понять – мы не те, кого опасаются островитяне? Задача сильно усложнялась тем, что я понятия не имел, каких таких пришельцев боятся аборигены.

Значит, подумалось мне, надо сделать что-то такое, чего эти самые «те» никак не могли. И вскоре план был готов.

Его исполнение началось с того, что был вскрыт отсек НЗ в левом корпусе. Кроме неприкосновенного запаса тушенки там лежал фейерверк наподобие того, запуском которого было озаглавлено мое появление на Хендерсоне. Он был приобретен перед первой экспедицией на Мангареву, но она прервалась в самом начале, а фейерверк так и остался лежать в отсеке.

Марик получил задание забраться на мачту и привесить туда динамик типа «колокольчик», сам же я полез за усилителем. Музыку можно запускать прямо сейчас, а с фейерверком лучше подождать до темноты, тогда он будет смотреться куда привлекательнее.

До вечера мы успели разобрать обшивку перемишки там, где каркас требовал ремонта, в процессе чего три раза заводили вальс «Амурские волны». Как только начало темнеть, был объявлен шашлык и ужин, а перед ним – салют для поднятия аппетита.

Немедленной реакции на грохот и сверканье в небесах не последовало, но утром к нам явилась делегация. Через гребень песчаного холма с запада от лагеря перебралась троика и двинулась в нашу сторону. Я взял бинокль, а Ханя с Тимом положили пальцы на переводчики огня автоматов.

Гости приближались очень неспешно. В бинокль было видно, что две тетеньки средних лет ведут под руки старика, про которого у меня сразу возникло подозрение, что это шаман, в силу чего я непроизвольно проверил, нормально ли вытаскивается из кобуры «глок». После опять взял бинокль и повнимательнее присмотрелся к процессии.

Поддержка шамана явно носила скорее ритуальный, чем необходимый в силу его дряхлости характер. Хотя он и был довольно стар, но держался прямо и шел уверенно.

Одет гость был в жилетку из чужей-то лысой шкуры, украшенной небольшими косточками и чем-то совсем мелким, но довольно ярко сверкавшим в лучах восходящего солнца. Ниже жилетки имелась плетенная из тростника или какой-то другой крупной травы юбка.

Одежда теток была примерно такого же фасона, но вся плетенная и без украшений.

Подойдя метров на двадцать, шаман воздел над головой небольшую темную палку и сказал краткую речь, в которой я не понял ни слова. Ханя, кстати, тоже, чем явно была немало удивлена. Ведь девочка по умолчанию считала, что на свете существует всего два языка – человеческий и небесный, то есть мангареванский и русский. А тут к нам вдруг обращаются на каком-то третьем!

Шаман, похоже, догадался, что его ораторское мастерство пропадает зря. Он наморщил лоб, потом сделал торжественное выражение лица и снова заговорил, теперь гораздо медленнее. Что удивительно, я, кажется, понял несколько слов! Во всяком случае, в речи явно прозвучали «небо», «дерево», «племя» и «большая вода».

Ханя же поняла много больше и постаралась ответить. Минут десять они с шаманом обменивались короткими фразами, а потом старик что-то сказал сопровождающим его теткам. Те и раньше выглядели как пыльным мешком стукнутые, а тут и вовсе офигели. Одна даже непроизвольно села на подкосившихся ногах, но, получив от шамана чувствительный пинок, тут же пришла в себя и вскочила.

– Что он тебе рассказал? – поинтересовался я у девушки.

– О, Ник-ау, я не все поняла. Но он сейчас обратился к нам на языке далеких предков своего племени, который помнят только шаманы и передают от отца к сыну. И этот язык похож на наш! Неужели они тоже с Мангаревы?

Вряд ли, подумал я, скорее, у мангареванцев и наших гостей были общие корни. И попросил Ханю пересказать, что она все-таки поняла и что успела сообщить шаману.

В общем, история выглядела так. Когда-то, настолько давно, что даже звезды на небе были другими, предки наших гостей приплыли на землю, состоящую из двух огромных островов – судя по всему, Новую Зеландию. Освоились там и жили мирно и счастливо, охотясь на больших, в два человеческих роста высотой, птиц моа. Они так и называли себя –

охотники на моа, то есть моа-риори, или мориори. Это благолепие продолжалось долго, но однажды взяло и закончилось. На острова явились злобные, сильные и хорошо вооруженные пришельцы. Первым делом они выгнали мориори с мест, где обитали птицы моа, а всех несогласных убили. Потом быстро сожрали пернатых и принялись есть уже мориори. Те пытались прятаться, но безуспешно, и вскоре их племя прекратило бы свое существование, не найдись в нем пророк по имени Ару-Ио. Он убедил мориори сделать большие каноэ и отправиться в океан, следуя ветру. Труден был путь, и лишь немногие достигли его конца, то есть этого острова, но здесь им никто не угрожал, и племя начало помаленьку возрождаться. Пророк же выбрал место и посадил захваченное с южного острова деревце, тогда еще совсем маленькое. И завещал потомкам – племя будет жить, пока живет это дерево. Когда же оно начнет умирать, то тут уже все будет зависеть от того, как все это время вели себя мориори. Если хорошо, то есть никого не убивали и вообще хранили заветы своего пророка, то с неба явится посланец богов и покажет людям путь в новую жизнь. Если же нет – по морю приплывут оставшиеся на больших островах пришельцы, зовущие себя маори, и всех на фиг сожрут. И вот, значит, недавно дерево начало помаленьку вянуть...

Поначалу аборигены подумали, что мы и есть маори, но потом присмотрелись и решили, что вряд ли: больно уж непохожи. И для прояснения этого вопроса к нам был делегирован шаман. Каково же было его изумление, когда выяснилось, что Ханя говорит на изначальном языке! В общем, почтенный служитель культа пребывал в растерянности. С одной стороны, мы прибыли по морю, да еще на двойной лодке, как маори. Но если посмотреть с другой, то мы мало того что совершенно не похожи на маори и вдобавок никого не жрем, так еще знаем язык предков, а наше появление сопровождалось небесным знамением.

– Так, – взял я ситуацию под контроль, – Ханя, переводит. Значит, посланец богов просто так не приходит. Перед своим явлением он обязательно посылает разведку, чтобы та доложила, ждут ли его там, и если да, то насколько нетерпеливо. Мы посмотрели и готовы сделать доклад его превосходительству. Думаю, что посланец богов прилетит к вам, когда солнце будет вон там.

Я указал место, где оно окажется часов в пять вечера, и велел Марику полностью заправить бак надувной лодки и спихивать ее на воду. Явление посланца требовало небольшой подготовки, и ее лучше было производить в более уединенном месте.

Оно нашлось километрах в пятнадцати от места нашей стоянки и удовлетворяло всем требованиям. То есть, во-первых, там не было никаких следов человеческой деятельности. А во-вторых, рядом с водой имелось ровное место, вполне достаточное для взлета и посадки «Шаврушки» – в режиме гидроплана мы ее еще не испытывали. Со мной была аппаратура, и я открыл переход в гараж, а оттуда – на Хендерсон. К месту моего появления уже спешил дядя Миша.

– Ну как оно там? – поинтересовался он.

Я рассказал, как именно и что в связи с этим, по моему мнению, надо делать.

– Посланец, говоришь? – задумался дядя Миша. – Ладно, поработаю и посланцем, а пока покатили из ангара «Шаврушку».

Вскоре фюзеляж с хвостом, центропланом и отдельно два крыла стояли на площадке, с которой мы будем перекидывать их сначала в гараж, а потом опять в шестнадцатый век, только на несколько тысяч километров западнее.

– Ладно, ты готовься, а я схожу переоденусь, – сообщил майор.

Все правильно: его наряд, состоящий из шорт и тельняшки, не очень соответствовал образу божественного посланца. Я их, правда, ни разу не видел, но все равно был уверен, что они должны выглядеть как-то по-другому, более солидно и возвышенно. Интересно, какую одежду дядя Миша сочтет достойной столь неординарной миссии?

Действительность оказалась несколько неожиданной, но потом я понял, что это, пожалуй, лучший вариант. Дядя Миша вышел в парадном мундире советского офицера! В

том, который для строя, то есть с ремнем и сапогами. Слева на груди располагались четыре ряда орденских планок, а справа – орден Красной Звезды.

– Класс! – подтвердил я. – Самое то, что надо. Ну, потащили самолет?

Вскоре фюзеляж и крылья «Шаврушки» оказались на берегу лагуны острова Чатем. Дядя Миша с интересом озирался.

– А тут, однако, ничего, и даже не жарко, – резюмировал он. – Далеко ты уплыл, как-то даже не очень верится. Лады, зови Марика, и начинаем собирать машинку.

Сборка заняла час с небольшим, потом мы проверили машину, после чего дядя Миша прошелся по будущей взлетной полосе. И вот наконец самолет готов к полету. Майор снял фуражку, сунул ее в бардачок и влез на пилотское место. Я занял пассажирское. Завелся сначала правый, потом левый движок. Дядя Миша дал им прогреться, а потом двинул рычаги газа от себя. Моторы перешли с тарахтения на вой, и амфибия, пробежав по спрессованному песку метров сто, взлетела. Марик помахал нам рукой и полез в лодку – ему предстояло возвращаться к месту стоянки по воде. А мы сделали круг и направились к ней по воздуху.

За время нашего отсутствия народу заметно прибавилось. Кроме шамана с двумя тетками, около лагеря теперь стояло еще человек десять. А за холмом, из-за которого к нам вышла делегация, кучковалось не меньше сотни.

Дядя Миша прошелся над самой землей, прикидывая, куда именно садиться, потом добавил газа, сделал круг и начал заходить на посадку. Пробег кончился у самой воды, метрах в двадцати от самых смелых аборигенов.

Мы с майором вылезли из кабины. Он снял шлем, надел фуражку, строевым шагом подошел к шаману, приложил руку к козырьку фуражки и рявкнул:

– Здравствуй, товарищи аборигены!

Причем это получилось столь внушительно, что я не очень удивился бы, ответь они: «Здравия желаем, товарищ майор!» Но люди просто потрясенно молчали.

– Поздравляю вас с окончанием предыдущего и наступлением нового этапа в вашей жизни!

Опять молчание. Та тетка, что уже падала, вновь не удержалась на ногах, но сейчас шаман не обратил на нее никакого внимания, буквально поедая глазами майора.

– Подробности вам сообщит вот она, – майор чуть подтолкнул вперед Ханю. – Я же временно вас покидаю, но скоро мы вновь увидимся.

Повернулся кругом и не оборачиваясь скрылся в палатке.

Глава 31

Ремонт «Мечты» продолжался три дня, после чего катамаран был спущен на воду в лагуну, но мы пока не спешили покидать остров Чатем. Ибо ветер как дул с запада, так и продолжал дуть, лишь иногда ослабевая до десяти метров в секунду. А временами усиливаясь до двадцати. В общем, лавировать под парусами весь путь до Австралии я не хотел, а для дизелей при постоянном встречном ветре могло не хватить горючего.

Но была и другая причина для задержки – аборигены острова. При той ситуации, что сложилась у них к моменту нашего появления, они могли стать внушительным кадровым резервом. Но тогда надо было получше разобраться, как они жили раньше, как живут теперь и о каком будущем мечтают. Тем более что Поль уже выздоровел и рвался на подвиги, а тут для них было самое место.

Женя так и не понял, что именно случилось с его пациентом. Подозрение на воспаление легких не подтвердилось, так что доктор остановился на версии отравления газами от сварки, которым некуда было уходить в тесном отсеке перемишки. Наверное, это сыграло свою роль, как и несколько резких перепадов температуры в тесном и загазованном отсеке, но, как мне казалось, в основном это была реакция после сильнейшего нервного напряжения. Ведь мы находились в полушаге от того, чтобы начать тонуть, и все зависело от результатов работы Поля, который это прекрасно понимал. Меня и то примерно с полчаса

трясло после завершения ремонта, хоть я по натуре человек малоэмоциональный, да и почти вдвое старше Поля. Он же пока только учился быть спокойным в любых обстоятельствах.

Так вот, температура у него спала на второй день, появился аппетит и большое желание побыстрее покинуть клинику. Женя два дня искал, к чему бы придраться в смысле здоровья пациента, но не нашел и вынужден был его выписать. То есть старший помощник «Мечты» вновь появился на своем корабле. Но сразу его оставил, перебравшись на пассажирское место «Шаврушки». Майор сделал очередной круг над островом, после чего с самолета сошел уже не просто Поль, а младший посланец богов с правом утверждающей подписи – во всяком случае, именно так дядя Миша представил его шаману. Разумеется, тот не понял ни слова, но на авторитет младшего посланца это никоим образом не повлияло. И после церемонии представления Поль с Тимом и Ханей в сопровождении шамана отправились в селение аборигенов, до которого от нашей стоянки было километров восемь. Они должны были поближе познакомиться с местными жителями, а заодно по моей просьбе узнать, где находится дерево, когда-то посаженное пророком.

Это оказалось совсем простым вопросом, и вскоре я, купив в Прудах маленький кроссовый мотоцикл, а точнее пит-байк, переправил его на Чатем. Правда, тут пришлось учитывать, что я не могу взять в двадцать первый век дополнительный кристалл – один должен был оставаться на «Мечте», а второй – на Хендерсоне. И, значит, в случае закрытия перехода время на островах пошло бы почти в триста раз быстрее, чем на даче. Меня подобное не устраивало, так что пришлось не закрывать переход, а свести его к минимальному устойчивому диаметру порядка пяти миллиметров. Он так и оставался открытым все полтора часа, потребовавшиеся на приобретение мотоцикла.

Вернувшись на Чатем, я поехал посмотреть на живую реликвию народа мориори, а заодно и просто покататься. Ведь по Хендерсону ездить можно было только на бульдозере, а на Питкэрне затруднительно даже на нем. Здесь же рельеф вполне позволял использовать колесный транспорт.

Дерево, надо сказать, было очень основательным – я таких здоровых до сих пор не видел. Его высота, измеренная лазерным дальномером, составляла пятьдесят два метра, а обхват у корня – семнадцать. Собственно говоря, из-за своего размера дерево и начало испытывать определенные трудности. Ведь на Чатеме, как я уже узнал, часто дуют сильные западные ветры, отчего все местные деревья в большинстве своем невысокие и кривые – таким проще выжить.

Пророк это явно учитывал и посадил свой саженец в низине за холмом, но за сколько-то там сотен лет дерево вымахало так, что холм перестал его защищать, из-за чего гигант уже ощутимо кренится на восток. Судя по листьям, которые, если бы не энциклопедия, я принял за лавровые, это был эвкалипт. А ведь в Австралии, припомнил я, их должно быть очень много. Блин, да каких же размеров пилораму придется строить, чтобы распускать на доски и брусья такие бревна?

Как это ни странно, мое приобретение – пит-байк – гораздо больше заинтересовало Поля, чем чатемцев. Те отнеслись к мотоциклу спокойно – мол, посланцы богов рангом повыше летают на большой и крылатой машине, а которые попроще – ездят на маленькой и бескрылой, чему же тут удивляться.

Кстати, большая и крылатая, то есть «Шаврушка», летала над островом довольно часто. Ведь она была амфибией, но до сих пор майор не пробовал взлетать с воды или садиться на нее, потому как до сих пор не случилось ни одного дня, когда океан был бы абсолютно спокоен. Взлетать же при волнении, не имея опыта пилотирования гидропланов, дядя Миша не рисковал. На Чатеме же под боком имелаась большая лагуна, волны в которой если и появлялись, то мелкие и ненадолго.

А вот Поль не мог понять, почему мотоцикл не падает, и не отставал от меня, пока я не объяснил ему про гироскопический момент. После чего молодой человек пожелал научиться ездить на двух колесах. Мне было не жалко, и вот уже третий день подряд Марик на лодке с утра отвозил Поля и мотоцикл на дальний берег лагуны, где никто не ходил, зато имелись

пологие холмы из слежавшегося песчаника. Так вот, Марик затаскивал мотоцикл на вершину, чего никак не мог сделать Поль, и смотрел, как тот пытается съехать на нем вниз с выключенным движком и коробкой в нейтральном положении. То есть Поль пока учился только рулить и держать равновесие, не пытаясь постичь всего сразу. Поначалу, конечно, дело не обходилось без синяков, но пит-байк весил всего шестьдесят пять килограммов и имел низко расположенный центр тяжести, так что первоначальный этап обучения занял всего четыре дня.

Потом в роли учителя выступил уже я. Зад мотоцикла был поднят специально сваренной подставкой, так что колесо оказалось вывешенным, и Поль, не сходя с места, учился обращаться с газом, сцеплением и коробкой передач.

Сразу выяснилось, что с его покалеченной ногой нормально получается только переключать передачи вниз, а вот вверх – увы. И мы с ним по-быстрому соорудили дублирующее управление коробкой, расположив его рычаг на правой стороне бака, как у «харлеев», поставлявшихся в СССР по ленд-лизу. После чего дело пошло на лад, и вскоре Поль мог доехать от места стоянки до аборигенской деревни и обратно. Разумеется, потихоньку, не как я, но и не падая при этом. Точнее, почти не падая. Чтобы парень не охромел окончательно, я купил ему «черепашу», наколенники и мотоботы – правда, самые дешевые, потому как других в Прудах не было, а оставлять переход открытым на время поездки в Москву я не рискнул. Впрочем, на таких скоростях дорогая экипировка все равно не будет иметь никаких преимуществ.

Но основной задачей Поля, Тима и Хани были сбор сведений о жизни местного народа и рассказы, как хорошо можно жить, если дружить с небесными пришельцами. Разумеется, надо еще и не лениться работать, иногда все время, пока на небе солнце, лишь изредка отвлекаясь на поесть, попить и поплясать под бубен.

Во исполнение своей задачи Ханя и Тим сменили автоматы на малокалиберные винтовки и показали местным жителям, как надо охотиться на птиц. Они, понятное дело, были на Чатеме уже сильно пуганные, но все же не настолько, чтобы не подпускать людей на семьдесят метров, а с такой дистанции наши охотники не промахивались даже навскидку. В общем, за один заход они набивали столько пернатых, что всей деревне их хватало на два дня.

Тонга же познакомила островитян с прогрессивными методами рыболовства.

Я давно заметил, что океан с корабля может выглядеть очень по-разному, в зависимости от того, на чем плывешь и с какой скоростью. Если у судна работает мотор, то вокруг будет водная пустыня, даже акулы постараются держаться подальше. Но когда корабль дрейфует или еле-еле ползет под парусами, к нему, наоборот, отовсюду сбегаются любопытные рыбки в диапазоне размеров от пескаря до сома.

Так вот, Тонга под одним стакселем по ветру выводила «Мечту» в океан, а потом убирала парус и спускала сеть с поплавками, которую потихоньку относил от катамарана. Когда она оказывалась метрах в семидесяти, запускались дизели, и рыбы со всей округи панике кидались от пугающего грохота, в основном прямо в сети. В общем, за два захода наша капитанша наловила не меньше трехсот кило, чем повергла жителей деревни в ступор – куда все это девать? Правда, решение все же было принято верное – люди поделились с соседями, ведь на острове было не одно, а целых четыре селения, по числу родов здешних мориори.

Ничуть не меньшим успехом, чем показ достижений охоты и рыболовства, пользовались вечерние рассказы Хани о том, как у нас относятся к вопросам демографии.

Я уже знал, что для Чатема это была большая проблема. Остров, хоть и огромный по сравнению с Хендерсоном, мог прокормить весьма ограниченное количества народа, тем более что земледелия этот самый народ не знал, ограничиваясь охотой, рыбной ловлей и собирательством. Причем имелось и очень существенное отличие от условий на нашем острове.

Там небольшая численность населения поддерживалась сама собой из-за высокой детской смертности, а в засушливые годы и не только детской. Здесь же пресной воды хватало, и родившиеся дети имели неплохие шансы дожить как минимум до юношеского возраста. И чатемцы давно поняли, что оставлять этот процесс без ограничений нельзя.

В результате был принят целый свод правил по недопущению бесконтрольной рождаемости.

Первое – примерно треть родившихся мальчиков кастрировалась. Какие именно – это было в компетенции шаманов. Более того, когда-то давно даже пытались стерилизовать девочек, но это с почти полной гарантией приводило к смерти подопытных, что входило в противоречие с заветами пророка и потому не получило распространения. Наконец, половые сношения допускались лишь в одобренных теми же шаманами браках, да и то в строго определенные дни.

Нарушителей же всего этого ждала кара, и довольно суровая. Их не убивали из-за уже упомянутого запрета, а просто изгоняли с острова. На соседний, совсем маленький, где не было даже деревьев, а только трава и чахлые кустики и куда почти не залетали птицы. В общем, рекордом пребывания там, как мне сказали, было полтора года, но чаще сосланные умирали уже через месяц-другой. Вот ведь блин, до чего же людей гуманизм-то доводит! Прямо как фашисты какие-то становятся, ей-богу.

Поэтому рассказы Хани о том, что любовью у нас можно заниматься когда угодно и хоть круглые сутки подряд, если только нет каких-нибудь общественных работ, и рожать тоже сколько заблагорассудится, причем не только невозбранно, но даже получая за это подарки от пришельцев с неба, шли при полном аншлаге.

Тем временем ветер начал потихоньку слабеть и менять направление против часовой стрелки, то есть в настоящий момент дул с юго-запада, а в ближайшее время, как меня уверяли местные спецы по погоде, вроде должен стать вообще южным. Пора было продолжать путь, пока вновь не подуло с запада, что в этих местах очень вероятно. Или задержаться здесь еще на месяц-другой, с целью набрать первую команду переселенцев? Подумав, я решил поговорить с Полем, который по идее должен уже неплохо знать местную обстановку.

– Нет, – сразу сказал он, – по-моему, сейчас брать с собой почти никого не надо. Кроме Канаи и Нио-Уно, это девушки Марика, и одной семьи из Хапупу.

– Селение на противоположной стороне лагуны?

– Да. Самая малочисленная и бедная деревня на острове, и у них вождь и шаман едины в одном лице. Возможно, что это главная причина бедности рода. Во всяком случае, этот вождь – очень неприятный человек. А семья, про которую я говорю, приговорена им к изгнанию. Вечером она будет здесь. Если У-Нунги, так зовут того вождя, поймет наше вмешательство правильно – пусть живет. Если нет – старый Миш-ау обещал помочь.

– В каком смысле?

– Он подскажет, что и как надо сделать, чтобы Нунги умер сам собой, от болезни.

М-да, мысленно присвистнул я. Хочется думать, дядя Миша догадается, что эта болезнь должна быть еще и незаразной. Впрочем, он спец, ему виднее. Однако осталось еще два вопроса, и я озвучил первый, совсем простой:

– С вождем и семьей ясно, а что за девушки?

– Они захотели понравиться Марику и сумели сделать это. Мне кажется, они достойны жить с нашим племенем.

– Но ведь у Марика вроде осталась невеста на Хендерсоне?

– Да, ее зовут Тиума. Но она глупая, до сих пор не смогла заслужить небесного имени, и не нравится Марику. Впрочем, как и он ей. Раньше они все равно должны были жить друг с другом, потому что иных пар на острове не было, но сейчас ситуация поменялась.

– С девушками тоже понятно, – кивнул я, – пусть плывут со своим ненаглядным Мариком. Но ведь если мы сейчас не возьмем больше никого, то как в следующий раз

определим, кого стоит брать, а кого нет? Вряд ли две девушки и одна семья из дальней деревни смогут нам много рассказать про здешних жителей.

– Я останусь на Чатеме, – оговорил меня Поль, – по крайней мере, до следующего визита «Мечты» или другого нашего корабля. И смогу убедить многих, что на новом месте будет хоть и труднее, но лучше, а потом выбрать из желающих наиболее достойных.

– Давно придумал?

– Нет, только вчера и еще не советовался с Миш-ау. Сначала – с тобой. Ты разрешаешь мне остаться?

– Мм... да, пожалуй, ты прав. Тогда подумай, что тебе здесь понадобится, и завтра приходи ко мне. Посмотрим – может, вместе еще что-нибудь придумаем.

Спрашивать Поля, понимает ли он, что в случае чего ему придется рассчитывать только на корабли, которые неизвестно когда приплывут сюда еще раз, ведь лишнего кристалла для Чатема у меня нет, я не стал. Наверняка отлично он все понимает. Ладно, пусть остается тут чрезвычайным послом и резидентом небесных сил, от этого действительно может быть очень немалая польза. Значит, до вечера надо подумать, чем его снабдить, а потом послушать, как он сам это себе представляет. И с дядей Мишей следует обязательно посоветоваться, потому как он у нас специалист по всяким агентам с нулями спереди, а также без оных.

Подготовка к выполнению Полем взятой на себя миссии затянулась на две недели, да и то потому что с Хендерсона на Чатем была переброшена бригада из шести человек. Столь много времени при таких приличных трудозатратах потребовалось оттого, что дядя Миша напомнил мне одну детскую песенку.

– Слышал такое: «Поросят я всех умней, всех умней, всех умней, дом я строю из камней, из камней, из камней»? – поинтересовался он. – Вот здесь как раз тот самый случай. Во-первых, Поль остается в окружении, которое вполне может в один прекрасный момент стать враждебным, и парню нужна возможность отсидеться до прихода помощи. А во-вторых, это будет не просто место обитания одного человека, а чрезвычайное и полномочное посольство небесных сил на острове Чатем, то есть оно должно внушать уважение.

Домик получился впечатляющий, но и раз в десять дороже тех, что мы строили на Хендерсоне – на материалы для его постройки пришлось потратить шестьдесят пять тысяч рублей. Деньги пошли на газобетонные блоки, сухой цемент, еврошифер зеленого цвета, арматуру и поликарбонат для окон. Доски и брусья были этого времени, из наших запасов, образовавшихся в результате работы лесопилки на Питкэрне.

При весьма скромной площади три на четыре метра сооружение было двухэтажным и полностью соответствовало определению «мой дом – моя крепость».

Первый этаж имел узкие бойницы вместо окон и собственноручно сваренную мной могучую стальную дверь. На втором уже были нормальные окна, но все равно защищенные решетками из арматуры.

С электричеством проблем не возникло – на Чатеме постоянно дули ветры, так что даже не пришлось ставить высокую мачту для ветряка, вполне хватило двухметровой трубы на крыше.

Две недели подряд на берегу лагуны раздавался зычный командный голос дяди Миши, тархтел генератор, вертелась бетономешалка, сверкала электросварка, а чатемцы толпились поодаль, вначале с некоторой опаской взирая на невиданное действо, а потом с изумлением – на его результаты.

Но наконец здание нашего посольства было построено и оборудовано всем необходимым, бригада во главе с дядей Мишей вернулась на Хендерсон, а мы после небольшого праздника для особо доверенных аборигенов засобирались в дорогу.

И вот ранним утром пятнадцатого января пятого года «Мечта» вышла из лагуны, обогнула северную оконечность Чатема и взяла курс на северо-запад. Поль оставался на острове, имея при себе массу оружия, включая автомат и гранаты, пит-байк, небольшой квадроцикл, две рации, запас бензина, патронов, консервов, круп, медикаментов и прочего,

необходимого для как минимум годичного пребывания в должности чрезвычайного и полномочного посла небесных сил в новозеландском регионе.

Глава 32

Все-таки нам не прошла даром задержка на постройку дома для Поля, потому как на следующий день после выхода в море ветер сменился на обычный в этих краях западный, и «Мечте» пришлось взять курс почти точно на север. Вообще-то я собирался пройти между островами Новой Зеландии, то есть проливом Кука, а сейчас мы огибали Северный остров, причем по широкой дуге. Но, как говорится, нет худа без добра, и теперь наша экспедиция могла посетить место, которое в любом случае придется часто посещать будущим переселенцам. Имелся в виду остров Уайт, то есть Белый, если по-русски.

Мы подошли к нему ранним утром третьего дня плавания, и то, что мы находимся на траверзе этого острова, я определил даже раньше Тонги – по запаху. С подветренной стороны уже за восемнадцать километров явственно пахло серой.

Мы обогнули остров и легли в дрейф в полукилометре северо-западнее него. Да уж, подумал я, редко доводится встречать столь не соответствующие действительной картине названия. Какой он к чертям белый? Гораздо больше ему подошло бы имя Ядовито-Желтый, Серный или вовсе Адский. Потому как он являлся не до конца потухшим вулканом и чуть ли не весь состоял из той самой серы и всяческих ее соединений.

Так как от океанских волн нас сейчас защищала близкая Новая Зеландия, мы с Мариком рискнули взять надувную лодку и совершить высадку на остров. Я даже сумел подняться на холм, с которого было видно жерло вулкана, залитое какой-то маслянистой на вид жидкостью ядовито-зеленого цвета. Сунул в сумку несколько первых попавшихся образцов серных «цветков» и, кашляя, поспешил к лодке. Нет уж, сюда больше ни ногой без противогаза, подумалось мне под вой работающего на предельных оборотах моторчика, когда оглядывался на удаляющиеся серные скалы. Хотя, может быть, со временем появятся люди, которым потребуется как-то искупить какую-нибудь вину...

Нет, даже в этом случае придется раскошелиться на противогазы, а то прямо Освенцим какой-то получится, решил я, командуя полный ход и курс на северо-северо-запад.

Обойдя северную оконечность одноименного острова Новой Зеландии, мы повернули на юго-запад и так, под сорок пять градусов к ветру, шли десять дней, помогая парусам работающими на средних оборотах дизелями. Вымотался я за это время здорово, как и Тонга. Ведь идти под таким острым углом к ветру было очень трудно: чуть зевнешь – и паруса полощутся, а катамаран, несмотря на работающие дизели, начинает сносить на восток, к Новой Зеландии. У Власа держать нужный курс вообще не получалось, так что вахты пришлось поделить нам с Тонгой. От автопилота же, сделанного мной на основе электронного компаса, толку было немного. Ведь сейчас требовалось выдерживать нужный угол относительно направления ветра, а вовсе не магнитного поля Земли.

Но, как уже говорилось, почти все на свете имеет и свои положительные стороны, их просто нужно не лениться искать. Так что за время преодоления последнего отрезка нашего пути я довольно детально продумал схему электромеханического автопилота, который будет управлять не только рулями, но и парусами, когда потребуются идти под острым углом к ветру.

На тринадцатый день пути ветер сменился на юго-западный, и вовремя, а то я уже начинал опасаться, что нам придется высаживаться на Тасманию. Нет, со временем, хочется надеяться, очередь дойдет и до нее, но основывать первое поселение лучше на каком-либо из островов Бассова пролива. Из тех соображений, что там нет ни аборигенов, ни хищников, ни сильно ядовитых змей, а места хватит на несколько тысяч человек. Опять же и Тасмания, и Австралия будут рядом – куда бы мы ни высадились, больше двухсот километров до любого берега никак не получится. Плавать туда-сюда можно будет хоть каждые сутки, а летать так

и вовсе по несколько раз на дню.

Так как изменившийся ветер разогнал облака, ну и вследствие появления на Чатеме третьего радиомаяка, я смог достаточно точно определить координаты и вывести «Мечту» к центру восточного побережья острова Флиндерс. Хотя теперь он скорее всего будет называться совершенно не так. На эту тему мы незадолго до отбытия с Чатема беседовали с Полем и дядей Мишей.

– Зачем нашему миру названия в честь людей, открывших эти острова в вашем? – вполне резонно поинтересовался Поль. Ведь действительно, все эти Питкэрны, Хендерсоны и Флиндерсы еще не родились!

– И что ты предлагаешь? – поинтересовался дядя Миша.

– Мое племя не сохранило названия, которое дали этой земле первые переселенцы с Мангаревы, – начал Поль, – но зато отсюда начинается возрождение нашего народа...

Тут парень сделал паузу, и я понял, что надо срочно вмешаться, пока на картах не появился какой-нибудь остров Никоявления. И заявил:

– Значит, надо назвать его Изначальным, ведь именно здесь берут начало все наши дела.

Поль вздохнул, но согласился.

С Питкэрном особых проблем не возникло: местные жители называли свой остров Рапани, и это имя было просто утверждено нашей комиссией. Атолл Оэно получил название Пустышка, а все, что встретится нашей экспедиции, ею и будет названо, если там еще нет местного населения с достаточно высоким уровнем развития, при котором острова и материи приобретают общепринятые названия.

Так вот, право назвать землю, которую мы увидели впереди на пятнадцатый день после отбытия с Чатема, именуемого теперь Рекоху, было предоставлено Тонге. И Флиндерс был назван в честь ее погибшей в бою с испанцами сестры – Манюниным островом, или просто Манюниным.

На восточном побережье острова имелось несколько лагун, и мы, выбрав самую крупную и с достаточно широкой протокой, вошли в нее. Она была куда меньше, чем на Чатеме, всего пять километров по длинной стороне и три по короткой, но зато в нее впадала достаточно широкая речка, так что чем дальше от океана, тем более пресной становилось вода. Именно в устье этой речки, без особых затей нареченной Белой из-за ее очень чистой воды, мы и остановились. Разбили на левом берегу палаточный лагерь, обустроили его. Вытаскивать катамаран на берег пока не стали – в ближайшее время он точно понадобится, а при любом сколь угодно сильном ветре больших волн в лагуне не будет. Завтра предстояли экспедиции по изучению окрестностей места высадки, ну, а пока шла подготовка к торжественному ужину. Ведь если подумать, это был великий момент – впервые ноги обитателей Хендерсона, то есть, тьфу, Изначального острова, ступили на землю, где предстояло жить их детям, внукам и правнукам.

Два дня изучения местности показали, что лагерь мы поставили очень удачно, и именно здесь надо строить первый город новой страны. Во исполнение чего был открыт переход сначала в дачный гараж, потом на Хендерсон, и вскоре первая партия переселенцев восторженно озиралась на новом месте. Как много здесь пресной воды! Какие высокие деревья! И какая плодородная земля, даже лучше, чем на огородах у старого Миш-ау! Сколько гороха и картошки тут можно будет вырастить!

Я же, честно говоря, пребывал в некоторой растерянности, хоть и старался этого никому не показывать. Ведь мы так долго и тщательно готовились к экспедиции, что казалось – если уж доплывем до нового места, то там сама собой начнется не жизнь, а натуральная сказка. И вот, значит, приплыли. И что? Сказка-то где, позвольте поинтересоваться? Да тут надо срочно провернуть столько дел, что не знаешь, за какие хвататься в первую очередь!

Но, как будто этого мало, до меня только сейчас окончательно дошло, что сделанный

шаг при всей его незавершенности является необратимым. Все, у маленького племени с затерянного в океане островка началась совершенно другая история! И какой она будет, очень сильно зависит от меня. А я тут, блин, стою и не знаю, за что хвататься в первую очередь.

Зато это знал дядя Миша, который сразу по прибытии поинтересовался, подобрал ли я место для своей резиденции. Мои возражения насчет того, что мне первое время не в лом пожить и в палатке, были отмечены сразу.

– Если у тебя скромность взыграла, то засунь ее куда-нибудь подальше, – посоветовал майор. – Жилье – одна из главнейших потребностей человека. Но построить дома всем сразу один черт не получится, так и сяк придется с кого-то начинать. И если начать не с тебя, могут появиться обиженные. Так что давай-ка прогуляемся вон на тот пригорок – там, по моему, просто замечательное место. Пока идем, подумай, хватит тебе двух этажей или сразу закладываться на три. А для успокоения души имей в виду, что здесь разумнее строить не каркасно-щитовые домики, как на Хендерсоне, а из бруса: все равно придется лес рубить под посевные площади. Опыта же особого у нас нет, так что на твоей стройке народ маленько подучится, и следующие дома будут лучше. Как город назвать, уже придумал?

– Пока нет: сначала надо объяснить людям, зачем это вообще нужно, – усмехнулся я. – Ведь что на Хендерсоне, что на Питкэрне всегда было по одному селению, которое прекрасно обходилось без всякого имени. И, кстати, утверждение о наказуемости инициативы, насколько я в курсе, родом из армии, так что сам и придумывай название для первого города на новой земле. А дом будет двухэтажным, тогда, может, и не очень быстро развалится. Потому как начнем без опыта строить сразу в три этажа – он в лучшем случае рухнет на следующий день после сдачи, да еще в процессе строительства народ с крыши попадает.

Место, выбранное дядей Мишей, меня, в общем, устроило, но все же перед началом строительства пришлось посетить Пруды и купить еще один пит-байк, а потом проехать по окрестностям, изображая из себя дендролога. Потому как на запрос «эвкалипт» любой поисковик вываливал столько информации, что я в ней утонул бы даже при наличии ученой степени по ботанике, а без нее можно было и не пытаться что-либо понять. Да там только тупое перечисление видов занимало несколько страниц, причем по-латыни! Вот я и решил провести свое исследование. Оно заняло полтора дня, и его результатом стало убеждение, что на самом деле пород эвкалипта всего три. По крайней мере, на Манюнином острове. Вот они, эти самые породы:

– Эвкалипт белый. Вообще-то его древесина чуть желтоватая, примерно как липа. И очень на нее похожа как по удельному весу, так и по прочности. Деревья средней высоты, метров по десять – пятнадцать, стволы толстые, часто кривые, ветки разлапистые.

– Эвкалипт рыжий. Получил название из-за желто-коричневого цвета древесины. По удельному весу она примерно соответствует сосне, но немного ее прочнее. И сами деревья похожи на сосны, только вместо иголок у них лавровые листья.

– И, наконец, последний представитель изучаемых растений – эвкалипт охренительный. Пока мне встретилось только два экземпляра – один высотой шестьдесят девять метров, а второй – семьдесят четыре. Надеюсь, все поняли, почему дерево получило именно такое название? От того, которое помельче, я отпилил кусочек на пробу. Древесина по фактуре и цвету была почти как у рыжего, но тяжелее и прочнее. Вполне возможно, что это или близкие родственники, или просто одни и те же деревья, только разного возраста.

Так вот, роща рыжих эвкалиптов имелась совсем рядом с будущим городом, и мы решили пустить ее на стройматериалы, а на освобожденном месте посадить что-нибудь наподобие сахарной свеклы. Потому как тростник тут расти не станет – слишком далеко от экватора, – потребность же в горячем на новом месте сильно возрастет, и надо будет из чего-то гнать спирт.

И вот на краю рощи затрещала и завyla лесопилка. Пока народ управлялся со старой пилорамой, которая работала еще на Питкэрне, но уже делалась новая, более длинная и

допускающая распил бревен до шестидесяти сантиметров в диаметре, с тринадцатисильным китайским движком, изготовленным по хондовской лицензии. И следовало подумать, как мы будем пилить совсем здоровые бревна, ведь на будущей вырубке встречались и стволы почти по полтора метра в диаметре. Правда, обстановка давно не позволяла мне заниматься мыслительной деятельностью как положено – то есть сесть в позе роденовского «Мыслителя», сосредоточиться, открыть первую бутылку пива и приступить к умственным рассуждениям. Увы, теперь это получалось делать только в процессе какой-то работы.

В силу таковых причин я размышлял о пилораме, соорудая нечто вроде очень небольшого трактора со всеми ведущими колесами. Он обязательно понадобится при строительстве антенны на самой высокой горе острова, которая находилась километрах в пятнадцати на юго-запад от места высадки и поднималась почти на семьсот метров. Просто радиостанция «Мечты» не обеспечивала устойчивой связи с Питкэрном, а значит, и с Изначальным островом, и для исправления ситуации требовалось поднять антенну как можно выше.

Но, как уже говорилось, гора была довольно высокой и располагалась не так чтобы совсем рядом. И таскать туда инструменты, аппаратуру и горючее пришлось бы долго, да еще задействовав для этого много людей. А где их взять, много-то?

Для начала я попробовал использовать межмировой переход, но эта затея не увенчалась успехом. То есть забраться на пит-байке почти на самую вершину мне удалось, а пеший остаток пути вверх занял минут двадцать, но на этой самой вершине барометр показал всего семьсот десять миллиметров ртутного столба. А в Москве в это время было около семисот шестидесяти, так что я открыл маленькую дырочку, прикинул, какой ураган получится при открытии полноразмерного перехода, после чего выключил аппаратуру и отправился к своему мотоциклу. Увы, таскать или возить грузы придется более классическим способом. Ведь на даче у меня нет более или менее герметичной оружейки, как на Хендерсоне, да и ходить здесь потребуется не пустым, а с габаритными вещами.

Гора была покрыта лесом, но довольно редким и практически без кустов в нижнем ярусе, поэтому на пит-байке я доехал почти до вершины сравнительно спокойно. А путь вниз был использован для уточнения габаритов транспорта, который сможет повторить путь мотоцикла, но с приличным грузом.

Получилось, что этот транспорт должен иметь ширину не больше метра, тогда затруднений не будет. И кроме того, желателен полный привод, потому как на пути вверх мне приходилось помогать мотоциклу ногами.

Значит, никакой квадроцикл не подойдет, они все заметно шире, а полноприводные – тем более. Правда, в природе имеется совсем небольшой трактор, именуемый «Беларус» – именно так, без мягкого знака. Собственно говоря, его сделали из мотоблока, присобачив на шарнирной сцепке еще один мост с двумя колесами и прокинув к нему кардан от вала отбора мотоблока. Но даже исходное изделие стоило шестьдесят тысяч, то есть отнюдь не отличалось дешевизной, а получившийся из него трактор вообще тянул на без малого сто восемьдесят. Узрев такую цифру, жаба категорически заявила, что навсегда перестанет меня уважать, если я прямо тут же не изобрету чего-нибудь аналогичного, но раза в три дешевле. А лучше вообще в шесть, напутствовало меня земноводное. И значит, я принял пожелание своей подруги к исполнению, то есть смотался в Пруды и за неполные сорок тысяч купил два дешевых мотоблока «Кроссер». А потом просто занялся их соединением на шарнирной сцепке, но без всякого кардана: ведь каждая пара колес уже имела свой двигатель.

Получилось компактное, но довольно грузоподъемное и проходимое устройство, которое при необходимости можно было тиражировать без риска мгновенно разориться. А то ведь, покупая трактора по шесть тысяч долларов, это недолго даже при наших с дядей Мишей средствах.

Разумеется, кроме тех трудностей, что уже были перечислены, переселенцев ждало много других. И с одной из них людям предстояло очень скоро познакомиться – ведь до сих

пор о ней имел представление только экипаж «Мечты». Речь идет о холоде.

Остров Хендерсон, с недавних пор именуемый Изначальным, был, конечно, далеко не самым комфортным для проживания местом на земле, но у него имелось одно немаловажное достоинство. Там ни у кого и никогда не получилось бы замерзнуть, даже если бы вдруг захотелось. За все время моего пребывания на нем температурный рекорд составил восемнадцать градусов – естественно, плюс. Да и то продолжались эти холода всего полторы ночи в позапрошлом году, а потом столбик термометра вновь уполз за двадцать. Поэтому островитянами одежда воспринималась исключительно как украшение, а вовсе не как средство утепления организма. Наши дома на Хендерсоне служили защитой скорее от жары, чем от холода. И вообще что такое печь и с чем ее едят, из всех нас представлял себе только дядя Миша. Он уже нарисовал мне, как должна выглядеть буржуйка, так что при первом же визите в двадцать первый век надо будет съездить в Пруды и заказать там стальных листов толщиной в один и в пять миллиметров. Потому что, во-первых, контора, торгующая металлопрокатом, находится через две двери от моего офиса, а готовыми печками – на другом конце технопарка. Да и ни к чему нам готовые, пусть лучше люди учатся работать со сварочным аппаратом. Буржуйка для этого подходит идеально, заготовки для нее трудно будет запороть даже при полном отсутствии квалификации.

Однако отопление дровами может привести к тому, что леса на острове вообще исчезнут. Это ни к чему, даже если наши потомки решат когда-нибудь покинуть этот остров. Как-то нехорошо оставлять за собой пустыню – это просто неуважительно по отношению к потомкам. И в этом смысле я очень вовремя придумал сочлененный мотоблок, который из-за своей крайней узости способен ездить по лесу, маневрируя между деревьями. Значит, можно будет ввести точечную вырубку на дрова, а не площадями, как мы это делаем сейчас. Потому как надо блюсти экологию. Пусть здесь, несмотря на появление переселенцев, продолжают существовать эти... как их там... ах, да – эндемики. То есть коренные жители здешних мест – не суть, растения они или животные.

Все эти возвышенные мысли я обдумывал по дороге от лесопилки к месту высадки, где потихоньку начинались строительные работы. И как раз в это время трава впереди меня чуть шевельнулась. Я уже знал, что это может означать, и потянулся к кобуре. Теперь там находился не «глок», а подарок дяди Миши, сделанный им собственноручно, – гладкоствольный револьвер калибром «десять и две». В нем использовались укороченные до шестидесяти миллиметров стальные барнаульские гильзы от «Сайги-410», снаряженные половинным зарядом пороха и мелкой дробью.

Взведя курок, я сильно притопнул ногой. Трава снова зашевелилась... выстрел, затем на всякий случай еще один. Все, отползала, зараза. И чего же эти змеи-белогубки до сих пор не сообразят куда-нибудь откочевать от нашего будущего города? Дождутся ведь, что ни одной не останется: на Хендерсоне под руководством дяди Миши три аборигена клепают по одному револьверу в сутки. И не так уж важно, что эти змеи все-таки местные – эндемики бывают разные, и конкретно вот такие нам совершенно не нужны. Хорошо, хоть комаров тут нет: не придется обрабатывать болота всякой ядовитой химией.

Глава 33

Надо сказать, что общепринятая точка зрения на историю открытия Австралии, изложенная в том числе и в википедии, давно вызывала у меня серьезные сомнения. Мол, голландцы и португальцы с середины шестнадцатого века знали только про северное побережье и небольшой кусок западного, причем были не в курсе, фрагменты ли это одного острова, архипелага или большого материка. А открыл Австралию англичанин Джеймс Кук, которого потом съели.

Так вот, подобная точка зрения совершенно не объясняет маршрута первой экспедиции Абеля Тасмана. По ней выходит, что голландец аккуратно обошел вокруг Австралии, ухитрившись при этом ее не заметить! Ради интереса попробуйте проехать круг по МКАДу и

не догадаться, что вы вертитесь вокруг большого города.

А уж в одном месте это было сделать очень трудно. Причем как раз в том, где сейчас находились мы, то есть в районе Бассова пролива. Ведь тут почти всегда дуют западные ветры! А корабли шестнадцатого или семнадцатого века не могли толком идти даже под прямым углом к ветру, их обязательно сносило. И уж тем более им были недоступны более крутые галсы.

И значит, Тасман прилагал огромные усилия, держа курс поперек ветра, и ради чего? Чтобы, не приведи господь, случайно не открыть Бассов пролив, оставив эту честь англичанам?

То есть его маршрут выглядел логично только в том случае, если предположить, что очертания австралийского материка ему были хорошо знакомы. Про Бассов пролив и острова в нем он тоже знал, а вот что за земли находится южнее и восточнее него – нет.

Однако отсюда получался довольно тревожный вывод. До экспедиции Тасмана оставалось пятьдесят лет. Так когда же голландцы все-таки открыли этот самый пролив – ведь явно не за год и не за два до экспедиции Тасмана! А вдруг за пятьдесят или сорок восемь? Тогда в ближайшее время у нас могут быть гости, к встрече которых мы, если честно, почти совсем не готовы.

Разумеется, подплыви они к самому городу, их будет нетрудно утопить. Но если пришельцы высадутся на нашем острове, но с противоположной стороны, мы ничего не заметим! И как следствие, с высокой степенью вероятности вынуждены будем воевать на суше, что весьма и весьма чревато. Ведь нас тут сейчас всего двадцать шесть человек, из которых хоть как-то умеют стрелять только пятнадцать. Да и по завершении переселения на Манюнин всех желающих с Хендерсона и Питкэрна наша численность все равно не дотянет даже до пятидесяти рыл всех полов и возрастов, в то время как на корабле будет как минимум сотни две здоровых и умеющих обращаться с оружием мужиков.

В общем, вышка для антенны строилась с таким расчетом, чтобы там был еще и нормальный наблюдательный пост, с которого можно будет осматривать практически всю береговую линию острова. К счастью, задача упрощалась самой природой. Дело в том, что появления гостей следовало ожидать с запада, но как раз там практически не было хоть сколько-нибудь удобных бухт для высадки. Зато имелось сколько угодно мест, где можно сесть на мель или пропороть днище об острые камни. В общем, наблюдательный пост на горе даст нам хоть какую-то возможность заранее увидеть пришельцев, но радикально проблема будет решена только с постройкой авиабазы на острове Кинг, откуда можно будет легко мониторить все подходы к границам нашей колонии.

Тут, конечно, при желании можно возразить, что, когда бы ни открыли Австралию с нашими островами, ее колонизация началась только в девятнадцатом веке, поэтому нам можно не волноваться. Да, но ведь ни голландцам, ни испанцам, ни португальцем на фиг не нужны были пустые земли! Их и так уже было открыто более чем достаточно. Ценность представляли только населенные, жителей которых можно было заставить работать на себя. И в этом смысле наша колония наверняка покажется лакомым куском любому гостю из Европы.

Однако первые гости явились к нам не с запада, а чуть ли не с прямо противоположной стороны. Случилось это событие через полтора месяца после высадки, когда мой дом был закончен и мы приступили к постройке сразу всех остальных, на первое время запланированных в городе, общим числом три. Как раз когда я закончил разметку фундамента для третьего дома, зашипела висящая на поясе рация ближней связи, и вскоре я, офигевая, слушал доклад вахтенного с «Мечты»:

– Вижу моторный корабль в семи километрах на юго-восток!

У меня выпал из рук электронный уровень. Ну сами представьте: сидите вы в далеком шестнадцатом веке. Вокруг лепота. До появления первого парохода больше двухсот лет, да и то он начнет бороздить воды Гудзона, а вовсе не Бассова пролива! А тут на тебе – говорят,

плывет. И куда бежать – к дому, где оружие, или к лодке, чтобы побыстрее оказаться на «Мечте»? Наш катамаран собирался сделать заход за рыбой и потому стоял не в лагуне, а на внешнем рейде у входа в нее. Блин, вот что значит отсутствие документа, в котором написано, кто и что делает по тревоге! Говорил же мне дядя Миша, что его надо побыстрее составить, да все как-то не доходили руки.

Пока лодку спихивали на воду и заводили мотор, я успел сбегать домой за автоматом, хоть на «Мечте» и оставалась одна маузеровская винтовка.

Путь через лагуну занял двадцать минут, и в конце его пришел еще один доклад от Власа:

– Кажется, корабль терпит бедствие! Раньше у него с кормы шел дым, а теперь перестал, люди столпились на корме, корабль уносит в океан!

– Размеры у него какие? – рявкнул я.

– Метров восемь в длину, ширину определить трудно, он очень низко сидит.

– И почему ты решил, что этот корабль моторный?

– Потому что похож на наш «Богатырь»! Парусов нет, мачты нет, на корме что-то дымит – все как у него.

Тьфу! Я сжал зубы, чтобы не расхохотаться. Вот ведь молодое поколение растет, весел не видело! Для Власа любой корабль может быть или парусным, или моторным. В те далекие времена, когда меня на острове еще не было, а Тонга с Манюней выходили в океан на двух связанных бревнах, Влас был совсем маленьким и уже почти ничего не помнит.

Вскоре я, поднявшись на крышу каюты нашего катамарана, рассматривал в бинокль «моторный корабль». Интересно, а ведь это, кажется, не совсем плот! Две... нет, три каких-то явно гибких колбасы, связанные между собой. Экипаж... сколько же их там... ага, семь человек. Шесть примерно одного роста, один существенно меньше – или карлик, или ребенок.

«Мечта», рыча дизелями, уже шла на полном ходу к нашим гостям, потому как они действительно явно терпели бедствие. Во-первых, их уносило в океан. Хоть западный ветер был и не очень сильный, порядка семи метров в секунду, выгresti против него они не могли. А во-вторых, больно уж глубоко сидит их посудина – небось набрала воды по самое дальше некуда. И, главное, этот процесс продолжается. Успеем?

Мы успели, но впритык: плот из коры явно держался на воде последние минуты. Я кинул туда конец, самый здоровый мужик поймал его, к чему-то привязал, и вскоре плот был подтянут к катамарану, а терпящие бедствие взобрались на его палубу. Шесть взрослых – пожилая пара, парень с девушкой, два паренька лет тринадцати-четырнадцати и девочка лет шести. Но что это за люди?

Я ведь еще перед экспедицией почитал про тасманийцев и хорошо помнил единственную сохранившуюся фотографию, где были изображены последние представители этого народа. Но там были какие-то гибриды негров с питекантропами, тупо смотрящие в объектив, а здесь совершенно нормальные люди, только голые. Мальчишки так вообще больше похожи на европейцев, чем на моих полинезийцев, и не имеют совсем ничего общего с фотографией последних жителей Тасмании.

Но, чуть подумав, я понял, что ключевое слово здесь – «последние».

Представьте себе, что в Отечественной победили гитлеровцы. Кто был бы изображен на фотографии «последние русские» – богатыри и красавцы? Хрен. Да и сейчас не исключено, что в каком-то будущем может появиться такой снимок, тенденция уже просматривается. И будут оттуда смотреть на потомков тупые бомжи с пропитыми дегенеративными харями! Даже если к тому времени и останется кто-то более похожий на человека, найдется множество совершенно объективных причин, по которым он не попадет в кадр. Ибо историю пишут победители.

Потерпевшие кораблекрушение вызвали немалый интерес в городе, но относился он в основном к их одежде, а точнее – полному ее отсутствию. Дело в том, что температура была

порядка плюс пятнадцати градусов, и полинезийцы просто не понимали, как можно в такой жуткий мороз ходить без теплой одежды, обуви, головного убора и при этом не дрожать и не синеть.

Действительно, гости, кроме ребенка, сильно замерзшими не выглядели. Им выделили небольшую палатку, навалили перед ней кучу дров, разожгли костер и оставили в покое – все равно до обеда оставалось еще не меньше полутора часов.

Я же сначала внимательно рассмотрел их плавсредство, которое было отцеплено от «Мечты» и вытащено на берег. Кстати, пожилой мужик первым делом отвязал от своего судна три поперечных перекладыны, оказавшиеся копьями. Два цельнодеревянных, с обожженными концами, и одно с каменным наконечником, не только аккуратно примотанным к древку, но и замазанным чем-то вроде смолы для придания креплению большей прочности. Агрессии или испуга гости не проявляли, сидели у своего костра с видом явного блаженства и с умеренным интересом разглядывали наш город.

Их корабль оказался сделанным из коры белого эвкалипта, которую можно было снять со ствола целиком. Ее и сняли, а потом свернули в трубку и замазали чьим-то жиром. Наверное, для герметичности, а не для запаха, но воняла эта замазка здорово.

Так вот, плот состоял из трех таких баллонов – большого в центре и двух поменьше по краям. На корме располагалось нечто вроде высокой глиняной тарелки с углями и золой – видимо, добывание огня представляло собой настолько нелегкую задачу, что его брали с собой в плавание. Тарелка и давала дым, из-за которого Влас принял плот за моторное судно, а потом ее залило.

После обеда, состоящего из жаренного на вертелах валлаби, то есть кенгуру размером с зайца, коих тут водилось довольно много, я отправился на свою дачу около Прудов. Использовать Ханю в качестве переводчика оказалось невозможно – она не понимала ни слова из того, что говорили гости. Вот я и решил посмотреть, нет ли в интернете каких-либо сведений о языке тасманийских аборигенов. Потому как приплыли наши гости явно оттуда, а не с австралийского материка.

Как ни странно, словари нашлись довольно быстро. Правда, англо-тасманийские, но я в общем-то ничего другого и не ждал. Более того, выяснилось, что у наших соседей два языка, довольно сильно отличающихся друг от друга. Я выбрал тот, на котором говорили племена, обитающие на северо-востоке Тасмании, решив, что вряд ли визитеры явились к нам с противоположного конца своего не такого уж маленького острова. Так оно и оказалось – через пару недель мы уже неплохо понимали друг друга.

За это время тасманийцы освоились в городе и даже приняли участие в его обеспечении продовольствием, сходяв на охоту и добыв своими копьями трех валлаби, один из которых оказался довольно крупным, килограммов на пятнадцать. Причем сами сдали добычу на кухню, не предъявив на нее каких-либо особых прав, что лично мне очень понравилось.

Кроме того, гости поняли, зачем нужна одежда, и даже начали ее носить, но пока частично. То есть они еще соглашались надеть что-либо на торс, но и штаны, и юбки им совершенно не понравились. Получилось, надо сказать, довольно странное зрелище – сверху какая-нибудь дешевая ветровка, а снизу ничего. Дядя Миша, впервые увидев такое, вздохнул и сказал, что эту армянскую порнографию надо как-нибудь побыстрее прекратить.

Жили гости все в той же палатке, четырехместной «Тунгуске», и долго не могли понять моего вопроса, не хотят ли они сменить жилище на более просторное. Зачем? Ведь и здесь все прекрасно помещаются!

Кстати, что-то подобное произошло и с жильем для аборигенов Хендерсона и Питкэрна. Они совершенно не признавали отдельных комнат, предпочитая всей семьей жить в одной, причем так, чтобы остальные семьи тоже были рядом. Все правильно – ведь они веками на собственном тяжелом опыте уясняли простую вещь: остался один – умер, выжить можно только вместе. Даже семья, оставшись одна, тоже скорее всего умрет, просто не так быстро.

И теперь город состоял из моего двухэтажного особняка и трех похожих на косую

букву «Х» домов, стоящих впритык друг к другу. Дома выглядели так: в центре – большая пятиугольная кухня с буржуйкой, а от нее отходят четыре комнаты размером два с половиной на семь метров, в каждой из которых живет одна семья, иногда довольно большая. Пятый луч – короткий, это входной тамбур, он же дровяной сарай.

Чуть в стороне от трех домов строилась клиника – Женя опасался всплеска простудных заболеваний, но пока, тьфу-тьфу, всерьез никто не заболел, только у троих появился насморк. Впрочем, сейчас тут было самое начало осени, зима еще впереди.

Город уже имел название – Форпост, но большинство его жителей пока считало, что это просто синоним слова «город». И было этих самых жителей сорок девять, если не считать тасманийцев.

Кстати, выяснилась довольно интересная вещь. Два паренька напоминали европейцев именно потому, что в их жилах текла европейская кровь!

Лет двадцать назад, точнее тасманийцы или не помнили, или не могли сказать, их охотничья экспедиция посетила остров в пяти километрах от северо-западной оконечности своей земли. И обнаружила там двоих белых людей! Они сказали, что их большая лодка разбилась о скалы неподалеку и в живых осталось только двое.

Один, чуть оклемавшись, повел себя плохо. Пытался командовать, кричал, что надо плыть на большой остров, что в трех днях пути на север, где мог остаться их разбитый корабль и, возможно, другие выжившие. Глупому белому пытались объяснить, что плот, сделанный из лучшей коры лучшего эвкалипта и промазанный лучшим жиром самого толстого котика, все равно не сможет продержаться на воде трое суток. И двое тоже, максимум день и ночь. Но белый не успокаивался, по коей причине вскоре умер.

Я попытался расспросить, от чего именно, но собеседник сделал вид, что не знает. Понятно: болезный так достал охотников своими воплями, что те, наверное, слегка стукнули его чем-нибудь тяжелым или острым.

Второй белый оказался куда разумнее. Он без возражений последовал за охотниками на большую землю и вскоре нормально вписался в жизнь рода. Парни, про которых я спрашивал, – это его сыновья, а сам он умер три года назад. От него остался отличный нож, которым очень удобно снимать кору с корабельных деревьев.

Обитатели Тасмании жили родами, или племенами, но это было что-то вроде конфедераций. Основной административной единицей являлась семья, причем иногда она являлась довольно большим образованием. По словам моего собеседника, численность его семьи в лучшие годы превышала тридцать человек. Но последнее время духи отвернулись от нее, людей осталось совсем мало, и более удачливые семьи стали потихоньку оттеснять наших гостей из мест, богатых дичью. Вот, значит, они и решили посмотреть, не лучше ли будет переселиться на острова, находящиеся на северо-востоке от их земли.

Ближний остров, то есть Кларк, который в хорошую погоду был виден с берегов Тасмании, оказался слишком маленьким и бедным. Тогда семья решила перебраться на следующий, на моих картах обозначенный как Кейп-Баррен, но усилившийся ветер унес их плот в море.

В конце беседы глава семьи спросил, можно ли им остаться на Манюнином острове. И получил ответ, что можно, если они не будут мешать своим детям учить наш язык и с уважением отнесутся к нашим законам. У нас семьи – это просто часть племени, которое едино. Устраивает – милости просим, нет – можем отвезти на Кейп-Баррен, и живите там как хотите.

Тасманийцы согласились уважать наши законы и правила.

Кстати, перед экспедицией я попытался понять, а можно ли будет повышать численность нашей колонии за счет аборигенов Тасмании и Австралии. Так вот, все источники однозначно утверждали – нет. Мол, эти аборигены абсолютно антиобщественны и никак не могут вписаться в жизнь цивилизованного общества. Даже из их детей в основном

получаются только преступники.

Правда, теперь у меня появились вполне обоснованные сомнения в истинности английских описаний народа, который сами же англичане и уничтожили. Ладно, посмотрим, конкретно вот эти вроде выглядят приличными людьми.

Кроме того, у меня появилась мысль организовать экспедицию на остров Кинг, куда, судя по рассказу главы семьи, могло выкинуть потерпевший крушение европейский корабль. Но, подумав, я решил не пороть горячку. В конце концов, кораблекрушение случилось очень давно, и даже если кто-то спасся, вряд ли он жив до сих пор. Хотя у Дефо Робинзон Крузо вон вообще жил на острове двадцать восемь лет! Но тогда тем более спешить некуда. Робинзоны – люди решительные, у нас же пока только два автомата, а огнемёт до сих пор толком сделать не можем, все получаются какие-то неэффективные плевалки. Да и выучка личного состава, по словам дяди Миши, пока еще довольно далека от удовлетворительной.

Глава 34

К середине апреля переселение народов было в основном закончено. В Форпост перебрались все, кому это было предназначено, включая грудных детей, дядя Миша вернулся на Изначальный остров к Маше и дочке, а я при убытии забрал оттуда кристалл. Потому как иначе все мои вылазки в двадцать первый век оказывались ограниченными по времени и привязанными к гаражу на даче, потому что оставлять переход включенным на несколько дней было как-то страшновато. Мало ли, зайдет кто-нибудь в гараж – воры, например.

Но это еще не значило, что теперь для визита к дяде Мише мне обязательно придется пересекать половину Тихого океана. Ведь первый переход я открыл, когда в этом мире вообще не было ни одного кристалла! Правда, тогда я возился недели две. Интересно, как быстро это получится сделать сейчас?

Мне потребовалось полтора десятка итераций, которые заняли неделю. Разумеется, я не все это время сидел перед аппаратурой – кроме всего прочего, открытие перехода без маяка с той стороны являлось довольно утомительным занятием. Да и на работу пора было сходить, и не один раз, ибо в связи с экспедицией я несколько запустил ее, и теперь требовалось наверстать упущенное. Наконец, дяде Мише требовались новые семена, кои следовало купить, в том числе довольно экзотичные – например, клещевины. Из нее мы собирались гнать касторку для нашей авиации. Вот этим я и занимался, а по вечерам заезжал в гараж и устраивал две-три попытки открытия перехода на Хендерсон.

Почему-то стартовая точка получалась только в том самом месте, где и в первый раз, то есть в океане между пляжем и рифами. Вот мне и пришлось небольшими отрезками двигаться к берегу, пока наконец не удалось выпихнуть шест с аппаратурой и кристаллом на песок. После чего осталось открыть нормальный переход и идти здороваться с дядей Мишей, который если и ждал меня, то у оружейки, а не на пляже.

Оказалось, что майор в это время возился на огороде, но, хоть на острове и оставалось всего шестнадцать человек, разведка у него работала нормально. То есть о том, что между пляжем и рифами периодически появляется темное пятнышко, ему доложили еще полчаса назад, или, если по времени двадцать первого века, как раз ту самую неделю. Просто он не ждал меня так скоро. Но чай с земляничным вареньем был подан мгновенно.

– Ну вот, а ты боялся, – благодушно сказал дядя Миша. – Не будет тут никакой особой изоляции, разве что придется не так часто шастать туда-сюда. И, кстати, когда в следующий раз начнешь маяться с открытием, в первую же дырку просунь антенну передатчика и сообщи координаты. Потом подожди десять минут по нашему времени и открывай новую в том же месте. За это время туда уже подплывут, дежурство я обеспечу. Значит, суешь сюда свой шест и сразу начинаешь открывать третий переход, потому как время пойдет быстрее уже у нас, и мы вполне успеем донести его до оружейки и включить. Так будет заметно проще, чем тем способом, каким ты сейчас сюда попал.

Хендерсон я покинул не на своих ногах, а, как белый человек, на тракторе. Точнее, тракторенке – том самом, на котором дядя Миша привез барахло из своего европейского вояжа. Механизму нечего было делать на Изначальном острове, а вот на Манюнином для него был непочатый край работы. Мы договорились, что, если не случится ничего экстраординарного, следующий визит майора в Бассов пролив состоится весной, когда настанет время сажать овощи, фрукты, пшеницу и прочие яблони и груши. Потом – осенью, когда надо будет все это убирать и околачивать.

Перед возвращением к своим колонистам я забежал в магазин и купил две пятилитровых бутылки подсолнечного масла. Потому как хоть и писалось, что лучше всего для выработки биодизеля подходит рапсовое, но эта культура даже у дяди Миши росла как-то плоховато, а масла давала такие крохи, что проще было удавиться самому, чем пытаться выдавить из этого рапса хоть сколько-нибудь приличного количества продукта. А вот подсолнухи – совсем другое дело. Поэтому я хотел заранее проверить, можно ли делать топливо из такого сырья. В качестве подопытного будет выступать тот самый мини-трактор «Хэбэй». Я уже узнал, как называются движки вроде того, что на нем стоит, а также где и почем их можно купить. Но перед этим требовалось убедиться, что у движков не будет проблем с горючим.

Технология получения биодизельного топлива из любого растительного масла довольно проста – надо как-то удалить из этого масла глицерин. Обычно его связывают с этиловым или метиловым спиртом, используя в качестве катализатора гидроксид калия или натрия. В принципе получить эти вещества не очень трудно, но я хотел для начала попробовать более доступный в наших условиях метод. Ведь само слово «щелочь» произошло от более древнего «щелок», которое означает отфильтрованный раствор золы в воде. Он состоит в основном из карбоната калия, натрия и обладает ярко выраженной щелочной реакцией. И скорее всего тоже сгодится в качестве катализатора. Может быть, получившееся топливо и не очень подойдет для последнего «лендровера» или даже КамАЗа. Но у нас будут другие моторы, гораздо менее критичные к качеству того, что льют в их баки.

Щелок действительно оказался вполне приемлемым катализатором. Более того, мой процесс имел на выходе не только биодизель, но и еще один довольно полезный продукт. В общем, кто желает повторить, запоминайте, записывать тут нечего.

К десяти литрам подсолнечного масла добавляете литр спирта – у нас пока получался ректификат градусов под девяносто, и он был вполне пригоден для этой цели. Затем насыпаете в емкость граммов триста белой золы, особая точность тут не нужна. И ставите канистру в подогреваемый на костре бак с водой – он нужен для более точного поддержания заданной температуры. Она находится в пределах от шестидесяти пяти до семидесяти градусов. И значит, нужно сутки поддерживать эту температуру, каждые пятнадцать минут взбалтывая содержимое канистры просунутой в горлышко палкой. После чего надо профильтровать еще горячую жидкость через тряпку и дать остыть.

В результате продукт четко разделится на три слоя. В самом верхнем будет искомый биодизель. Трактор работал на нем ничуть не хуже, чем на привезенном из двадцать первого века дизтопливе, а заводился, как мне показалось, даже немного лучше.

Средний слой – серо-коричневая вязкая жижа. Скорее всего это просто очень грязный глицерин, но что с ним делать, я пока не придумал. А нижний слой, остыв, загустевает, и получается мыло! Не совсем «Ле Бланк», но пригодное как отмыть руки от мазута после возни с упомянутыми дизелями, так и постирать джинсы.

Все, подумал я после завершения своих химических опытов. Отныне мыло из будущего выдается только кормящим матерям и в клинику, все остальные пользуются местной продукцией. Тем более что, кажется, у будущего химзавода уже есть персонал. Во всяком случае, пожилая женщина-тасманийка с интересом наблюдала за моими манипуляциями, подбрасывала дрова в костер и даже иногда допускалась до перемешивания. И, получив гонорар за работу мылом, осталась очень довольной – почти как я.

И ведь действительно тут было чем гордиться. Отныне наша колония могла сама производить топливо для дизелей! Которые в отличие от доступных карбюраторных двигателей могут иметь очень большой ресурс. Тот, что стоял на тракторе, при объеме литр с небольшим выдавал пятнадцать сил, а максимальные обороты составляли всего две тысячи в минуту! Да у меня на скутере обороты холостого хода и то выше. Столь слабо форсированный движок может крутиться если не вечно, то уж во всяком случае очень долго. Вряд ли мне удастся дожить до того момента, когда они начнут выходить из строя от старости. Стоил же он всего тысячу долларов при покупке партии от десяти штук, и я собирался в ближайшее время приобрести первый десяток. Потому как Форпосту нужна электростанция – это раз. Пара небольших рыболовных суденышек – это два. А остальные движки пока полежат, потом наверняка куда-нибудь пригодятся. Жалко, из-за приличного веса их нельзя ставить на самолеты, но давно подмечено, что идеала в мире не существует. Зато, наверное, они подойдут на дирижабли – если, конечно, мы когда-нибудь соберемся строить эти небесные пузыри.

Кстати, пришла пора прояснить один вопрос, а то некоторые могут усомниться: с чего это вдруг мои аборигены приобрели хоть какое-то трудолюбие? Ведь известно, что жители тропических островов тысячелетиями только и делали, что лежали под пальмами, ожидая, когда прямо в рот свалится очищенный банан. А это способствует выработке, понимаешь, вполне определенного отношения к труду...

Может, где-то действительно наблюдалась похожая картина, но только не на тех островах, где я уже побывал. Там людям приходилось пахать от рассвета и до заката, невзирая на возраст и общественное положение. Иначе выжить было невозможно. Вот аборигены и работали на пределе сил, а иногда и с риском для жизни. Например, почему экипаж рыболовецкого плота на Хендерсоне был женским? Да потому что предыдущий, мужской, унесло в океан за пять лет до моего прибытия на остров! А перед ними был еще один, сгинувший за пятнадцать лет до них.

Опять же я читал, что где-то растут кокосовые пальмы, где-то финиковые плюс всякие там хлебные деревья...

Хендерсонские пальмы не давали вообще ничего съедобного, даже сок из них выжать было почти невозможно. Зато если их листья высушить, а потом отбить деревяшками, оставались довольно прочные волокна. Но сколько труда уходило на их получение, и сколь умеренным был результат!

У Поля на изготовление из ракушки одного крючка шло примерно двадцать часов работы, а поймать на него можно было несколько мелких рыбок или одну среднюю. Причем Поль был мастером: другие работали дольше, а крючки получались хуже.

Предки островитян привезли с Мангаревы какое-то растение с мелкими, но сладкими клубнями. На Хендерсоне оно не очень прижилось: больно уж мало тут было воды, но к моему появлению все-таки сохранились три с половиной куста, за которыми приходилось непрерывно ухаживать. Разумеется, урожая никак не могло хватить всему племени, но взрослым его и не давали – клубни шли детям.

Поэтому когда выяснилось, что с моим появлением на Изначальном острове требуются новые, доселе невиданные работы, но зато их результатом станет полная победа над голодом и жаждой, энтузиазма было хоть отбавляй, и пока еще он никуда не делся.

Тот же миф, согласно которому всякие там аборигены генетически значительно глупее европейцев, всегда казался мне насквозь сомнительным, а сразу после получения возможности посещать Хендерсон я убедился, что по крайней мере здесь он полностью несостоятелен. Все мои новые знакомые были сообразительнее, быстрее учились и легче воспринимали совсем незнакомые им понятия, чем приятели и подруги из Москвы.

Например, считается, что первый иностранный язык выучить довольно трудно, это на третьем-четвертом деле пойдет быстрее. Так вот, к моменту прибытия на остров я знал русский литературный, русский разговорный, английский почти свободно, а также вполне

терпимо читал по-немецки. И все равно Ханя быстрее заговорила по-русски, чем я по-полинезийски, хотя до того момента вообще не имела понятия о существовании каких-либо иных языков, помимо родного. А ведь меня трудно отнести к дебилам, честное слово.

Более того, девушка уже на третий день смогла нормально общаться с мориори! Несмотря на то что их древний язык отличался от ее родного даже побольше, чем русский от украинского, например. И с тасманийцами она бойко болтала через неделю после их появления. Мне даже казалось – если устроить островитянам нормальный, учитывающий особенности их жизни тест на ай-кью, то только Марик наберет меньше сотни, да и то ненамного.

Причем все это имело достаточно правдоподобное объяснение. Пусть в последнее время появились вполне обоснованные сомнения в том, что растения и животные произошли от каких-то предков исключительно по Дарвину, но в том, что естественный или искусственный отбор может оказать очень серьезное влияние на формирование вида, сомневаться трудно. Скажем, если поколение за поколением отбирать среди крыс самых отвратных внешне, тупых и злобных особей, то в конце концов получится порода с доминированием именно этих признаков. Подобное называется негативным отбором, и именно он был одним из определяющих факторов развития европейской цивилизации.

Ведь что там являлось главными элементами риска? Войны и эпидемии! А на войне в первую очередь гибнут не только и даже не столько слабые и неумелые, сколько лучшие – самые смелые, честные и самоотверженные люди. Труссы же и подлецы выживают гораздо чаще. И оставляют потомство, воспитывая его на своих ценностях...

С первого взгляда кажется, что эпидемии в отличие от войн не обладают избирательностью, но на самом деле это не совсем так. Власть имущие и просто богатые всегда имели больше шансов выжить. А это опять-таки не те люди, которых можно взять за образец моральных качеств. Судя по современной мне России, дело обстоит с точностью до наоборот, и я сильно сомневаюсь, что в прошлом было иначе.

Предки моих островитян не воевали, эпидемий среди них тоже не было. И тут отбор был положительным – преимущественное право на выживание имели самые полезные для племени люди, то есть сообразительные и трудолюбивые. А также сильные духом – как Поль, например. Кто-нибудь послабее на его месте давно сдох бы, а он сумел выжить, а незадолго до моего появления стать практически незаменимым.

Наконец, не следует забывать, что до середины девятнадцатого века крестьяне были самым многочисленным сословием Европы. Во всех ныне живущих течет крестьянская кровь, включая и немногих сохранившихся настоящих аристократов. А какие свойства помогали выжить крестьянину? Сообразительность? Не всегда, ой, как не всегда. Стремление к лучшей жизни для себя и своих детей? Способности к наукам? Не смешите.

Наибольшие шансы имели смилившиеся со своей тяжелой долей, не помышляющие ни о чем лучшем и умеющие только пахать землю дедовскими способами. Именно этот набор свойств и закреплялся в их потомках.

Наконец, есть еще один фактор, отнюдь не добавляющий привлекательности современному среднему европейцу. Он действует совсем недавно, но по силе воздействия, пожалуй, превосходит все войны и эпидемии прошлого. Я имею в виду телевизор. Ведь сейчас на программах этого, как его еще довольно мягко назвал Высоцкий, «глупого ящика для идиотов» вырастает уже третье поколение! Внуки зомбоящика, блин.

И вот сидят они перед экраном с пивом или попкорном и смотрят, как несколько недоумков разыгрывают шоу уже не для дураков, как оно было раньше, а просто для олигофренов! Потому как их титанические усилия не пропадают зря, и аудитория с каждым годом становится все менее притязательной.

Даже игры с компом, хоть с ними и пытаются бороться некоторые родители, не приводят к такой деградации, как страсть к голубому экрану. Там все-таки надо хотя бы приблизительно знать, что делать с кнопками на клавиатуре, то есть шевелить мозгами.

В свое время мне очень повезло – мой отец отлично понимал всю глубину исходящей

от телевизора опасности и сумел привить мне непреодолимое отвращение к этим выкидышам современной электроники.

Так что благодаря всему комплексу вышеуказанных причин я имел основания смотреть в будущее с оптимизмом. Народ тут отличный, и, если мы с дядей Мишей и Женькой не напортачим, его ждет достойное будущее.

Недавно Поль прислал радиogramму, что он уже отобрал для переселения в Форпост двенадцать семей. И просил, если есть возможность, прислать за ними «Мечту», потому что пора набирать новых кандидатов, но он не может этого делать, пока не решена судьба предыдущих.

Сплавать на Чатем можно, подумалось мне, хоть сейчас и зима. Погода, правда, менее устойчивая, чем летом, но наш катамаран вроде неплохо переносит штормы. Зато чаще меняется ветер, и есть надежда, что возвращаться можно будет не как в прошлый раз, то есть в основном на дизелях.

Сам же народ с Чатема вызывал у меня некоторые, совсем небольшие, но все же сомнения. Чем-то он отличался от обитателей Хендерсона и Питкэрна, а вот чем – понять я не мог. Может быть, дело в том, что они там вообще никогда не воевали? Поль подтвердил – это действительно так. Что вообще-то довольно странно – народу там достаточно много, порядка полутора или даже двух тысяч, остров небольшой, ресурсы ограничены. Казалось бы, самое место для вооруженного дележа чего-нибудь ценного! На Тасмании вон гораздо свободнее, но и то племена нет-нет да и подерутся между собой, как мне рассказали гости с этого острова. А на Чатеме – тишь, гладь и всеобщий пацифизм. Оно, конечно, здорово, но вдруг это окажется заразным для аборигенов Хендерсона и Питкэрна? Поль в этом смысле не показатель, у него к таким вещам иммунитет был с детства, а по результатам общения сначала со мной, а потом с дядей Мишей он многократно усилился.

Но тут, как будто в порядке компенсации, вышел на связь наш Изначальный остров. Майор сообщил, что на Мангареве победила революция, закончившаяся судом над организаторами и пособниками людоедского режима. И соответствующим приговором, ясное дело. Фидель остается на родине строить новую жизнь, а Че во главе семнадцати своих лучших соратников готов осваивать неведомые земли и ждет «Тритона», который доставит их на Хендерсон. Дядя Миша обещал, что самое большее за год, а скорее всего и быстрее сделает из них настоящих солдат, без которых нам пока нечего соваться даже в Австралию, не говоря уж о более далеких землях.

Эпилог

Юмау-ото, говорящий с духами рода Ваи, никак не мог успокоиться. Совсем недавно он наконец ухитрился подсмотреть, чем занимается Младший Посланец, оставшийся на Рекоху, когда уезжает на своей рычащей сухопутной лодке к безлюдному северному берегу лагуны. И увиденное повергло старого шамана в замешательство. Пришелец бросал маленькие и узкие ножи из чрезвычайно прочного камня, именуемого «сталь», в дерево! На стволе которого перед этим нарисовал белым известняком что-то вроде человеческой фигуры.

Шаман попытался обдумать только что увиденное. Не колдовство ли это? Что-то подобное было у их давних врагов, маори, когда перед битвой изображение противника поражалось особым ритуальным копьем. Однако действие не очень напоминало обряд. Скорее, пожалуй, игру или учебу. Точно, пришелец учится кидать ножи в цель! Сначала он делал это с пяти шагов, а к концу понемногу увеличил дистанцию до десяти.

Может быть, это неплохо. Ведь на Рекоху сколько угодно людей, а хромым посланцем не поленился отыскать подходящее дерево и теперь ездит к нему чуть ли не через треть острова. Значит, он не хочет убивать мориори. Но тогда кого? И, главное, чем все это закончится?

Старик понимал, что с появлением пришельцев весь вековой уклад жизни на острове

дал трещину. Они походя заставили людей усомниться в главном правиле, благодаря соблюдению которого мориори все еще живут и не впали в дикость. Оно, это правило, гласит: число людей должно оставаться постоянным. Новый человек может родиться только после того, как умрет кто-то из живущих. Недаром говорящие с духами всех четырех родов с детства учатся не только обрядам, но и счету, причем до огромных чисел, равных количеству пальцев на руках и ногах у ста человек. Что же теперь будет? Семьи, не желающие ждать своей очереди родить ребенка, собираются вокруг огромного каменного дома Младшего Посланца. Там стоит уже восемь шатров. Пока это немного, но ведь их число будет увеличиваться! По вечерам женщины племени шепчутся, что стреляющими палками пришельцев можно за день набить столько птиц, что весь род сможет съесть их только за четверть луны. А их двойная лодка привозила из океана просто невообразимое количество рыбы. И ведь хромой пришелец говорил, что народ острова способен построить такую лодку и сам. Значит, прокормиться на острове сможет гораздо больше людей, чем сейчас?

Глупые бабы! Они не понимают, что на место убитых птиц новые если и прилетят, то не скоро. А те, которые выживут, станут гораздо осторожнее, и их будет не достать даже стреляющими палками.

Рыбы тоже будет становиться все меньше, если ее вылавливать такими количествами, и с каждым разом за ней придется уплывать все дальше и дальше. Пока однажды лодка не уйдет в океан так далеко, что не сможет вернуться. Такое уже было, когда мориори только переселились на Рекоху, об этом шаману рассказывал его дед, слышавший от своего, и так далее в глубь веков.

В общем, если бы старый шаман знал такие слова, то он сказал бы, что процесс уже перешел в необратимую стадию. Но говорящий с духами хорошо понимал, что возврата к старому больше нет. И значит, раз не получится избежать резкого поворота векового уклада жизни, надо подумать, как вести себя в изменившихся условиях. Ведь что всегда являлось основой жизни мориори на Рекоху? Власть говорящих с духами! Пришельцы хотят увезти какую-то часть народа в неведомые земли, и помешать этому невозможно? Значит, надо помочь! А со временем, если духи предков окажутся милостивы к потомкам, и возглавить. И нельзя терять времени, его осталось не так уж много.

Старый шаман поспешно семенил к селению, а в голове его уже начинали складываться первые наброски грядущих великих планов.